

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
Харьковское областное историко-археологическое общество

LAUREA II

Античный мир и Средние века

Чтения памяти

профессора Владимира Ивановича Кадеева,
к 90-летию со дня рождения

Харьков
ООО «НТМТ»
2017

УДК 94(100)+902/904](082)
ББК 63.3(0)я4+63.4я43
L28

Редакторы: С. Д. Литовченко, С. Б. Сорочан

Редакционная коллегия: К. Ю. Бардола, А. Н. Домановский,
С. В. Дьячков (отв. редактор), А. П. Мартемьянов,
О. А. Ручинская, И. П. Сергеев, А. Н. Токарев,
Ю. И. Цитковская

Дизайн обложки: С. Э. Кулинич

Издается по решению:

Ученого совета исторического факультета

Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № 2 от 17.02.2017 г.).

Правления Харьковского областного историко-археологического общества
(протокол № 2 от 28.02.2017 г.).

L28 **LAUREA II. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева, к 90-летию со дня рождения. Материалы.** — Харьков: ООО «НТМТ», 2017. — 180 с.
ISBN 978-617-578-268-2

В сборнике рассматривается широкий круг актуальных проблем античной, византийской и средневековой истории, археологии, историографии, а также истории науки, музейного дела, развития исторической науки. Значительное место занимают исследования разнообразных археологических памятников. Сборник отражает современные тенденции развития антиковедения, византистики, исторической науки в целом.

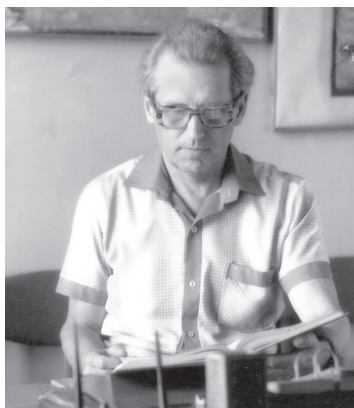
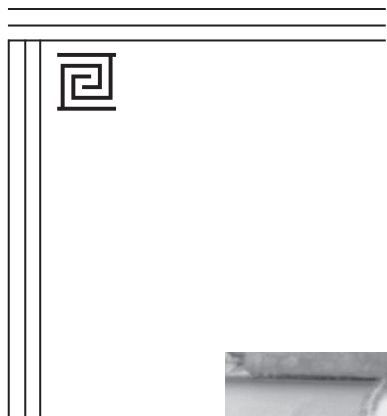
Для историков, археологов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов университетов, всех интересующихся историей и археологией.

УДК 94(100)+902/904](082)

ББК 63.3(0)я4+63.4я43

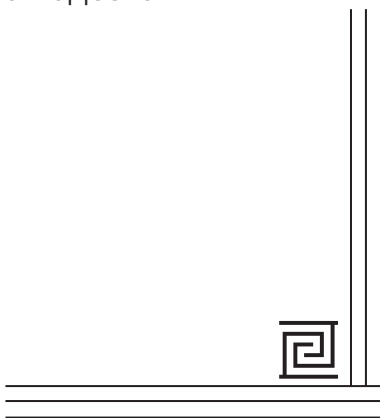
ISBN 978-617-578-268-2

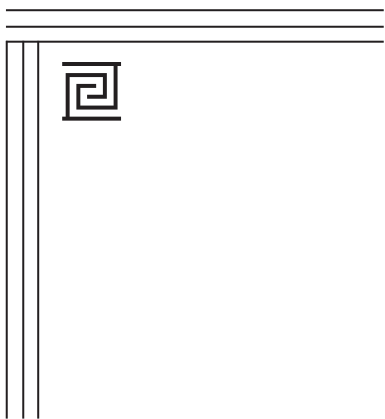
- © Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2017
- © Харьковское областное историко-археологическое общество, 2017



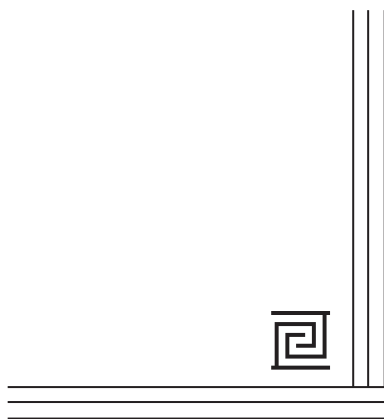
Античный мир и Средние века

Чтения памяти профессора
Владимира Ивановича Кадеева





ПРОБЛЕМЫ
ДРЕВНЕЙ
И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
АРХЕОЛОГИИ



В. С. Аксёнов (Харьков)

О семантике одного вида детских амулетов салтово-маяцкого населения бассейна Северского Донца

Изучение древностей лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры показало присутствие большого количества разнообразных амулетов-оберегов в уборе детей и женщин фертильного возраста [1, с. 13; 2, с. 93]. Археологические исследования и этнографические материалы показывают, что в традиционных обществах амулетам каждой возрастной группы соответствовал свой набор украшений и амулетов-оберегов, которые отличались не только типологически, но и формой, и размером, и тщательностью исполнения [3, с. 101]. Поэтому, вычленение из общей массы амулетов-оберегов тех групп изделий, которые были характерны только для какой-то одной половозрастной группы, может только приветствоваться.

Наше внимание в салтовских древностях бассейна Северского Донца привлекла небольшая по численности группа подвесок, которая типологически разительно отличалась от основной массы подвесок-амулетов, представленной в древностях лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры и имеющих ярко выраженную солярную символику [4, с. 175–176; 5, с. 30–42]. Семантическое значение этой группы амулетов требует своего объяснения.

Амулеты представляют собой литые бронзовые плоские подвески фигурной формы с округлой петелькой в верхней части изделия. Высота подвесок колеблется от 1,9 до 3,0 см при ширине не более 0,5 см. На сегодняшний день нам известно всего четырнадцать подвесок этого вида, которые происходят с трех памятников салтово-маяцкой культуры региона. Десять подвесок найдено в погребальных комплексах Верхне-Салтовского катакомбного могильника (№ 40 ВСМ-I, № 78, 95, 99, 107, 113 ВСМ-IV и ямное погребение № 2 ВСМ-I) (рис. 1: 1–10), три подвески происходят из погребения № 159 могильника у с. Червоная Гусаровка (рис. 1: 12–14). Еще один амулет был найден в ингумационном погребении могильника Красная Горка (рис. 1: 11)¹.

¹ Амулеты из захоронений Верхне-Салтовского музея хранятся в коллекции Харьковского исторического музея имени Н. Ф. Сумцова, амулеты из погр. № 159 Червоной Гусаровки — находятся в фондах Балаклейского краеведческого музея, амулет из захоронения могильника Красная Горка хранится в Музее археологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

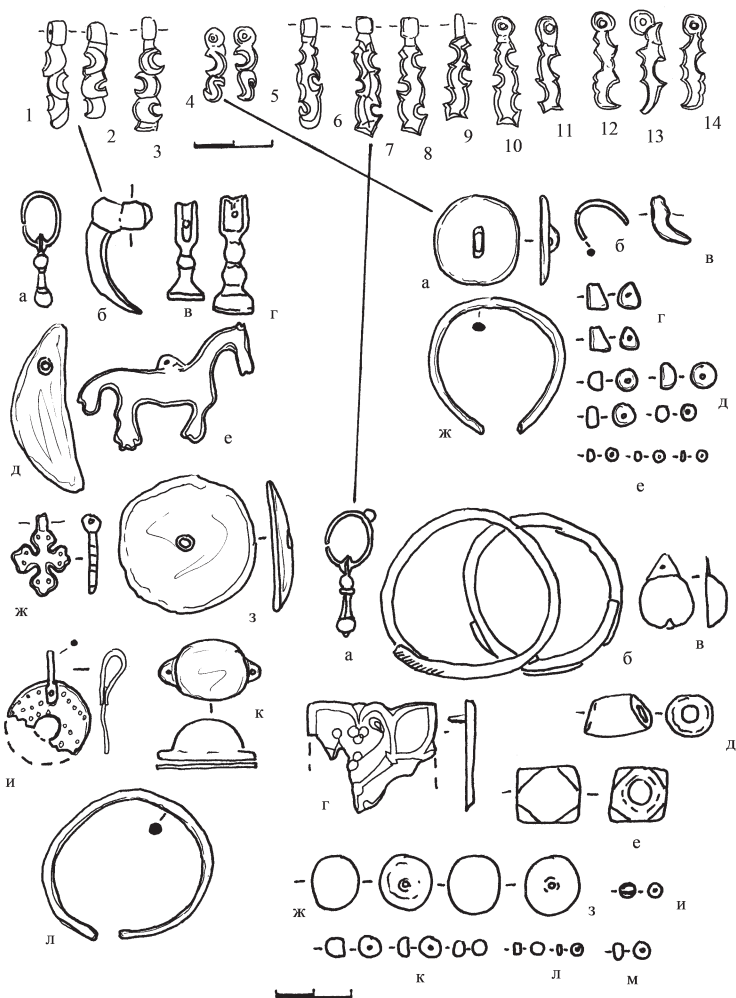


Рис. 1. Подвески-амулеты и сопровождающие их вещи из захоронений салтово-маяцкой культуры:

1, 2 — кат. № 99 ВСМ-IV, а — серьга, б — амулет в виде когтя, в, г — подвеска-печатка, д — клык животного, е — подвеска в виде кося, ж — нательный крестик, з — подвеска из стенки морской раковины, и — подвеска, к — туалетная коробочка, л — браслет; 3 — кат. № 40 ВСМ-I; 4, 5 — кат. № 78 ВСМ-IV, а — пуговица-зеркальце, б — сережка, в — стеклянная подвеска в виде когтя, г — бусы из роговика, д, е — стеклянный бисер, ж — браслет; 6 — кат. № 113 ВСМ-IV; 7, 8 — кат. № 107 ВСМ-IV, а — сережка, б — браслеты, в — штампованная пуговица, г — накладка, д — бусина из роговика, е — стеклянная бусина, ж, з — бусины из сердолика, и — полосатая стеклянная бусина, к, л, м — стеклянный бисер синего, голубого и желтого цветов; 9 — кат. № 95 ВСМ-IV; 10 — погр. № 2 ВСМ-I; 11 — погр. № 257 могильника Красная Горка; 12–14 — погр. № 159 могильника Червоная Гусаровка

Все амулеты изготовлены из бронзы при помощи литья, и могут быть разделены на два вида.

Вид 1. Подвески представляют собой своеобразную вертикальную пирамиду, состоящую из трех поставленных друг на друга стилизованных лунных серпов, обращенных своими рогами в противоположные стороны (3 экз.) (рис. 1: 1–3). Обнаружены они в кат. № 99 ВСМ-IV (2 экз.) и в кат. № 40 ВСМ-I (1 экз.). В качестве своеобразного подвида следует рассматривать амулеты, у которых подвеска состоит из двух соединенных по вертикали элементов — стилизованного лунного серпа, в нижней части которого расположена S-образная фигура (рис. 1: 4, 5). Данные подвески представлены двумя экземплярами (кат. № 78 ВСМ-IV).

Вид 2. Подвески изображают стилизованный волнообразно изгибающийся растительный побег с крючковидными отростками на вершинах волн (рис. 1: 6–14) (8 экз.). То, что изделия изображают растительный побег подтверждается дополнительной гравировкой волнистой линии в поле подвески из погр. № 3 кат. № 107 ВСМ-IV (рис. 1: 7).

Визуальная схожесть между собой подвесок выделенных видов позволяет предположить, что они имеют единое семантическое значение, и, что они являются зримым символом одного божества.

Семантика значения амулетов данного типа наиболее явственно проступает в изделиях Вида 1, изображающих троичный стилизованный лунный серп (рис. 1: 1–3). Как свидетельствуют этнографические данные, народами Северного Кавказа еще в XIX в. почиталась луна, что нашло отражение в существовании культа богини Мерем [6, с. 201], которая была связана с водной стихией. У осетин, потомков средневековых алан, мифологическим персонажем, в котором сочетается солярная и водная стихия, является Дзерасса — дочь владыки водного царства Донбеттыра [7, с. 375]. Дзерассу характеризует достаточно показательный эпитет «сияющая, подобная солнцу и луне» [7, с. 375]. Связь Дзерассы с близнецами Ахсаром и Ахсартагом (старшим поколением нартов), рождение ею сыновей-близнецов Уразмага и Хамыца, в контексте общемирового близнечного культа, позволяет видеть в ней образ матери-прародительницы всего живого [8, с. 105]. Таким образом, амулеты Вида 1 следует рассматривать в качестве символа Великой Богини, связанной с культом плодородия. Данные амулеты были призваны обеспечить их владельцам заступничество богини — подательницы жизни и наделить жизненной силой.

Амулеты, у которых подвеска состоит из двух символов (рис. 1: 4, 5), отражают эту же идею, но с помощью других знаков-символов. Один из них лунный серп, который, как мы показали выше, является символом Великой Богини. Второй символ — S-образная фигура — вероятно, следует трактовать как стилизованное изображение змея. S-образный знак выступает одним из возможных символов божественного змея — «божества низа» вселенной еще

с эпохи неолита [9, с. 79]. Божественный змей, также как и Великая Богиня, связан с водной стихией, являясь распорядителем «нижних/подземных» вод [9, с. 78]. И, если Великая Богиня представляет женское, то змей — мужское начало. Таким образом, в этих амулетах, вероятно, следует видеть соединение женского (Великой Богини) и мужского (великий змей) начал — божественного «верха» и «низа», что должно было способствовать приобретению жизненной силы, обеспечению мирового жизненного порядка.

Водная стихия божества, символом которого является рассматриваемый тип амулета, наиболее зримо представлен в подвесках Вида 2 (рис. 1: 6–14). У многих народов волнистая линия/лента символизировала воду (небесную влагу в виде дождя, земные воды) [9, с. 75]. При этом вода считается священной водной стихией (устоявшиеся выражения «святая вода», «вода жизни») [8, с. 109] и рассматривается как источник здоровья, силы. Она является источником бытия (в начале мироздания первоначально была одна вода) [9, с. 76]. Осетины, будучи земледельческим народом, верили в оплодотворяющую силу воды [8, с. 109]. Воде в традиционных культурах приписываются магические свойства, так как она выполняла роль передатчика той или иной таинственной силы, обладала особым свойством очищать людей от всякой скверны, оберегать от воздействия злых духов (в воду окунают новорожденного, неопита, водой омывают покойника и т. п.) [8, с. 104, 109]. Вертикальное построение привески в амулетах Вида 2 показывает направление движения влаги — сверху в низ (с неба на землю), что позволяет видеть в данных амулетах символ все той же Великой Богини, связанной с идеей плодородия у земледельческих народов. Оформление волнообразной привески в этих амулетах в виде растущего побега как нельзя лучше отражает идею плодородия. По-видимому, амулеты данного вида должны были способствовать благоприятному росту, развитию обладателя подвески (как растет и увеличивается молодой месяц и побег растения), благодаря связи небесной влаги/растительного побега с Великой Богиней.

Таким образом, все амулеты рассматриваемого типа связаны с Великой Богиней, выступающей подательницей всех жизненных благ, обеспечивающей благополучие и плодородие. Поэтому ношение таких амулетов, по-видимому, должно было способствовать повышению жизненной силы и обеспечивать их владельцу плодотворное развитие и рост. Поэтому вполне становится понятным, почему амулеты этого типа были обнаружены только в погребениях детей в возрасте от 3–4 лет до 12–14 лет. Эта возрастная группа, объединяла у многих народов детей, которые уже вышли из-под полной опеки своих матерей и начинали приобщаться к общественному труду в соответствии со своим полом, но еще не обрели статуса взрослого человека, так как не прошли соответствующего обряда инициации после которого ребенок-подросток считался полноправным членом общины [10, с. 29; 11, с. 196, 197]. Именно для

этой группы детей характерно большое количество амулетов самых разных типов, ибо дети 3–12 лет уже вышли из-под «покровительства» надетых на их матерей личных амулетов-оберегов [12, с. 261]. Дети этой возрастной группы получали свои личные амулеты-обереги, вид и количество которых напрямую зависели от личного состояния здоровья индивида (рис. 1: 1а–1л; 4а–4е; 7а–7м) и от демографической ситуации в семье/общине [13, с. 183].

Ношение подвесок рассмотренного вида было призвано обеспечить их владельцев дополнительной жизненной силой, что особенно важно при достаточно высокой детской смертности в среде салтово-маяцкого населения Подонья [14, с. 160–161, табл. 4.3.5].

Литература

1. Албегова З. Х. К вопросу о религии алан (по амулетам салтово-маяцкой культуры) // Базы данных в археологии. — М., 1995.
2. Албегова З. Х. Палеосоциология аланской религии VII—IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // РА. — 2001. — № 2.
3. Михайлова Е. А. Съёмные украшения народов Сибири // Сборник МАЭ. — Т. 51. — СПб., 2006.
4. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. — 1967. — № 146.
5. Флёрова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим — М., 2001.
6. Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Труды ИЭ АН СССР. — Т. 51. — 1959.
7. Калоев Б. А. Дзерасса // Мифы народов мира. — Т. 1. — М., 1997.
8. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. — М., 2008.
9. Голан А. Миф и символ. — М., 1993.
10. Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX — начале XX века. — Л., 1988.
11. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа. — М., 1968.
12. Хоружая М. В. Детские погребения из катакомб Верхне-Салтовского археологического комплекса (попытка половозрастной и социальной интерпретации) // Древности 2014–2015. Историко-археологический ежегодник. — Вып. 13. — Х., 2015.
13. Васильева Г. П. Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. — М., 1986.
14. Бужилова А. П. Homo sapiens: История болезни. — М., 2005.



В. В. Колода (Харьков)

Культурно-хронологическая интерпретация селища «Мохнач-Ж»

Лесостепная зона салтовской культуры на Северском Донце характеризуется наличием разветвлённой сети административно-хозяйственных микрорегионов. Их центрами, как правило, выступают городища, к которым тяготеет определенное количество открытых поселений, а также могильники. Одним из наиболее изученных является микрорегион, центром которого является городище Мохнач в одноименном селе Змиевского р-на Харьковской обл. Вокруг него известно 19 поселений, что исследованы с различной полнотой. Одним из них является селище «Мохнач-Ж», которое и станет предметом настоящей статьи.

Его открытие связано с работами Северо-Донецкого отряда Таманской экспедиции Института Истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР 1954 г. на городище в с. Мохнач и его окрестностях во главе с С. А. Плетнёвой. Среди девяти открытых ее отрядом поселений было и селище «Ж».¹ На основании собранного подъемного материала оно было интерпретировано как многослойное с отложениями скифского и нового времени (XVIII—XIX вв.) [1, с. 31, план]. Наши исследования окрестностей городища Мохнач в течение последних лет позволили собрать интересный, в определенной степени — уникальный, подъемный материал на этом памятнике. Это значительно расширяет его культурно-хронологическую интерпретацию, что в значительной степени отражено в полевом отчете [2, с. 39–40, рис. 36, 40: 11–16].

Селище «Мохнач-Ж» расположено на расстоянии ≈5 км к юго-западу от городища на краю покатого плато правого берега Северского Донца напротив озера Белое. Поселение занимает практически прямоугольную в плане площадку между двумя глубокими ярами (рис. 1). Исходя из площади распространения подъемного материала, которая составляет примерно 200 × 100 м, его площадь составляет не более 2 га. Оно интенсивно распахивается, что привлекает самодеятельных поисковиков.

Весь собранный материал можно условно разделить на несколько культурно-хронологических групп.

¹ Начиная с 1950 г., когда было открыто первое селище в округе городища Мохнач, все сопутствующие ему поселения получают буквенную нумерацию по порядку кириллического алфавита.

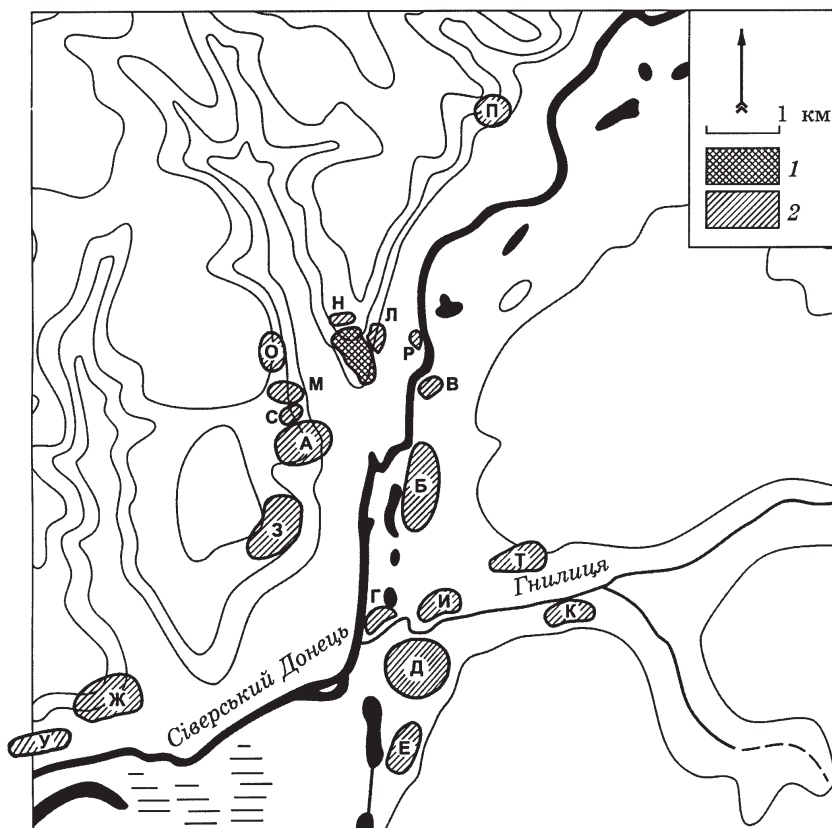


Рис. 1. План-схема селищ вокруг городища Мохнач:

Условные обозначения: 1 — городище, 2 — селище

Скифская культура раннего железного века

Этот период представлен фрагментами лепных горшков с закраиной у дна. К сожалению, нам не удалось выявить орнаментированных фрагментов. Обломки горшков «скифского времени» без указания их орнаментации упоминает в своем отчете и С. А. Плетнёва [1, с. 31]. Единственный известный нам бронзовый наконечник стрелы с данного поселения (рис. 2: 2) относится (по А. И. Мелюковой) к редкому варианту-5 распространенного типа-2 отдела-II второй хронологической группы данных изделий, который датируется исследовательницей второй половиной VI — первой половиной V вв. до н. э. [3, с. 21, вспомогательная таблица, рис. 1]. Отметим, что данный наконечник самый типологически ранний из всех нам известных бронзовых наконечников в с. Мохнач и его округе. Однако он не противоречит общей датировке

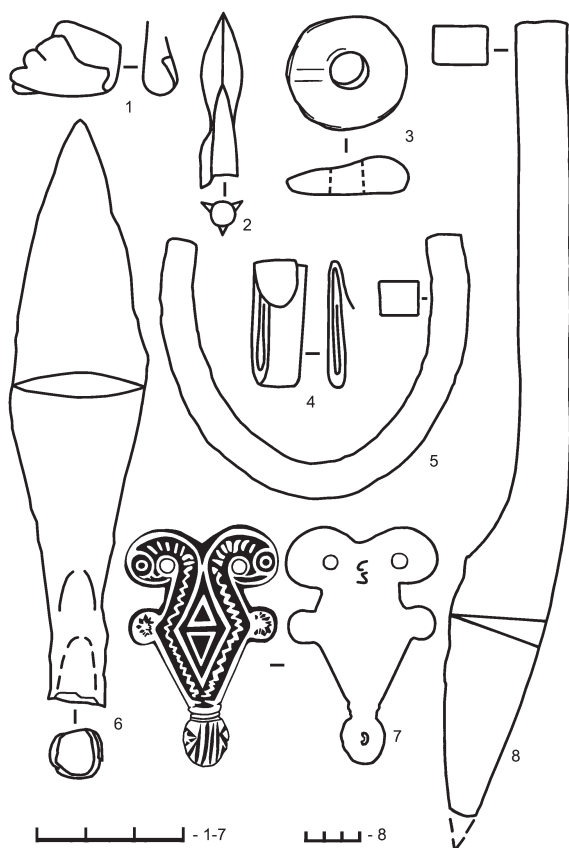


Рис. 2. Подъемный материал с селища «Мохнач-Ж»:
1, 2, 4 — бронза; 3 — свинец; 5, 6, 8 — железо; 7 — серебро

скифских материалов с городища Мохнач: первая половина/середина V — вторая половина/последняя четверть IV вв. до н. э. [4, с. 177]. Данное поселение было одним из 7, входивших в сельскохозяйственную округу городища Мохнач на скифском этапе его существования [5, с. 10–12; 6, с. 42–45, табл. 1].

Пеньковская археологическая культура

Данная культурно-хронологическая группа представлена лишь двумя, но очень выразительными находками: железным наконечником дротика с обломанной втулкой (рис. 2: 6) и серебряной фибулой без иглы и приемника (рис. 2: 7). Наконечник дротика имел перо лезвия длиной 10 см, шириной — 2,9 см при толщине 0,7 см, сечение — линзовидное. Втулка его сохранилась на 2 см длины при диаметре ≈ 1 см. По размерам лезвия наш наконечник

относится к группе «коротких копий и дротиков» [7, с. 46–48]. По своим размерам он близок находкам аналогичного оружия на поселении «Занки», что в 15 км к юго-западу от селища «Мохнач-Ж» и также на берегу Донца [7, рис. 2: 31, 32]. Один из них выявлен в комплексе VI–VII вв. [8, с. 40, 116, рис. 87: 6], другой — в культурном слое [9, с. 78–79, 228, табл. XLV]. Фибула имеет небольшие размеры: ≈5 см в длину и 3 см — в ширину. Аналогии ей на памятниках Восточной Европы нам не известны. По небольшому размеру и наличию не трех (традиционно), а лишь двух боковых выступов ее следует отнести к типу «Пергамон — Бухарест (оз. Тей)». Наиболее близкой аналогией является случайная бронзовая находка из Бребене (Румыния) — [10, s. 99, abb. 19: 16; 11, p. 137, fig. 4: 4].¹

Находки третьей четверти I тыс. н.э. на рассматриваемом селище «Мохнач-Ж» не случайны. Пеньковские керамические материалы присутствуют на городище Мохнач [12, с. 132; 13, с. 45] и еще одном селище — Мохнач-П — к северу от городища [14, с. 436]. Это свидетельствует об устойчивом пребывании в мохначанском микрорегионе пеньковского населения в VI–VII вв. Дополнительным доказательством этому является так называемый «погребальный комплекс из Мохнача», который был случайно выявлен в ≈1 км к западу от нашего поселения (ниже по Донцу) при хозяйственных работах на территории садоводческого кооператива «Дружба» [15, с. 30, 147, рис. 20].

Салтовская археологическая культура

Эта культурно-хронологическая группа находок достаточно хорошо представлена керамическим подъемным материалом в виде обломков гончарных кухонных горшков, столовых сосудов и амфорной тары. Среди индивидуальных находок следует отметить свинцовое пряслище (рис. 2: 3) и железный плужный нож (рис. 2: 8). Последний относится к салтовским череслам наиболее распространенного типа-II, с характерной односторонней заточкой ножевидной ассиметричной рабочей части [16, с. 74, прим. 1; 17, с. 78, рис. 44: 7, 9, 10]. Его общие размеры: длина — 43 см, ширина рабочей части — 5 см, прямоугольный в сечении черешок — 3 × 2 см. К салтовскому кругу древностей относятся, скорее всего, две бронзовые (медные-?) свернутые пластины-оковки от ножен ножа (?) — (рис. 2: 1, 4).

Такой набор находок не оставляет сомнения в том, что в салтовское время (середина VIII — середина X вв.) данное земледельческое поселение²

¹ Сердечно благодарим за консультацию Я. В. Володарца-Урбановича.

² Среди подъемного материала нами выявлен обломок обработанного кварцита, который принадлежал зернотерке (либо жернову). Его фрагментарность не дает отнести находку к конкретной эпохе, но свидетельствует о земледельческой направленности хозяйства у древнего населения памятника.

было составляющей частью одного из наиболее крупных и экономически самодостаточных микрорегионов лесостепной части Хазарского каганата, который на сегодня насчитывает 17 селищ в округе городища Мохнач [5, с. 12–13].

Слобожанская культура

Находки нового времени (XVIII—XIX вв.) — это фрагменты орнаментированных кафельных плиток с румпой, что упоминаются еще в отчете С. А. Плетнёвой [1, с. 31]. Среди наших находок есть обломки керамики этого времени и железная подкова от каблука (рис. 2: 5). Населенный пункт «Мохначёво» известен по документам 50-х гг. XVII в. [18, с. 32, 35]. Начало заселения края в слободское время представляло собою появление отдельных хуторов, известных в настоящее время как селища по обоим берегам С. Донца, пока в XVIII в. современное село Мохнач окончательно не утвердилось на своем теперешнем месте на правом берегу Донца. Селище «Мохнач-Ж» было одним из семи открытых поселений с остатками этого периода в округе городища.

Таким образом, благодаря работам С. А. Плетнёвой было выявлено открытое поселение «Мохнач-Ж», а работами последних двух лет уточнена его культурно-историческая и хронологическая принадлежность. В настоящий момент указанный памятник содержит культурные отложения лесостепной скифоидной культуры раннего железного века (V—IV вв. до н. э.), пеньковской (VI—VII вв.), салтовской (середина VIII — середина X вв.) и слобожанской (XVIII—XIX вв.) археологических культур.

Литература

1. Плетнёва С. А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Таманской экспедиции ИИМК ИА РАН летом 1954 г. / Архив ИА РАН. — Р. 1. — № 1025.
2. Колода В. В. Отчет о работе на городище Мохнач и селище Мохнач-У Змиевского района Харьковской обл. в 2016 г. / НА ИА НАНУ. — № 2016/6. н.
3. Милюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. — Вып. Д1–4. — М., 1964.
4. Колода В. В. Скифские материалы городища Мохнач (по материалам новейших исследований) // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. — Х., 2011.
5. Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи // Археологія. — 2007. — № 2.
6. Колода В. В., Колода Т. О. Старожитності с. Мохнач та його округи // АЛЛУ. — 2001. — Ч. 2.
7. Панікарський А. В. Списи та дротики ранніх слов'ян: функціональна класифікація // Археологія. — 2015. — № 1.

8. Дьяченко А. Г. Отчет о раскопках славяно-русской археологической экспедиции Белгородского пединститута в 1989 г. / НА ИА НАНУ. — № 1989/254.
9. Любичев М. В. Пеньківська культура Дніпро-Донського межиріччя. — Дис. ... канд. іст. наук. — Харків, 1994 // НА ИА НАНУ.
10. Fiedler U. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. — Bonn, 1992.
11. Teodor Dan Gh. Fibule “digitate” din secolele VI—VII în spațiul Carpa-to-Dunăreano-Pontic // Așezarea medievală. — XV. — București, 1992.
12. Свистун Г. Е., Чендев Ю. Г. Восточный участок обороны Мохначанского городища и его природное окружение в древности // АЛЛУ. — 2002/2–2003/1.
13. Колода В. В., Свистун Г. Е. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2005 году / НА ИА НАНУ. — № 2005/6.
14. Колода В. В. Исследования на селище «П» близ с. Мохнач // АДУ 2011. — К., 2012.
15. Приходнюк О. М. Пеньковская культура. — Воронеж, 1998.
16. Колода В. В. Два салтовских комплекса из Государева Яра // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. — Х., 2013. — Вип 3.
17. Горбаненко С. А., Колода В. В. Сільське господарство на слов'яно-хозарському порубіжжі. — К., 2013.
18. Багалій Д. І. Історія Слобідської України. — Х., 1993.



В. В. Котенко (Полтава)

**Торгівля Херсонеса Таврійського
з полісами Північно-Західного Причорномор'я
в елліністичний час
(за матеріалами столової кераміки)**

Дослідження економіки античних полісів Північного Причорномор'я вже тривалий час є пріоритетним завданням українського та закордонного антикознавства. Особливе місце в цьому питанні займає до-римський період, коли більшість понтійських полісів в елліністичний час пережили етапи бурхливого економічного розвитку, за якими настала кризова фаза, яка завершилася геополітичними та соціально-економічними трансформаціями ближче до рубежу ер.

Значна територія — Південно-Західна, Західна та Північно-Західна Таврика в цей час перебувала під протекторатом Херсонеса Таврійського і була зайнята поселеннями його хори. Як відомо, в елліністичний час Херсонес Таврійський переживав економічний підйом, що було можливим за рахунок вдалої внутрішньої політики та активних зовнішньополітичних зв'язків.

Археологічно це прослідковується на матеріалах місцевого херсонеського виробництва, де провідне місце займало гончарство. В ергастеріях Херсонеса Таврійського в цей час активно, у значній кількості і серійно виготовлялися клеймовані амфори, кухонний та столовий посуд, кераміка спеціального призначення тощо, які масово надходили на поселення його хори (рис. 1: 1–4). У порівнянні з іншими північнопричорноморськими полісами, гончарство Херсонеса Таврійського було одним з найрозвиненіших в елліністичний час та мало специфічні риси у вигляді не лише петрографічних характеристик, а й набору форм та орнаментативних виробів, що дозволяє нині виокремлювати та картографувати його продукцію принаймні на матеріалах античних центрів Таврики та Північно-Західного Причорномор'я.

Контролюючи значні території на північний захід та не маючи по суті поблизу сусіднього поліса, Херсонес Таврійський в елліністичний час розвивав північно-західний вектор торгівлі, який узгоджувався з внутрішньополітичними пріоритетами й давав вихід на віддалений регіон материкових полісів Побужжя та Подністров'я.

Дослідження епіграфічних матеріалів, зокрема проксенів [1, с. 119–120], показали, що Херсонес Таврійський мав активні торговельні відносини, у першу чергу, з Ольвією. Археологічно це фіксується на матеріалах її

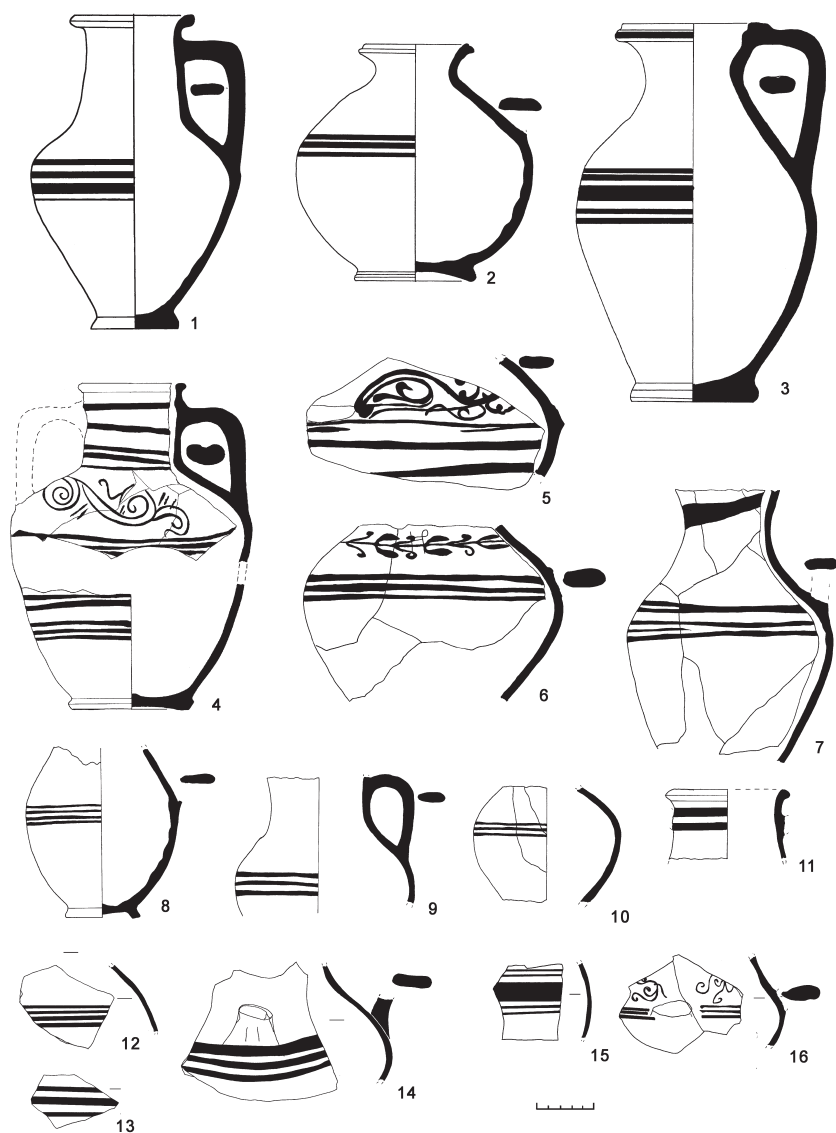


Рис. 1. Кераміка херсонеського виробництва:
1–4 – з поселення Маслини у Північно-Західній Тавриці; 5–11 – з Ольвії;
12–16 – з Тіри

керамічного комплексу, де в елліністичних шарах трапляються херсонеські вироби. Оминаючи питання надходження до Ольвії херсонеської продукції в амфорній тарі, яка частково була досліджена М. І. Золотарьовим [2, с. 123–137], окремо варто розглянути столову кераміку, яка, очевидно, виступала категорією товару і в ольвійських матеріалах представлена компактною групою.

Дане питання вже було частково висвітлене в науковій літературі [3, с. 119–130], тому в даному випадку лишається лише включити Ольвійський поліс до торгівельного маршруту херсонеських купців як один із пріоритетних пунктів збуту продукції в амфорній тарі та, поруч з цим, гончарних виробів. З Херсонеса до Ольвії в якості товару наймасовіше надходили столові глеки, які вирізняються від місцевої продукції складом формувальної маси, морфологією та оформленням зовнішньої поверхні (рис. 1, 5–11). Привізні херсонеські глеки в Ольвії представлені здебільшого стінками, рідше — археологічно цілими виробами, які виготовлені з характерної червоної глини, що містить видимі домішки вапняку. За формою це типові посудини видовжених пропорцій на кільцевому піддоні з валикоподібним чи ребристим вінцем, вираженим горлом, овальним тулубом та одною ручкою, що кріпилася до тулуба вище середини посудини та до горла. Аналогічні посудини широко відомі як з розкопок Херсонеса Таврійського, так і з поселень його хори у Північно-Західній Тавриці [4, с. 152–153; 5, с. 271–288; 6, с. 78–87].

Принциповою у питаннях атрибуції даної групи посуду виявилася орнаментация. Херсонеські глеки з Ольвії по зовнішній поверхні прикрашені типовими оперізуючими смугами червоної чи бурої фарби в середній частині тулуба шириною до 1 см. Дещо рідше зустрічається рослинний орнамент у вигляді завитків винограду та абстрактних мотивів. Стилiстично такий розпис належить до місцевої імітації *Gadra Style*, який був популярним в елліністичний час. Інколи такий орнамент було поєднано зі смугами та виконано поверх світлого ангобу. Особливу увагу тут привертають лисковані глеки з аналогічною орнаментациєю, приналежність яких до херсонеської продукції треба в подальшому підтверджувати або спростовувати додатковими петрографічними аналізами. Такі стилістичні особливості херсонеської кераміки, що зустрічається в Ольвії, дали привід переглянути обмежену серію орнаментованих виробів, які раніше було віднесено до місцевого ольвійського виробництва [7, с. 51].

Враховуючи те, що з Херсонеса Таврійського до Ольвії надходила значна кількість продукції в амфорах, особливо в першій чверті III ст. до н. е. [2, с. 129], а ольвійська продукція у вигляді сіроглиняних лискованих блюд відома на поселеннях його хори [8, с. 68–76], наявність столової херсонеської кераміки в Побужжі є цілком закономірним явищем.

Значно менше в історіографії висвітлене питання економічних контактів Херсонеса Таврійського з полісами Подністров'я, зокрема з Тірою та Ніконієм. Вивчення проксенів дало можливість встановити, що даний вектор херсонеської торгівлі був досить розвинутим, адже міг прокладатися навіть не лише каботажним способом, а й оминати Ольвію [1, с. 120]. Дані центри Північно-Західного Причорномор'я значно менше досліджені, однак і в їх матеріалах зустрічаються речі херсонеського виробництва. Основним товаром, що надходив сюди з Херсонеса Таврійського, традиційно виступала продукція в амфорах [9, с. 509; 10, с. 468], однак в елліністичних шарах присутні також уламки характерної столової кераміки [11, с. 141–142; 12, с. 18–21]. Вона представлена серією червоноглиняних глеків, орнаментованих по тулубу типовими смугами червоної чи бурої фарби (рис. 1, 12–16). З матеріалів Тіри відомі також фрагменти лискованих виробів з рослинним орнаментом, які наразі теж варто віднести до херсонеського виробництва.

Наявність такого червоноглиняного посуду з характерним смугастим орнаментом в культурних шарах Ніконія дає змогу датувати його останнім століттям доримського періоду в хронології даного поліса, а саме часом від середини IV ст. до н. е. до середини III ст. до н. е., коли життя на пам'ятці припиняється [9, с. 519]. Власне, відштовхуючись від такої хронології, стає можливим встановити приблизний час активного розвитку північно-західного вектору херсонеської торгівлі, на який прийшовся також етап активної розбудови та функціонування хори поліса у Північно-Західній Тавриці, куди також надходили аналогічні товари.

Таким чином, картографія знахідок кераміки херсонеського виробництва на території Північно-Західного Причорномор'я дала можливість з'ясувати наступні риси економіки поліса в елліністичний час. По-перше, завдяки таким знахідкам підтверджуються торгівельні відносини між Херсонесом Таврійським з одного боку та Ольвією, Тірою і Ніконієм з іншого, які реалізовувалися морським шляхом через західні береги Таврики, територія яких входила до складу його хори. По-друге, очевидними стають значні обсяги херсонеського керамічного виробництва в елліністичний час, яке по праву можна вважати ледь не провідним ремеслом поліса в даний етап його існування. Саме цей фактор послугував причиною того, що столова херсонеська кераміка стала в цей час товарною продукцією, яка знайшла свої ринки збуту далеко за межами економічної монополії Херсонеса Таврійського. Художнє оформлення херсонеських глеків, очевидно, користувалося популярністю в елліністичному світі, адже саме такий посуд переважає з-поміж привізних матеріалів. Отже, у херсонеській торгівлі елліністичного часу домінував північно-західний вектор, який відкривав перспективні ринки полісів Північно-Західного Причорномор'я.

Література

1. *Сапрыкин С. Ю.* Понтийские проксении и маршруты плавания греков по Черному морю // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В. П. Копылова. — Ростов-на-Дону, 2013.
2. *Золотарев М. И.* Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в IV—II вв. до н. э. (по материалам херсонесских керамических клейм из Ольвии) // Северо-Западный Крым в античную эпоху. — К., 1994.
3. *Котенко В. В.* Посуд Херсонеса Таврійського, знайдений в Ольвії // АДІУ. — 2015. — Вип. 1 (14).
4. *Белов Г. Д.* Эллинистический дом в Херсонесе // ТГЭ. — 1962. — Т. VII.
5. *Тюрин М. И.* Столовые эллинистические кувшины Херсонеса из цистерны в ХСVII квартале: вопросы типологии и метрологии // Причерноморье. История, политика, культура. — V (II). — Серия А. — 2011.
6. *Котенко В. В.* Елліністичні глеки з поселення Маслини // Археологія. — 2015. — № 3.
7. *Зайцева К. И.* Группа местной расписной керамики с растительным орнаментом из Ольвии III—II вв. до н. э. // Художественные изделия античных мастеров. — Л., 1982.
8. *Котенко В. В.* Сіролощена кераміка з поселення Маслини // Археологія. — 2011. — № 1.
9. *Секерская Н. М.* Никоний // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины). — Одесса, 2013.
10. *Самойлова Т. Л.* Тира (конец VI в. до н. э. — IV в. н. э.) // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины). — Одесса, 2013.
11. *Самойлова Т. Л., Строкин С. В.* Керамика северопонтийских городов из Тиры (IV—I вв. до н. э.) // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. — К., 1982.
12. *Котенко В. В.* Про один із векторів херсонеської торгівлі // Археологія. — 2017. — № 1.



А. А. Супренков, В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарев

(Москва, Симферополь, Керчь)

**Комплекс хозяйственных сооружений
на северо-восточной окраине поселения Гора Чиркова 1
(по итогам раскопок Керченско-Таманской экспедиции в 2015 г.)**

В 80-е гг. прошлого столетия на археологическую карту Таманского полуострова Я. М. Паромов нанес 64 поселения VIII—X вв. [1, с. 72–75; 2, с. 76–78]. За последние два десятилетия количество памятников «хазарского» времени в регионе значительно увеличилось, при этом в их число были включены и поселения, которые ранее относились к античному и «тмутараканскому» периодам.

Среди последних оказалось поселение Гора Чиркова 1, обнаруженное в 1984 г. Я. М. Паромовым в юго-западной части Таманского полуострова, в 3,6 км к северо-востоку от п. Виноградный, расположенном на северном берегу Цокурского лимана. Вслед за Я. М. Паромовым до недавнего времени оно рассматривалась как составная часть другого, более крупного поселения, которому исследователь присвоил название Виноградный 7. На основании данных аэрофотосъемки и границ распространения подъемного материала он установил площадь памятника в пределах 31 га и датировал его VI—I вв. до н. э. и X—XIII вв. н. э. [2, с. 77, пункт 59; 3, с. 144].

В 2001 г., в процессе раскопок, проведенных на поселении Н. Ю. Лимберис, горизонта «тмутараканского» периода выделить не удалось. Верхний слой, прослеженный на его северо-западной окраине был датирован VIII—X вв. К этому же периоду относились и четыре хозяйственные ямы. В 2002 г. к югу и востоку от участков, исследованных в 2001 г., В. В. Бочковой раскопал остатки трех каменных построек, семь хозяйственных ям и часть ровика, который, по мнению исследователя, мог окружать жилую часть раннесредневекового поселения. Спустя год И. И. Марченко были выявлены остатки еще трех каменных построек и три хозяйственных ямы, а в 2005 г. В. Ю. Кононов раскопал четыре хозяйственных ямы и открыл новый участок ровика, окружавший поселение. Наконец, в 2011 г. по результатам разведок С. А. Буравлёва поселение Виноградный 7 было разделено на два памятника. Соответственно, восточной его части, площадью около 38 га, где среди подъемного материала преобладала античная керамика, было оставлено прежнее наименование, а северо-западную часть

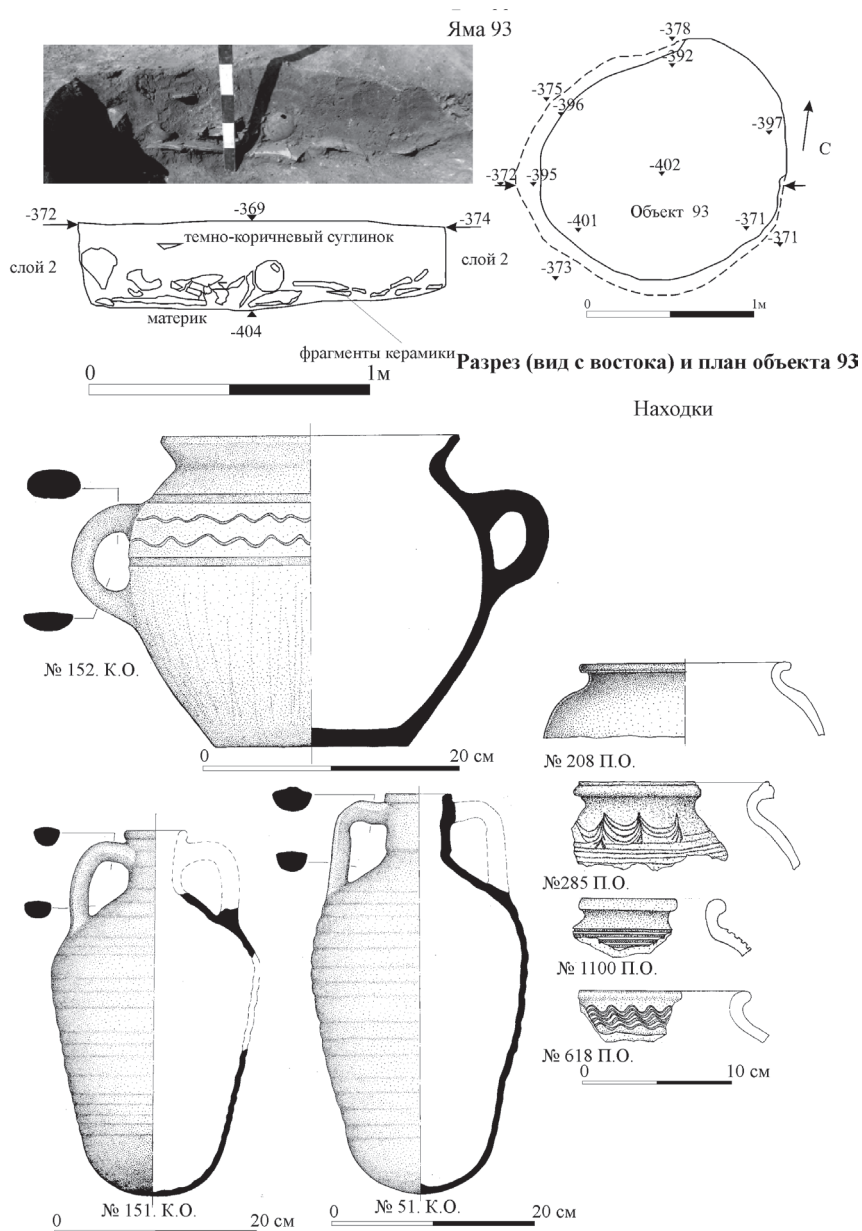


Рис. 2. Поселение Гора Чиркова 1. Яма № 93.
План, стратиграфический разрез, находки

Стратиграфически они были разделены на два культурных горизонта, но, по сути, поселение представляло собой однослойный памятник, поскольку выделенный в пределах его исследованного участка верхний слой гумусированного суглинка темно-серого оттенка сформировался в результате многолетней распашки и представлял собой перемешанный с дерном антропогенный пласт нижележащего плотного суглинка серо-коричневого оттенка.

Такую модель стратиграфической колонки подтверждает и археологический материал, совершенно идентичный для обоих слоев. За исключением немногочисленных находок, относящихся к IV—III вв. до н. э., он был представлен керамикой и другими находками — аксессуарами одежды, украшениями, предметами быта и орудиями труда из железа, медных сплавов, стекла, камня и кости, датировавшимися в пределах VIII — первой половины X вв. К этому же периоду относились 97 различных по форме и размеру ям и котлованов, пятна заполнения которых были зафиксированы в основном на уровне материка и нижнего слоя плотного суглинка серо-коричневого оттенка. Однако, судя по той глубине, на которую они сохранились, практически все ямы были впущены с уровня гумусированного суглинка темно-серого оттенка, который на протяжении многих лет подвергался распашке.

В восточной части раскопа площадью более 877 кв. м никаких археологических объектов выявлено не было. Иными словами, можно допустить, что примерно где-то здесь и пролежала восточная граница поселения.

Что же касается ям и котлованов, в их размещении не прослеживалось четкой и организованной структуры, но при этом, случайно или нет, они сформировали четыре компактные группы археологических объектов, располагавшиеся на расстоянии от 23 до 50 м друг от друга.

Группа 1 состояла из 11 ям и была локализована в северо-западном углу раскопа на площади $35,0 \times 35,0$ м. В 27 м к востоку от нее расположена компактная и наиболее многочисленная группа 2, в которую включена 41 яма, охватывавшая площадь размерами $40,0 \times 35,0$ м. В 23 м к востоку от нее на площади $78,0 \times 13,0$ м выделена группа 3, состоящая из 13 ям, вытянутых в направлении ЮЗ-СВ. Группа 4, состоявшая из 32 ям, занимала площадь размерами 60×70 м и находилась в 50 м к востоку от группы 3.

Таким образом, в отличие от участков, исследованных в 2002 и 2004 гг., где были раскопаны остатки каменных фундаментов шести построек, ни одного жилого комплекса в этой части поселения обнаружить не удалось. Здесь размещались исключительно объекты хозяйственного назначения. К сожалению, их функциональное назначение установить очень сложно, тем более, за редким исключением, все они были частично разрушены плантажным плугом, а некоторые ямы оплыли и утратили свою первоначальную форму. Тем не менее, за исключением аморфных в плане естественных углублений,

большую часть из них можно интерпретировать как хозяйственные ямы-зернохранилища.

В зависимости от формы они были разделены на пять типов.

Тип 1. Округлые и овальные в плане ямы с вертикальными или слегка сужающимися ко дну стенками.

Тип 2. Округлые и овальные в плане ямы с расширяющимися ко дну стенками, за счет чего в разрезе они имеют трапецевидную или колоколовидную форму.

Тип 3. Округлые в плане ямы с вертикальными стенками в верхней части и «подбоями» в придонной части.

Тип 4. Округлые в плане ямы, противоположные борта которых в придонной части сужаются и расширяются по направлению ко дну.

Тип 5. Округлые в плане ямы с вертикальными и расширяющимися ко дну противоположными стенками в придонной части.

На последнем этапе функционирования хозяйственных ям, судя по характеру заполнявшего их грунта, а также обилию фрагментированной керамики и других находок, многие из них были превращены в свалки бытового мусора и золы. В заполнении таких ям найдены многочисленные фрагменты керамики — «причерноморских» бороздчатых амфор, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, ойнохой «скалистинского» типа, салтово-маяцких лощеных сосудов (двуручных корчаг, кувшинов, кружек и кубышек), салтово-маяцких горшков и мисок (рис. 2). Помимо керамики в ямах оказались плиты ротационных жерновов из известняка, обломки рюмок и бокалов из прозрачного стекла оливково-зеленого и изумрудно-зеленого оттенков (типа II и вариантов 1–1; 2–1 по классификации Е. В. Веймарна и А. И. Айбабина), хозяйственно-бытовые изделия (пряслица, ткацкие грузила, абразивы, иглы, шилья, гвозди, ножи), украшения (браслеты, серьги, бусы), аксессуары одежды (пряжки, накладки на ремни), орудия труда (серпы, скребки из кости) и кости животных, преимущественно крупного и мелкого рогатого скота.

Среди обычных ям, которые на последнем этапе функционирования использовались для сброса бытового мусора и золы, были обнаружены заброшенные и частично засыпанные хозяйственные ямы, в которых совершили ритуальные жертвоприношения людей и животных. К числу таких необычных объектов относится яма 1 с компактным скоплением отдельных костей лошади и яма 59 с захоронением ребенка, уложенного на боку в скорченном положении. Еще одно жертвоприношение, зафиксированное в виде компактного скопления разрозненных костей мужчины, было совершено в яме 62 глубиной 0,2 м, но она, судя по всему, была вырыта для этой цели специально и после совершения ритуала ее перекрыли небольшой конусовидной насыпью.

Отдельные ямы и котлованы, в силу необычных находок, атрибутировать гораздо сложнее. Среди них выделяется яма 21 диаметром 2,0 м, сохранившаяся на глубину до 0,4 м. На ее дне расчищена очажная конструкция, размерами $1,0 \times 0,9$ м, занимавшая более половины площади. В плане она имела прямоугольную либо овальную форму и была сложена из саманного кирпича, уложенного в один слой. Ниже подошвы очага залегал суглинистый слой угольно-черного оттенка, смешанный с большим количеством древесного угля и золы, мощностью 0,20–0,35 м. Учитывая размеры очага и свободного пространства вокруг него, интерпретировать эту яму как жилое помещение не представляется возможным, соответственно не удалось установить и ее функциональное назначение.

Некоторые объекты, в том числе яма 10 размерами $3,0 \times 2,0$ м и глубиной не менее 0,37 м, яма 57 диаметром 2,4 м и глубиной 1,2 м и котлован 73 размерами $7,5 \times 3,5$ м и глубиной не менее 0,4–0,6 м, напоминают оплывшие котлованы полуземлянок. Однако, ни в одном из них не были найдены остатки хозяйственно-бытовых устройств и конструктивных элементов, в том числе лежанок, печей, очагов, ямок для опорных столбов стенок и перекрытия, ступеней и полов. Не были зафиксированы в них и фрагменты турлучной обмазки деревянных каркасов стен. Иными словами, если это и были полуземлянки, то их перекрытия опирались не на каркасно-столбовую или каркасно-жердевую конструкцию и использовались они, исключительно, в хозяйственных целях, к примеру, в качестве погребов, подсобных хозяйственных помещений и зернохранилищ. Рядом с одним из них — котлованом 73, было обнаружено одиночное грунтовое погребение, которое, как и захоронения людей и животных в ямах, имело ритуальный характер.

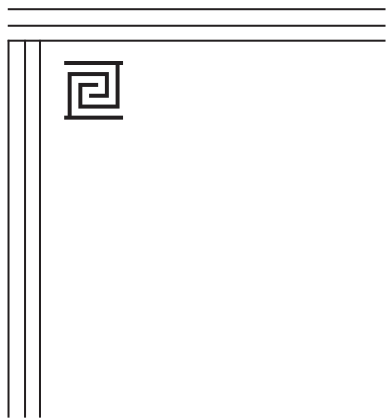
Таким образом, поскольку, как уже упоминалось выше, жилых построек в этой части поселения обнаружено не было, можно полагать, что в пределы исследованного участка попала его периферийная часть, где размещались разнообразные хозяйственные комплексы, среди которых преобладали ямы-зернохранилища и полуземлянки. Многочисленные находки из них свидетельствуют о том, что ведущее место в хозяйственно-экономической деятельности жителей поселения отводилась пашенному земледелию и животноводству.

К сожалению, комплексно памятник проанализировать пока не представляется возможным, поскольку не опубликованы материалы его раскопок за 2001–2006 гг. Такая же ситуация наблюдается и в отношении остальных рядовых сельских поселений салтово-маяцкой культуры Таманского полуострова. В настоящее время в научный оборот частично введены материалы раскопок лишь одного из них — поселения Артющенко I [6, с. 73–81; 7, с. 239].

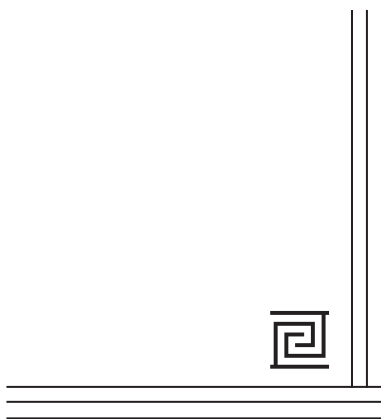
Литература

1. *Паромов Я. М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981–1983 гг. // КСИА. — 1986. — Вып. 188.
2. *Паромов Я. М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. — 1989. — Вып. 196.
3. *Паромов Я. М.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. — 1992. — Вып. 1.
4. *Сударев Н. И., Кашаев С. В.* История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. — Керчь, 2016.
5. *Супренков А. А.* Поселение Гора Чиркова 1 — история исследований и новейшие раскопки // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. — Керчь, 2016.
6. *Виноградов Ю. А.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // ЗВОРАО. — 2002. — Новая серия. Т. I (XXVI).
7. *Виноградов Ю. А.* Основные итоги изучения поселения Артющенко I на Таманском полуострове // ПИФК. — 2013. — № 2(40).





ИСТОРИЯ АНТИЧНОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА



А. Б. Акимов (Харьков)

Особенности менталитета ветеранов римской армии (по материалам провинции Дакия)

Особенности положения Дакии, пограничной, окруженной варварами провинции, приводили к особой роли в ней военных — как действующих, так и поселившихся здесь после увольнения в отставку римских ветеранов. Ветераны составляли в Дакии значительную прослойку населения и, пользуясь полученными от государства привилегиями, являлись одной из ведущих социальных групп провинции, оказывавшей влияние на все происходившие в ней процессы. Таким образом, изучение особенностей менталитета и мировоззрения этой социальной прослойки позволит нам расширить представление о роли ветеранов в социально-политической жизни Дакии.

Статус ветерана и все полагающиеся к нему льготы и привилегии воин получал после длительной и трудной службы. Продолжительность службы составляла 20–25 лет в легионах и свыше 25 лет во вспомогательных войсках [1, с. 92–93; 2, с. 174]. В ряде случаев войны, особенно центурионы, служили сверх положенного срока (CIL, III, № 2008, 2048, 8487) [3, р. 114], но возможно было и досрочное увольнение за особые отличия (Dig., III, 2, 2, 2) [4, S. 179–184].

Вышедший в почетную отставку ветеран получал от государства единовременное вознаграждение (*praemia militaria*) в виде денежной суммы (*praemia nummularia*) или земельного участка (*praemia agraria*) и целый набор льгот и привилегий. Почетный статус, правовые и социальные привилегии, материальные преимущества фактически превращали ветеранов и членов их семей в особое сословие, стоявшее на одном уровне с декурионами [2, с. 186] и игравшее весьма важную роль в провинциях.

Долгая и трудная служба, проходившая в боях и походах, навсегда оставляла след в сознании отставного военного, являясь самым значительным событием в его жизни. Статус ветерана был для него предметом особой гордости, выделявшим воина среди остального населения. Неудивительно, что ветеранский статус всегда особо подчеркивался в надписях, причем впереди всех гражданских достижений дедиканта, а перечисление ступеней и достижений воинской карьеры часто составляло основу ветеранских надписей (CIL, III, № 1181, 1471, 1484; IDR, III/2, № 391, 452 е. а.).

Предметом гордости отставного воина были также полученные им на службе почетные награды (*dona militaria*) — различные венки, фалеры, оже-

релья (torques), браслеты (armillae), которые, кроме почета, представляли собой и вполне определенную материальную ценность. Однако, учитывая с каким трепетом относились ветераны к своим наградам, как награды перечислялись и даже изображались в ряде эпитафий (CIL, III, № 1193, 3844, 14187), мало верится, что они могли быть использованы для продажи.

Ветеран и после отставки продолжал оставаться воином по самосознанию [5, р. 173]. Он и в мирной жизни сохранял привычную для него склонность к дисциплине и порядку, соблюдению армейских традиций. По традиции, ветераны чтили Фортуны (CIL, III, № 854, 1008) и Немезиду (CIL, III, № 1592), богинь, популярных среди военных [6, р. 267–274]. Весьма распространенное в армии почитание Победы (Victoria Augusta) сохранялось и среди ветеранов [1, с. 373–374]. Не забывали вспомнить и о гениях воинских частей, в которых проходили службу (CIL, III, № 1008; IDR, III/1, № 136), и уважение к которым ветераны сохраняли и в своей последующей жизни [7, р. 1542–1555].

Львиная доля религиозных посвящений, сделанных ветеранами, относится к богам римского пантеона — Юпитеру (CIL, III, № 1037, 1041, 1067 е. а.), Юноне (CIL, III, № 7627, 780), Аполлону (CIL, III, № 787, 989), Диане (CIL, III, № 987, 7742; IDR, III/2, № 113) и другим. Обращает на себя внимание небольшое количество дошедших до нас посвящений ветеранов различным региональным, провинциальным богам — всего шесть (CIL, III, № 1100, 1101, 7652, 7680, 7954; IDR, III/1, № 142). Отеческие боги большинством из них были позабыты и оставлены. Даже те, кто еще помнил о родных богах, нередко чередовал обращения к ним с посвящениями богам имперского пантеона или императору. Большинство же ветеранов считало себя римлянами, и родными для них стали боги римского народа.

Да и сам ветеран был уже не тем малограмотным крестьянином или не знающим латыни перегрином, каким он мог быть до поступления на службу. В армии вчерашний провинциал проходил всестороннюю подготовку и обучение, выходя в отставку достаточно образованным и вполне романизированным гражданином [8, S. 117] с твердо сформировавшимся «имперским сознанием» [9, S. 142–145]. Благодарственные надписи за здоровье императоров и членов императорской семьи являются едва ли не основным видом ветеранских посвящений (CIL, III, № 1004, 1100, 1172, 1375; IDR, III/1, № 136, 137, 142 е. а.). Такая преданность ветеранов повелителям Рима неудивительна. Императору солдат приносил присягу, да и служба его рассматривалась как служба лично принцепсу [10, с. 44–45]. Под императорскими ауспициями проходили боевые походы воина, жалование, различные льготы, награды и донативы рассматривались как проявление щедрости повелителя [11, р. 378]. И, наконец, почетная отставка и связанные с нею привилегии и высокий статус ветерана считались полученными лично от императора [2, с. 263]. Ветераны считались одними из наиболее верных и преданных

граждан державы. Хотя, как отмечает Я. Ле Бозк, посвящения военных и ветеранов императору носят довольно сдержанный характер, без чрезмерного рвения и поклонения, что встречается у некоторых провинциалов или императорских отпущенников [1, с. 379]. Будучи надежными сторонниками принцепса, ветераны знали себе цену и, вероятно, подобно солдатам, ощущали себя не столько подданными, сколько партнерами императорской власти [2, с. 274].

После выхода в отставку ветераны, надо полагать, держались несколько обособлено, однако сохраняли дружеские отношения со своими товарищами-сослуживцами и другими ветеранами. В некоторых городах ветераны объединялись в свои коллегии (*collegia veteranorum*) чтобы иметь возможность более тесного и регулярного общения друг с другом [12, с. 122–124]. Основанные на армейском товариществе и корпоративности, коллегии давали ветеранам определенное чувство защищенности в новом и малознакомом для них мире, а возможно, выполняли также и погребальные функции. Из Дакии на сегодняшний день нам известна одна надпись, упоминающая ветеранскую коллегию в Потаиссе (CIL, III, № 7688).

Привычные к суровым условиям жизни и тяжелому труду, сохраняя солдатскую смекалку и напористость, ветераны в мирной жизни зачастую становились крепкими, зажиточными хозяевами. Довольно быстрый подъем разоренного войнами хозяйства Дакии обеспечен, в основном, именно ими.

Часть поселившихся в Дакии ветеранов занимала различные командные должности в легионах и вспомогательных войсках — от принципалов до военных трибунов. Приобретенный ими командно-административный опыт был незаменим и в мирной жизни. Умение держать на контроле ряд вопросов по жизни и деятельности своего подразделения, принимать оперативные решения и, наконец, высокое чувство ответственности делали таких ветеранов отличными кандидатами на замещение должностей в муниципальных администрациях.

Участие в органах местного самоуправления было для римского гражданина одной из лучших возможностей самовыражения, удовлетворения характерного для римлян стремления к достижению почестей на политическом поприще. Кроме того, избрание в число городских магистратов открывало для ветерана и его потомков путь в ряды муниципальной аристократии. Разумеется, какая-то часть ветеранов могла и не стремиться взять на себя новые обязанности, но это, скорее, нетипично для империи того периода. Данные эпиграфики свидетельствуют о весьма деятельном участии ветеранов в формировании и работе муниципальной администрации городов Дакии (CIL, III, № 1100, 1181, 1485; IDR, III/2, № 113, 123, 369 е. а.).

Таким образом, римские ветераны, даже после отставки, по своему менталитету фактически продолжали оставаться военными, со склонностью

к дисциплине, порядку, воинской корпоративности, с высоким чувством ответственности. Это были романизированные люди, преданные Риму и лично императору. Приобретенный за годы службы опыт способствовал тому, что многие из них могли стать состоятельными хозяевами и хорошими администраторами. Ветераны были главной опорой императорской власти и основой стабильности в Дакии в течение всего периода существования провинции.

Литература

1. Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней империи. — М., 2001.
2. Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. — СПб., 2006.
3. Birley E. Some legionary Centurions // ZPE. — 1989. — Bd. 79.
4. Wesh-Klein G. Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit. — Stuttgart, 1998.
5. Vendrand-Voyer J. Normes civiles et métier militaire à Rome sous le Principat. — Clermont, 1983.
6. Ștefănescu A. The Religion of the Soldiers from Dacia during the third Century // Dacia. — 2006. — T. 50.
7. Speidel M., Dimitrova-Milčeva A. The Cult of Genii in the Roman Army and a New Military Deity // ANRW. — 1978. — Bd. II. 16.
8. Jung J. H. Die Rechtsstellung der römischen Soldaten. Ihre Entwicklung von den Anfängen Roms bis auf Diokletian // ANRW. — 1982. — Bd. II. 14.
9. Stoll O. «Offizier und Gentleman». Der römische Offizier als Kulturfunktionär // Klio. — 1998. — Bd. 80.
10. Эрк В. Император как глава войска. Военные дипломы и императорское управление // ВДИ. — 2004. — № 3.
11. Kerrie L. The Army and the Navy // САН. — 1996. — Vol. 11.
12. Колосовская Ю. К. К вопросу о социальной структуре римского общества I—III вв. н. э. (Collegia veteranorum) // ВДИ. — 1969. — № 4.



С. Д. Литовченко (Харьков)

«Армянская вечерня» — история одного пропагандистского мифа

Готовясь к решающей битве с Октавианом, Марк Антоний вызвал римские легионы с территории всех своих владений. Были отозваны и римские войска, оккупировавшие территорию Великой Армении со времен беспрецедентного разгрома царства в 34 г. до н. э. Внезапным уходом римлян не преминул воспользоваться Арташес II, сын опозоренного и недавно издевательски казненного в Александрии Артавазда II (Dio Cass., XLIX, 44, 4; Тас. Апп., II, 3). Сын армянского царя разбил Артавазда Мидийского, которому римляне поручили контроль за частью территории Великой Армении, и восстановил законную власть династии Арташесидов на армянском престоле.

По сообщению Диона Кассия (Dio Cass., LI, 16, 2), Арташес не только захватил власть в Великой Армении, но и уничтожил всех римлян, находившихся в стране. Чудовищная резня, ставившая армянского царя в один ряд с Митридатом VI, устроившим массовое избиение римлян в 88 г. до н. э. в Азии, могла стать одним из знаковых эпизодов противостояния Запада и Востока в античную эпоху. Однако не стала, не вошла в римскую историческую традицию и не привела к радикальным изменениям в римской внешней политике. Единственной реакцией Октавиана на преступление армянского монарха был отказ от выдачи Арташесу II армянских заложников, которые находились в Александрии (Dio Cass., LI, 16, 2). Но такое требование римляне не должны были выполнять в любом случае, так как правитель Великой Армении был открытым союзником парфян. Фактически, римской реакции на убийство римских граждан не было. Чтобы понять причины такого развития событий, необходимо еще раз вернуться к событиям 30–20-х гг. до н. э. в Великой Армении.

Арташес II — убийца римских граждан, правил в течение десяти лет, ни разу не столкнувшись с Римом. Август не предпринял ни одной попытки свергнуть царя, вина которого была значительно больше, чем естественное нежелание склонять голову перед римскими значками. Смена власти в Армении произошла только в 20 г. до н. э., когда на престол был возведен римский ставленник Тигран III.

Это событие рассматривается большинством исследователей как естественное продолжение политики Августа по уничтожению неугодного монарха, запятнавшего себя страшным преступлением, которое нельзя было оставить

без ответа [1, с. 278–279; 2, с. 201; 3, р. 17–18, 21; 4, р. 9; 5, р. 74; 6, с. 57]. Однако анализ источников показывает, что римляне не свергли Арташеса II, а лишь воспользовались внутренним переворотом в стране [7, р. 325; 8, р. 161].

Поход Тиберия на Восток не столько привел к смене власти в Великой Армении, сколько был вызван самой сменой власти. Вероятнее всего, часть армянской знати, ориентированная на союз с Римом, сама свергла Арташеса II и обратилась к римлянам за помощью. В источниках четко говорится, что Август не готовил акции в Армении во время своей поездки на Восток [7, р. 323]. Известие о заговоре против Арташеса настигло его уже в пути, и он был вынужден посылать за Тиберием и Тиграном в Рим. Еще до прихода римских войск армяне сами убили Арташеса II, и Тиберий смог возвести Тиграна III на престол без сопротивления (Dio Cass., LIV, 9; Vel. Pat., II, 94, 4; Suet. Tib., 9; Tac. Ann. II, 3, 4).

Пассивность Августа в свержении Арташеса II объясняют, как правило, миролюбием принцепса и нежеланием втягиваться в большую войну на Востоке с парфянами и союзными им армянами [1, с. 279; 9, р. 209]. Однако к моменту свержения Артавазда парфяне уже выдали римлянам легионные значки (Vell. Pat., II, 92; 94) и угрозы конфликта с Парфией не существовало. Кажется, что Август был готов оставить без наказания убийцу римлян еще на годы, и только случай помог римлянам.

Не менее интересно упоминание об интересующих нас событиях в «Деяниях божественного Августа» — в официальном пропагандистском описании правления римского императора. В тексте много внимания уделено Армении, Август откровенно гордится тем, что возвел на престол Тиграна III, представляя это своей важной победой (RGA, 27, 2). Но ни единого слова в документе не говорится о римском участии в свержении Арташеса II и о наказании царя за убийство римлян.

Еще более странным выглядит сообщение Тацита. Историк называет Арташеса по имени, но утверждает, что царя не свергли римляне, а убили родственники (Tac. Ann. II, 3, 4). И, кроме того, Тацит вообще не упоминает об убийстве римлян, но даже объясняет антиримскую позицию царя объективными причинами — бесчестным поступком Антония в отношении Артавазда II.

Нет упоминаний о наказании армян за убийство римлян и в произведениях римских поэтов, в том числе, и Горация, который сообщает о миссии Тиберия (Horace, Epist., I, 12, 26–28). Ничего о возмездии убийцам римлян не говорится ни в труде Светония (Suet. Tib., 9, 1), ни в панегирическом произведении Веллея Патеркула, в котором дважды упоминается об армянской миссии Тиберия (Vel. Pat., II, 94, 4; 122, 1).

Молчание наших источников, в первую очередь, пропагандистских «Деяний», о наказании враждебного монарха за одно из самых злейших преступлений против Рима, нельзя объяснить только неполнотой нашей информации или отсутствием в эпоху Августа целенаправленной пропагандистской политики. Вероятно, для этого были иные причины.

Несмотря на то, что сообщение Диона Кассия без критики принимается большинством исследователей, оно требует более детального анализа [10, S. 1326; 11, S. 67; 12, с. 126; 13, р. 82; 14, р. 181; 15, р. 61; 8, р. 156; 16, р. 93]. В источнике ясно говорится, что убийство римлян произошло уже после отзыва римских гарнизонов из Великой Армении. Следовательно, под удар армян могли попасть, в основном, римские граждане мирных профессий. Но как они оказались в Армянском царстве? Оккупация Армении длилась всего три года. За это время римские купцы, откупщики, ремесленники просто не успели бы обосноваться в регионе. Не могли быть жертвами и представители римской гражданской администрации, так как формально Армения в римскую провинцию не была превращена, а подчинялась царю, сыну Антония и Клеопатры¹. Не успело распространиться в стране и предоставление римского гражданства для местных жителей. Не подтверждается значительное присутствие римлян в Армении в этот период ни вещественными источниками, ни данными нумизматики. Более рациональной может быть гипотеза о римских торговцах, которые стали жертвой армянского меча [13, р. 82; 16, р. 93], но и их присутствие в Великой Армении всего лишь допущение. По нашему мнению, можно сказать, что для массовых убийств в Армении просто не хватило бы римских граждан. Вероятнее всего, если жертвы и были, а это нельзя отрицать, так как Арташес именно захватывал отцовское царство, то это были римские солдаты, которые могли не успеть выйти из царства на помощь к Антонию. При тогдашних средствах сообщения это было бы неудивительно. Но устроить резню, аналогичную митридатовой в Азии, у армянского царя просто не было возможности.

Чем же можно, в таком случае, объяснить пассаж Диона Кассия? Вероятнее всего, мы имеем дело с заготовкой римской пропаганды, которая не пригодилась и не попала поэтому в поздние официальные источники. Если предположить, что свержение Арташеса стояло на повестке дня в первые годы правления Октавиана, то для оправдания активных действий римлян необходимо было веское обоснование. Ведь та же римская пропаганда представляла Арташеса жертвой политики Антония, как показал Тацит. Свержение же убийцы римлян, «нового Митридата», было бы достаточно обоснованным. В рамках этой гипотезы можно рассматривать передачу изгнанному царю Великой Армении Артавазду Атропатенскому в управление именно Малой Армении (Dio Cass., LIV, 9), как постоянной оседаемой угрозы новому армянскому царю [17, р. 443; 7, р. 325; 18, р. 158].

Однако свержение Арташеса II не состоялось и история с убийством римлян оказалась не востребованной. А способ воцарения Тиграна не требовал оправдания римским действиям. Вероятнее всего, в случае с резней 31 года мы имеем дело с достаточно надуманным событием, которое, если и имело место,

¹ См. дискуссию о статусе Великой Армении после ареста Артавазда II в недавней статье Л. Патерсона [16, р. 93–99].

то не в тех масштабах, в которых оно было представлено в нашем источнике. Во-первых, количество римлян в Армении после вывода легионов было настолько незначительным, что вряд ли их хватило бы на массовое убийство. Во-вторых, действия римской пропаганды показывают, что римляне, превратившие возврат легионных значков парфянами в победу, равнозначную Заме, Магнесии или Пидне, вообще не использовали «резню» в агитационных целях.

Литература

1. Моммзен Т. История Рима / Пер. с нем.: В 4 т. — Ростов-на-Дону, 1997. — Т. 4.
2. Бокищанин А. Г. Парфия и Рим: В 2 ч. — М., 1966. — Ч. 2.
3. Pani M. Roma e re d'Oriente da Augusto a Tiberio (Cappadocia, Armenia, Media Atropatene). — Bari, 1972.
4. Luttwak E. Grand Strategy of the Roman Empire. — Baltimore; L., 1976.
5. Chaumont M.-L. L'Arménie entre Rome et L'Iran// Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: In 2 Tl. — B., 1979. — Tl. 2, Bd. 9, Hb. 1.
6. Хачикян А. Э. Восточная политика Рима в период становления принципата (Август — Клавдий) и Армения. Дисс. ... канд. ист. наук. — Ереван, 1988.
7. Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy in the East: 168 B. C. to A. D. 1. — L., 1984.
8. Sicker M. The pre-Islamic Middle East. — Westport; L., 2000.
9. Scullard H. H. From the Gracchi to Nero: A History of Rome from 133 B. C. to A. D. 68. — N. Y.; L., 2011.
10. Baumgartner W. Artaxias (2)// RE. — 1896. — Bd. II. Coll. 1326.
11. Asdourian P. Die politischen Beziehungen zwischen Armenien und Rom von 190 v. Chr. bis 428 n. Chr. Ein Abriss der Armenischen Geschichte in dieser Periode. — Venedig, 1911.
12. Дибвойз Н. К. Политическая история Парфии / Пер. с англ. — СПб., 2008.
13. Reinhold M. From Republic to Principate: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History Books 49–52 (36–29 B.C.). — Atlanta, 1988.
14. Chaumont M.-L. Échos de la campagne de Tibère en Arménie (20 av. J.-C.) dans un épigramme de Krinagoras// L'antiquité classique. — 1992. — T. 61.
15. Garsoian N. The Emergence of Armenia // The Armenian People from Ancient to Modern Times: Vol. I: The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century/ Ed. by R. Hovannisian. — N. Y., 1997.
16. Patterson L. E. Antony and Armenia // TAPA. — 2015. — Vol. 145. — № 1.
17. Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ: In 2 v. — Princeton; New Jersey, 1950. — Vol. 1.: Text.
18. Gruen E. The expansion of the empire under Augustus// CAH. — 2-nd ed. — 2005. — Vol. 10.



М. М. Маркович (Дрогобич)

Перська кампанія імператора Юліана 363 р.

Молодий виходець з філософських шкіл проявив себе, найперше, як вдалий військовий, чудовий адміністратор, а релігійні погляди були орієнтиром у його діяльності. А. Махлаук впевнений, що вирішальним фактором при виборі відповідної моделі поведінки були знання, почерпнуті з книг, від героїв, яких він намагався наслідувати, навіть часом стилізуючи свої дії і «імідж» полководця під старовинні зразки [1, с. 34].

З листопада 361 р. помер імператор Констанцій II, залишивши наступником свого двоюрідного брата Юліана. Римська імперія вела війну з Персією, і Юліан мусив продовжити перську кампанію, яку проводив його попередник. Амміан Марцеллін висвітлив перську кампанію Юліана, тривалістю в три місяці, на сторінках 3 книг із 18 збережених [2, с. 70].

Після вступу на престол імператора перський цар Шапур II відправив до нього посольство з пропозицією переговорів. Проте Юліан відкинув такий варіант і вирішив піти на Персію війною (Lib. Or. 18, 164–166). Готуючись до походу, Юліан витратив багато коштів. Щодо чисельності всієї армії, підготовленої в похід, то Зосім нараховує 65-тисячну армію (Zos. III, 13, 1), інші джерела не повідомляють загальної кількості. Було збудовано багато кораблів. Амміан подає таку чисельність флоту, яким командували трибун Констанціан і коміт Луцілліан: 1000 вантажних кораблів, 50 військових кораблів і 50 тимчасових мостів (Amm. Marc. 23, 3, 4–9). Зосім нараховує 600 дерев'яних суден, 500 з обшивкою зі шкіри і 50 військових кораблів (Zos. III, 13, 2).

На початку весни — 5 березня Юліан вирушив з Антіохії, віддавши наказ про похід. Усім військам було наказано проходити через Євфрат. Вони прибули в Іераполіс (суч. Памуккале) (Amm. Marc. 23, 2, 2–3, 6). Звідти Юліан пройшов Месопотамію, Ассирію і по тимчасовому мосту перетнув з військом Євфрат, прямуючи через міста Батни і Карри (Amm. Marc. 23, 2, 7; 23, 3, 1). Планування експедиції з самого початку передбачало рух по Євфрату, тобто через Кіркісію, а не по Тигру, оскільки мав бути постійний зв'язок між армією і супроводжуючим її флотом [3, р. 318].

В Каррах імператор вимушений був розділити військо, оскільки розвідка повідомила, що кінні загони ворога напали поблизу кордону і вкрали здобич. Він відправив частину армії, а саме 30 тисяч чоловік під командуванням

Прокопія, і відрядив з ними коміта Себастіана (Amm. Marc. 23, 3, 4–5). Зосім тут нараховує 18 тисяч чоловік (Zos. III, 12, 5), а Лібаній — 20-тисячну армію (Lib. Or. 18, 214). За наказом Юліана вони не повинні були перетинати Тигр, по можливості, з'єднатися з військом царя Арсака і пройти через Кордоену, Моксоену, Хіліоком, Мідію і приєднатися знову до імператора ще в Ассирії. Лібаній і Зосім головним завданням залишеного війська виділяють охорону Месопотамії.

Наступним пунктом на шляху армії Юліана було місто Каллінікум (суч. Ар-Ракка), куди вони прибули 27 березня. Тут імператору здалися сарацинські племена. З основним військом тут зустрівся флот. Разом з допоміжними загонами сарацинів армія на початку квітня прибула у фортецю Кіркісію (Circesium).

Не збавляючи темпу, Юліан вступив на територію Ассирії. Маршрут був прокладений і через покинуте місто Дура-Европос, а через чотири дні армія прийшла до фортеці Анафа. Імператору вдалося захопити її, після чого укріплення було спалене (Amm. Marc. 24, 1). Йдучи по Євфрату, армія проминула розташовані на островах ріки фортеці Тілуту, Ахайахалу і покинуті міста Бараксмальху, Діакіру та Озогардану. В останньому відбулася сутичка між римською армією і персами 22 квітня, в якій римляни перемогли. Перси зробили ще одну невдалу спробу напасти, коли армія перепливала ріку поблизу міста Пірісабори. Це місто римляни взяли в облогу і через декілька днів оборони 2500 персів здалися імператору (Amm. Marc. 24, 2) (Zos. III, 17–18). Наступним містом, яке взяв Юліан, було Майозамальха (Amm. Marc. 24, 4, 10–24) (Zos. III, 20–22).

Імператор скликав військову раду з приводу облоги Ктесифону, на якій вищі чини висловилися за утримання від таких дій (Amm. Marc. 24, 7, 1). Ускладнило ситуацію те, що не прийшла на допомогу армія під командуванням Прокопія і Себастіана. Пізньоантичні автори не вказують причини неявики допоміжних загонів. Р. Ібатуллін розрахував, що лише одні переходи армії, не враховуючи ні облог, ні боїв, ні переговорів з місцевими правителями, ні відпочинку армії, повинні були тривати 57 діб. У такому разі армія прибула б на допомогу в середині травня, а Юліан чекав їх на початку червня. Автор підсумовує, що військове командування неправильно розрахувало терміни операції, оскільки не мало уявлення про довжину і складність маршруту Кордуена — Моксоена — Хіліоком. Ця армія лише в середині серпня змогла прийти неподалік міста Нісібіс [4, с. 184–185].

Проте Юліан вирішив рухатися далі Персією. Аби направитися без затримок від ріки Тигру на південь, в глибоку територію противника, імператор вирішує знищити флот, на обслуговування якого було виділено аж 20 000 солдатів. Вирішено було залишити лише 20 кораблів, які можна було перевезти на підводах, якщо вони знадобляться для спорудження мостів, решту — було

спалено (Zos. III, 26, 3). Амміан стверджує, що в процесі продовження походу імператор пожалкував про таке рішення (Amm. Marc. 24, 7, 3–4, 6). Є дві версії цієї події. Перша, яку знаходимо в християнських істориків, говорить, що це було зроблено за порадою підступних перських перебіжчиків, а друга версія, яку надають Лібаній і Зосім, полягає у стратегічному обґрунтуванні такого рішення. Вивчення Юліаном попередніх кампаній проти Персії і наявність в нього Ормізда виключає потребу в допомозі перських перебіжчиків [3, р. 322]. Оскільки було прийняте рішення просуватися вглиб Персії, то потреби у флоті не було. Кораблі спалили, щоб вони не дісталися ворогу.

Перси намагалися перешкодити просуванню римської армії. Численні набіги і спеціально влаштовані підпали врожаїв послаблювали військо і його мотивацію, зокрема (Amm. Marc. 24, 7, 7) 16 червня була знову скликана військова рада, на якій вирішили йти на північ. Орієнтиром виступала провінція Римської імперії — Кордуена (Amm. Marc. 24, 8, 2–4). Це рішення, можливо, було прийняте в Ноорді [5, р. XV].

Зранку наступного дня, 17 червня [5, р. XV], римляни побачили перед собою перську армію. Тоді у сутичці римляни перемогли. Наступним поселенням, в яке прибула римська армія, була Гукумбра, де вона провела 18 і 19 червня [5, р. XV] (Amm. Marc. 25, 1, 4). 20 червня римляни вирушили далі і під час переміщення перси напали на ар'єргард. Цю атаку римській армії вдалося відбити. Ймовірно, ще 20 червня [5, р. XV] римляни пройшли близько 30 кілометрів і досягли міста Акцети. Там армія з ще неповністю спалених персами земель запаслася харчами і провела ніч (Zos. III, 28, 1) (Amm. Marc. 25, 1, 10). Наступного дня, 21 червня, військо покинуло місто і рухалося в напрямку Маранга. 22 червня римляни зіткнулися з значними військовими силами персів, серед яких Амміан виділяє начальника кінноти Мерена, двох синів Шапура II і багато знаті (Amm. Marc. 25, 1, 10). У цьому масштабному бою римська піхота з великими зусиллями пробилася тісний фронт персів, внаслідок чого вони зазнали більших втрат, ніж римляни, і змушені були відступити (Amm. Marc. 25, 1, 16–19). Після битви було укладено перемир'я терміном на три дні.

26 червня римляни вирушили далі на північ. Перси весь час спостерігали за переміщенням свого ворога з обох сторін і здійснювали засідки. Імператору Юліану повідомили про те, що перси напали на ар'єргард. Він вирушив на допомогу і забув про панцер. Одночасно перси напали і на передовий загін римлян. Юліан повертався, аби допомогти солдатам. Перський загін катафрактаріїв напав на центральні римські центурії. Будучи без панцира, Юліан кинувся в перші ряди, де йшов бій, і отримав поранення кавалерійським списом. Була поранена нижня частина печінки. У таборі йому надали медичну допомогу, але рана виявилася смертельною (Amm. Marc. 25, 3, 2–7). Після смерті тіло Юліана відвезли в Тарс (Amm. Marc. 23, 2, 4–5). Без

перебільшень зазначає К. Пак: «незважаючи на те, що смерть Юліана була безглузда і, як видно, багато в чому стала наслідком його власної поспішності, його поведінка, як імператора і полководця гідна поваги і захоплення» [6, с.187]. Амміан називає місто, де загинув імператор, Фрігією (Amm. Marc. 25, 3, 9), що була розташована в окрузі сучасної Самарри [5, р. XVI].

Отже, перська кампанія Юліана в 363 р. була вирішальним етапом протистояння між двома могутніми імперіями у IV ст. Армію римлян сильно ослабив ще той факт, що в битві, в якій загинув імператор Юліан, загинуло багато представників з військового командування. Однією з основних причин невдачі кампанії був неправильний розрахунок військовим командуванням Юліана термінів операції, на яку було відправлено значну частину війська під командуванням Прокопія і Себастіана.

Література

1. Махлаюк А. В. Император Юлиан как полководец: риторическая модель и практика военного лидерства // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С. И. Архангельского: XIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского. — Н. Новгород, 2003.
2. Дмитриев В. А. Аммиан Марцеллин и персы (Восточная цивилизация в восприятии римского историка IV в. н. э.) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. — Великий Новгород, 2003.
3. Ridley R. T. Notes on Julian`s Persian Expedition (363) // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. — 1973. — № 2. — Vol. 22.
4. Ибатуллин Р. У. Из истории персидской кампании Юлиана (рейд Себастiana и Прокопия) // ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 2: Война, армия и военное дело в античном мире. — Саратов, 2007.
5. Boeft J. den; Drijvers, J. W.; Hengst, D. den; Teitler, H. C. Philological and historical commentary on Ammianus Marcellinus XXV. — Leiden; Boston; Köln, 2005.
6. Пак Е. А. Политическая деятельность и литературное творчество императора Юлиана Отступника. — Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.03. СПбГУ, 2015, — СПб., 2014.



А. П. Мартемьянов (Харьков)

**Владимир Иванович Кадеев
и ветераны римской армии**

Отличительной чертой В. И. Кадеева как научного руководителя было благожелательное отношение к поискам его подопечными новых направлений и тем исследований. Так было и в случае, когда я около 30 лет назад заинтересовался проблематикой, связанной с положением в провинциальном обществе Римской империи армейских ветеранов. Более того, увлекшись, Владимир Иванович стал соавтором статьи о ветеранах римской армии в Нижней Мезии [1]. В ней, в частности, затрагивался вопрос о том, насколько характерным было для проживавших в этой провинции отставных военнослужащих активное участие в местном самоуправлении и религиозной жизни. В те времена единственным автором, обращавшимся к этой теме, был польский ученый Л. Мрозевич. Согласно его подсчетам, обязанности должностных лиц в Нижней Мезии исполняли менее 9 % ветеранов [2, с. 93–94; 3, S. 307; 4, s. 159–160, 162; 5, S. 67, 73–75]. С нашей же точки зрения, бывшие воины участвовали в общественной жизни провинции гораздо активнее и местным магистратом или жрецом там был каждый пятый–шестой ветеран [1, с. 13]. Впоследствии это мнение было подвергнуто критике И. Бояновым, по словам которого во фракийских землях магистратами и жрецами были не более 10 % ветеранов [6, с. 269; 7, р. 257]. Примерно в то же время к выводу, что должностными лицами являлись 7,9 % известных по надписям с территории Нижней Мезии отставных военных, пришел К. Крульчик [8, S. 149].

В 80-е годы XX в., когда писали свои работы мы и Л. Мрозевич, по эпиграфическим данным на землях Нижней Мезии было известно всего около 130 ветеранов. Сейчас же количество таких свидетельств существенно возросло, и каталоги, составленные И. Бояновым и К. Крульчиком, содержат сведения о почти 200 проживавших там отставных военных, причем число упоминаемых в надписях ветеранов — магистратов и жрецов, увеличилось очень незначительно. С учетом этого, критика И. Боянова может показаться справедливой. Однако его выводы основаны на неверном, с моей точки зрения, подходе к определению степени социальной активности бывших воинов. Дело в том, что о ней принято судить по отношению числа ветеранов, являвшихся магистратами и жрецами, к общему количеству отставных военнослужащих, упоминаемых во *всех* известных

надписях (например, 9 к 147 — для Далмации, 12 к 250 — для Верхней Паннии, 10 к 132 — в Верхней Мезии и т. д. [8, S. 149]). Между тем, многие из этих текстов ввиду специфики своего содержания нести в себе информацию о том, были ли ветераны, о которых идет речь, должностными лицами, просто *не могут*. Показательным в этом отношении примером являются военные дипломы и различные списки воинов, уволенных в отставку. Любой из названных в них ветеранов, теоретически, впоследствии мог стать магистратом или жрецом, но установить, были ли такие случаи на самом деле, невозможно. Следует учитывать и то обстоятельство, что массовое заселение бывшими военными провинциальных земель нередко начиналось в период, когда муниципальной организации там еще не существовало. Надписи этого времени довольно часто сообщают о ветеранах, но рассчитывать на то, что среди них обнаружатся местные магистраты, естественно, не приходится. Эти тексты также фиксируют факты пребывания на территории провинций отставных военнослужащих, но не могут содержать в себе сведений о выполнении ими обязанностей должностных лиц. С каждым таким сообщением численность известных в провинции ветеранов возрастает, в то время как количество магистратов и жрецов остается неизменным. Сколько бы ни было свидетельств подобного рода, составленное исключительно на их основе отношение числа ветеранов, являвшихся должностными лицами, к числу всех упоминаемых отставных военных всегда будет равняться нулю. Стало быть, такие надписи в интересующем нас отношении *несопоставимы* с теми, в которых *может* идти речь о гражданской карьере бывших воинов. Поэтому учитывать их при выяснении того, какая часть армейских ветеранов могла активно участвовать в общественной жизни провинций, неправомерно. На наш взгляд, этот показатель должен определяться посредством сравнения *соизмеримых* данных. Это означает, что при подсчетах следует учитывать только те надписи, в которых имеются сведения о гражданской карьере ветеранов или такая информация *могла бы* присутствовать, будь она достойна упоминания.

Полученные на основании такого подхода результаты позволяют существенным образом изменить представление о том, насколько типичным было для ветеранов участие в общественной жизни Нижней Мезии. Оказывается, что обязанности должностных лиц в этой провинции исполняли не 8–10 %, как принято считать, а около 17 % проживавших там бывших воинов и, следовательно, магистратом или жрецом был каждый пятый-шестой ветеран ¹.

¹ Работа, в которой представлены соответствующие результаты анализа эпиграфических материалов и основанные на них подсчеты, в настоящее время находится в печати.

Таким образом, точка зрения на роль отставных военных в местном самоуправлении и религиозной жизни Нижней Мезии, которую в свое время разделял В. И. Кадеев, сохраняет свою актуальность и сегодня.

Литература

1. *Кадеев В. И., Мартемьянов А. П.* Ветераните от римската армия в Долна Мизия и Тракия през първите векове на новата ера // Военноисторически сборник. — 1998. — Кн. 1.
2. *Mrozewicz L.* Rozwój ustroju municypalnego a postępy romanizacji w Mezji Dolnej. — Poznań, 1982.
3. *Mrozewicz L.* Munizipalaristokratie in Moesia Inferior // Eos. — 1982. — T. 70. — Fasc. 1.
4. *Mrozewicz L.* Arystokracja municypalna w rzymskich prowincjach nad Renem i Dunajem w okresie Wczesnego Cesarstwa. — Poznań, 1989.
5. *Mrozewicz L.* Die Veteranen in den Munizipalräten an Rhein und Donau zur Hohen Kaiserzeit (I.—III. Jh.) // Eos. — 1989. — T. 77. — Fasc. 1.
6. *Боянов И.* Римските ветерани в Долна Мизия и Тракия (I—III в.). — София, 2008.
7. *Boyanov I.* Veterans and Society in Lower Moesia and Thrace during the Principate // The Lower Danube Roman Limes (1st–6th c. AD) / eds. L. Vagalinski, N. Sharankov, S. Torbatov. — Sofia, 2012.
8. *Królczyk K.* Veteranen in den Donauprovinzen des Römischen Reiches (I.—III. Jh. n. Chr.). — Poznań, 2009.



К. Ю. Нефедов (*Харьков*)

Культ правителя в постколониальной концепции эллинизма

В последние два десятилетия в научной литературе широкое распространение получил так называемый постколониальный подход к изучению восточноэллинистических монархий. Впервые он был четко сформулирован в начале 90-х годов английскими исследовательницами С. Шервин-Уайт и Э. Курт [1], а в новом столетии нашел признание у многих западных, а также некоторых российских и украинских антиковедов.

В основе постколониального подхода лежит идея о необходимости кардинального переосмысления отношений греко-македонских завоевателей и их туземных подданных в восточноэллинистических монархиях. Если ранее эти отношения мыслились как господство греко-македонской элиты над покоренными народами, то теперь это представление объявлено произвольным перенесением идеологии европейского колониализма на античную эпоху. По мнению С. Шервин-Уайт и ее последователей, Селевкиды и Птолемеи должны были активно опираться в своем правлении на восточное население и его традиции, создавая таким образом мультинациональные государства, а не колониальные империи. Конкретно-исторические факты, подтверждающие этот тезис, такие как участие лиц восточного происхождения в царской администрации или привлечение туземных контингентов в армию, достаточно противоречивы и в большинстве своем могут быть интерпретированы и противоположным образом — как доказательство колониальных тенденций в политике эллинистических монархов [2]. Поэтому подтверждения постколониальной концепции часто ищут в идеологии Птолемеев и Селевкидов, которая открывала гораздо более широкие возможности для необходимой исследователю интерпретации. Наибольшим вниманием у сторонников рассматриваемого подхода при этом пользуется эллинистический культ правителей, что выглядит вполне закономерным, ибо феномен обожествления царя с давних пор считается в европейской традиции присущим прежде всего восточным практикам сакрализации власти. Рассмотрим, насколько оправдано подобное обоснование постколониального подхода.

Конкретно-исторические факты в случае с царским культом не подтверждают тезис об интеграции восточных и античных начал в восточноэллинистической государственности и идеологии. В государствах Птолемеев и Селевкидов как официальный династический, так и неофициальный городской

или частный культ монархов всегда был организован по греческому образцу и воплощался в чисто античных формах. Параллельно этому официальному культу — царей, конечно, могли почитать и в рамках туземных традиций чествования власти. Однако эти традиции никак не проявлялись в официальном греко-македонском культе правящего царя. Более того, некоторые элементы античного царского культа проникали в восточные практики. Так, например, египетские жрецы в эллинистическую эпоху начали публично декретировать почести Птолемеем, чего не делали для фараонов [3, р. 67–90]. Все это, однако, не убеждает сторонников постколониальной концепции эллинизма в непричастности царского культа к политике «интеграции народов». В своих рассуждениях они акцентируют внимание на двух моментах: возможном воздействии древневосточной традиции на сам факт возникновения царского культа в эллинистических монархиях и проявлении восточных представлений в символике культа или в связанных с ними текстах.

Представление о том, что царский культ пришел в эллинистический мир с Востока, появилось достаточно давно. Большинство антиковедов начала прошлого века были уверены, что культ правителя есть ничто иное как порождение восточного деспотизма. Сейчас это представление уже не имеет негативной коннотации, но продолжает бытовать в настойчивых попытках некоторых исследователей найти в Ахеменидской державе какие-нибудь намеки на традицию обожествления царей, с которыми можно было бы связать истоки эллинистического культа монархов [4]. Эти попытки оказываются в итоге неудачными. В то же время, в Греции и в доэллинистическую эпоху известны факты культового чествования людей и даже монархов, практически не отличающиеся по своему характеру от эллинистического царского культа.

Поиск восточных представлений в символике, связанной с царским культом, также имеет давнюю историю, но в последние годы он стал чрезвычайно активным благодаря стараниям адептов постколониальной концепции. При этом интерпретируемые ими нумизматические или скульптурные изображения практически всегда выполнены в рамках чисто античных традиций, но исследователи считают, что они могли быть «прочитаны» туземным населением эллинистических монархий в контексте собственных представлений и, таким образом, отражали «двуликий» характер эллинистической государственности, сознательно культивируемый самими царями. Так, например, Б. Функ считал, что восьмиконечные македонские звезды на селевкидских монетах воспринимались жителями Месопотамии как шумерский знак божества «дингир». Подобным образом он интерпретировал и все остальные монетные символы Селевкидов [5, S. 1309–1318]. Л. Койнен полагал, что в образе орла Зевса на монетах Птолемея египтяне должны были видеть сокола, который считался воплощением египетского бога Гора [6, р. 45–46].

Особенно популярным в последние время стал поиск восточных коннотаций в культе и идеологии Селевкидов. Благодаря работам таких исследователей, как П. Иосиф [7], Н. Райт [8], К. Эрикссон [9], О. Хувер [10], Е. Анагносту-Лаотидес [11] в историографии распространилось представление о том, что первые Селевкиды активно использовали в своем культе и пропаганде вавилонские представления с целью объединить народы «мультикультурной» державы под единой властью царя. Доказательства этого тезиса строятся в основном на интерпретации монетных изображений. Например, рога на портретах Селевка Никатора, явно заимствованные из иконографии греческих божеств, интерпретируют как знак сакрального монарха, зафиксированный в Месопотамии не позже времени Нарам-Суэна. Аполлона, которого Селевкиды считали своим прародителем, названные ученые связывают с вавилонским Набу: Антиох I якобы особенно почитал этого бога вследствие своего наполовину восточного происхождения и огромного значения Вавилона в селевкидской державе. Чтобы доказать подобные предположения, все противоречащие им письменные и иконографические свидетельства перечисленные ученые игнорируют или объявляют малозначимыми, что делает их выводы крайне сомнительными.

Сходный подход широко применяется также к интерпретации александрийской поэзии. В совершенно греческих по форме и содержанию поэмах Феокрита и Каллимаха, посвященных восхвалению первых Птолемеев, многие исследователи сегодня находят египетские мотивы, переведенные в термины греческой мифологии [6, р. 81–113; 12]. При этом остается неясным, каким образом эти мотивы стали знакомы александрийским поэтам, зачем они их вводили в свои произведения, для чего они нужны были царям и как читатели могли их обнаружить в чисто греческой поэзии.

Очевидная натянутость и алогичность описанных выше построений наводит на мысль о том, что они возникают не из желания сторонников постколониальной концепции правильно понять эллинизм, а вследствие их стремления выполнить «соцзаказ» на подобные идеи. Если ранее деятельность Александра Македонского и его преемников якобы использовалась для обоснования колониализма, то теперь она должна рассматриваться в духе постколониализма и современных представлений о культурной толерантности. При этом традиционный для антиковедения принцип *ad fontes* заменяется следованием идеологической концепции, что приближает подобную историографию к псевдонаучным теориям, типа «черной античности». Александр и его преемники действительно не знали идеологии колониализма, но им не был известен и постколониализм. Птолемеи и Селевкиды управляли завоеванными территориями так, как считали целесообразным, не особенно заботясь об идеологических представлениях всех своих подданных. Они принесли с собой на Восток античный культ правителя, надеясь, что он и здесь

будет поддерживать их легитимность среди греков и македонян, но они никогда не пытались объединить этот культ с восточными традициями чествования царей в рамках единой идеологической политики, ибо такой политики у них просто не существовало.

Литература

1. *Sherwin-White S., Kuhrt E.* From Samarkand to Sardis. A New Approach to the Seleucid Empire. — L., 1993.
2. *Savalli-Lestrade I.* Les 'philoï' royaux dans l'Asie hellénistique, — Genève, 1998.
3. *Valbelle D.* Décrets égyptiens antérieurs aux Lagides // Le Décret de Memphis. — P., 1999.
4. *Rollinger R.* Herrscherkult und Königsvergöttlichung bei Teispiden und Achaimeniden. Realität oder Fiktion? // Studien zum vorhellenistischen und hellenistischen Herrscherkult. — B., 2011.
5. *Funck B.* Die Wurzeln der hellenistischen Euergetes-Religion im Staat und in den Städten des Seleukos Nikator // Hellenische Poleis. — B., 1973.
6. *Koenen L.* The Ptolemaic King as a Religious Figure // Images and Ideologies: Self-definition in the Hellenistic World. — Berkeley; L. A.; Oxford, 1994.
7. *Iossif P.* Apollo Toxotes and the Seleucids: Comme Un Air de Famille // More Than Men, Less Than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship. — Leuven, 2011.
8. *Wright N. L.* Divine Kings and Sacred Spaces: Power and Religion in Hellenistic Syria (301–64 BC). — Oxford, 2012.
9. *Erickson K.* Apollo-Nabû: the Babylonian Policy of Antiochus I // Seleucid Dissolution: The Sinking of the Anchor. — Wiesbaden, 2011.
10. *Hoover O. D.* Never Mind the Bullocks: Taurine Imagery as a Multicultural Expression of Royal and Divine Power under Seleukos I Nikator // More Than Men, Less Than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship. — Leuven, 2011.
11. *Anagnostou-Laoutides E.* In the Garden of the Gods: Models of kingship from the Sumerians to the Seleucids. — L.; N.Y., 2017.
12. *Stephens S. A.* Seeing double: intercultural poetics in Ptolemaic Alexandria. — Berkeley; Los-Angeles; L., 2003.



І. Г. Сандуляк (Чернівці)

Подорожі у стародавньому світі: витоки та формування туристичної традиції

Феномен туризму з точки зору формування витоків й відповідних історичних передумов бере початок у Стародавньому Світі. Зародженню начатків туристичної практики сприяла низка економічних та соціальних чинників, зокрема, поширення культурного обміну, розвиток торговельних зв'язків між державами і народами, виникнення у населення звичаю мандрувати й подорожувати з релігійними, науковими, мистецькими, дипломатичними, зрештою, мілітарними цілями. Згідно з найдавнішими писемними джерелами, вже на початку III тис. до н. е. давні єгиптяни плавали Нілом, пізнаючи терени власної ойкумени й ближнє «закордоння». Прикладом чи не першої зафіксованої «туристичної мандрівки» слугує відома історико-літературна пам'ятка — «Роповідь Сінухе-египтянина».

Характеризуючи ключові витоки й мотивації появи «первісного туризму», в першу чергу можна виокремити аспект торгівлі, який значною мірою актуалізується та активізується з виникненням та становленням великих цивілізаційних басейнів на обширах Стародавнього Сходу [1, с. 19]. Звісно, цьому сприяла доволі потужна й послідовна протекціоністська політика правителів крупних державних об'єднань, спрямована на створення і підтримку інфраструктури шляхів сполучення. Отже, рівень наявних у давньосхідному соціумі комунікаційних засобів обумовлював можливість здійснення будь-якою особою пересувань в межах доступних, цивілізаційно розвинутих регіонів і культурних центрів.

Крім того, прокладання доріг та каналів, відкриття портів й постійних дворів, налагодження поштового зв'язку об'єктивно обумовлювали створення соціально-економічного підґрунтя, орієнтованого у подальшому на зародження та поширення «первісного туризму». Ці тенденції також посилювались за рахунок розвитку прикладних наукових знань, і найперше — в галузі кораблебудування [2, с. 22]. Таким чином, можливість пересування на дальні відстані — як морем, так і суходолом, — стали основою для наступного розвитку туристичних мандрівок пізнавального та цілеспрямованого (тобто, з конкретизованим завданням) змісту. Як вже зазначалося вище, суто «прикладний» туризм найчастіше мав на меті дипломатичні, торговельні й наукові цілі: війни об'єктивно породжували дипломатичні контакти; ремесло сприяло економічним зв'язкам; наука давала привід для обміну знаннями.

У Шумері, Аккадському царстві, Вавилонії, Ассирії, Стародавньому Єгипті, Давньоперській державі, Еламі, Меттані, Лівії, Фінікії та інших країнах Стародавнього Сходу, «закордонні» експедиції, організовані на кошти й за сприяння керманічів, володарів і правителів, переслідували «багатовекторні» цілі, які мали на меті отримання інформації географічного, біологічного (флора, фауна, клімат), етнографічного (звичаї, традиції, побут, харчування), мовного, релігійного й мілітарного характеру. До подібних «пізнавальних» походів можна віднести подорож фінікійців навколо Африки в часи врядування фараона Нехо II (610–595 рр. до н. е.), плавання карфагенянина Ганнона (V ст. до н. е.), експедицію Скилака Каріандського, організовану 511 р. до н. е. перським царем Дарієм I (522–486 рр. до н. е.) [3, с. 35]. Існуючі писемні джерела I тис. до н. е. дозволяють констатувати: практика туризму в країнах Стародавнього Сходу була складовою частиною образу життя соціуму [4, с. 41].

Доречно підкреслити, що тогочасні подорожі обов'язково мали сакральну складову: мандрівник сприймався як людина, яка оберігається богами; ставлення населення до будь-якого «туриста», таким чином, обумовлювалось «освяченістю» його місії та відповідним статусом «недоторканості» особи [2, с. 20]. В означеному контексті у витоків «пратуризму» стояли Ной зі своєю родиною, Утнапіштім з шумерійського «Епосу про Гільгамеша», давньоіндійський легендарний цар і законотворець Ману, єгиптянин Ханну, який 2750 р. до н. е. на чолі експедиції прибув на узбережжя Червоного моря за коштовним камінням, слоновою кісткою й ароматичними смолами [5, с. 35–36].

Природно, що початкові «туристичні» маршрути пролягли на морських широтах. Кораблі пливли уздовж берегів, при настанні шторму маючи можливість швидко сховатись і перечекати негоду у тій чи іншій бухті [6, с. 28–29]. За даними давньоєгипетських написів, перше тривале плавання Середземним морем відбулось за фараона Снефру в XXVII ст. до н. е.: експедиція у «сорок суден» відвідала фінікійське місто Бібл, де завантажилась кедровим деревом [5, с. 38]. У XXVI ст. до н. е., за правління фараона Сахура, до Палестини й Сирії з дельти Ніла попливла велика флотилія; з цих «екзотичних» країн «туристи» привезли додому вино, оливкову олію та ліванських ведмедів [5, с. 39]. З країни Пунт (територія Східної Африки) протягом XVI—XV ст. до н. е. єгипетські царі завозили золото, вироби з фаянсу, ювелірні прикраси. Наприклад, про таку «туристичну» подорож, організовану царицею Хатшепсут (1505–1484 рр. до н. е.), згадують джерела тієї епохи, повідомляючи й про мету мандрівки — купівлю саджанців сандалового дерева для культивування в «Країні Червоної та Чорної глини» [7, с. 44].

Проте, справжній розквіт міждержавних «туристичних» пересувань з точки зору «реалій повсякдення» відбувся все ж у Стародавній Греції. Саме

на її островних і континентальних територіях почала формуватись ціла «галузь» туристичних «послуг», — з визначеними маршрутами, постійними дворами, «готелями» й припортовими «тавернами», «рекреаційними» зонами, транспортними засобами тощо [8, с. 37]. У давньогрецьких «туристів» навіть з'явився свій бог-охоронець та «супутник» — Пріап [9, с. 55]. Перші згадки про «туристичні» мандри стародавніх греків містяться в міфах. Прикладом може слугувати відомий давньогрецький міф, присвячений плаванню аргонравтів, очолюваних Ясоном, у Колхиду за золотим руном (XIII ст. до н. е.) [10, с. 429–454]. «Туристична» складова присутня так само у десятирічних подорожах хитромудрого царя Ітаки Одісея, описаних Гомером (VIII—VII ст. до н. е.) в «Одісеї».

Сторінку античного «науково-пізнавального туризму» відкриває Геродот (484–430 рр. до н. е.), який протягом життя відвідав майже всі землі Еллади, Південну Італію, Вавилонію, Малу Азію, Персію, Єгипет. Крім того, «батько історії» відвідав більшість островів Середземного моря, Кримський півострів та Скіфію [11, с. 50]. «Туризмом» захоплювався й «батько географії» — Страбон (64–23 до н. е.). Після візиту в Рим, він у подальшому здійснив цілий ряд вояжів — до малоазійських міст, у Таврійські гори, на Кікладські острови. Маршрути Страбона пролягли і через весь Балканський півострів; своєю «науково-туристичною» увагою вчений не оминув Апеннінський півострів, численні острови Егейського моря, той самий Єгипет [11, с. 51]. Значно більший елемент «туризму» був присутній у морських подорожах Піфея Массалійського [12, с. 37] й Мегасфена (IV ст. до н. е.) [1, с. 48]. Зрештою, «туристичне» нашарування присутнє і в мандрах Енея — героя Троянської війни, «зафіксованих» Вергілієм (70–19 рр. до н. е.).

Наступний великий крок у становленні «туристичної» практики в епоху Античності, безсумнівно, здійснили стародавні римляни; вони розробили й перші «туристичні» путівники, на відміну від еллінів та фінікійців віддаючи перевагу суходольним подорожам [13, с. 171]. Римська цивілізація протягом IV—I ст. до н. е. на державному рівні розширила «туристичну» базу шляхом достатньо важливих «нововведень» — розробки спеціальних мап магістральних шляхів, створення поштових станцій з будівлями для ночівлі, зведення державних готелів — мансіонів, які перетворились в межах Імперії на цілу мережу «туристичних відпочинкових закладів» [14, с. 63]. У I ст. н. е. у латинян, нарешті, з'явилися й спеціалізовані «туристичні бюро», де мандрівники мали можливість придбати путівники та довідники з відповідною пізнавальною інформацією [14, с. 65].

Таким чином, необхідно зазначити: бажання подорожувати, відпочивати й пізнавати щось нове залишалось серед греко-римського населення доби Античності непереборним, і це засвідчується численними тогочасними писемними згадками про їхні походи, експедиції, мандрівки та пригоди.

З іншого боку зрозуміло, що розгляд витоків та висвітлення начатків формування традиції подорожування в античному світі, зокрема, стародавніми греками та римлянами, в контексті історії розвитку туризму, певною мірою є науковою модернізацією самого поняття «туризм» або «туристична практика», оскільки в ті часи подібної смислової категорії (як і умозорової конструкції) в греко-римському соціумі просто не існувало.

Однак, зважаючи на відповідні історичні реалії, пов'язані з фактами здійснення еллінами ще з VII ст. до н.е., а також латинянами з V ст. до н. е., різноманітних подорожей в межах обширного й етнічно строкатого середземноморського басейну, можна констатувати наявність «туристичних» сегментів у сфері функціонування як давньогрецької, так і давньоримської системи комунікацій і торгівлі.

Література

1. Шаповал Г. Ф. История туризма. — Минск, 1999.
2. Войтов В. И. Океанские дороги человечества. — М., 1994.
3. Фрадкин Н. Г. Географические открытия и научное познание Земли. — М., 1972.
4. Гришин Ю. А. История мореплавания. — М., 1972.
5. Ландстром Б. Корабли фараонов. — М., 1976.
6. Снисаренко А. Б. Курс — море мрака. — М., 1982.
7. Ханке Х. Люди, корабли, океаны. — Л., 1976.
8. Снисаренко А. Б. Властители античных морей. — М., 1986.
9. Гиро П. Частная и общественная жизнь древних греков. — СПб., 1995.
10. Грейвс Р. Мифы древней Греции. — М., 1992.
11. Соколова М. В. История туризма. — М., 2010.
12. Нойкирхен Г. Мореплавание вчера и сегодня. — Л., 1977.
13. Велишский Ф. Быт и нравы древних греков и римлян. — М., 2000.
14. Гиро П. Частная и общественная жизнь древних римлян. — СПб., 1995.



Ю. П. Селевко (Харьков)

Формы и виды досуга римлянок в эпоху Поздней Республики (III—I вв. до н. э.)

Участие в управлении делами общины, защита отечества и обработка земли считались наиболее достойными занятиями римских мужчин. В то же время, ведение домашнего хозяйства и забота о воспитании детей были наиболее важными обязанностями римских женщин. В этих трудах проходили будни древних римлян. Но были у них и праздничные дни, когда они отдыхали. Такой порядок вещей был закреплён римской религией, в которой время, отводившееся на сельскохозяйственные работы, сменялось религиозными праздниками. В такие дни римляне восстанавливали силы, посвящая время почитанию богов. Примечательно, что и рабочее, и свободное время они проводили сообща [1, с. 424]. Актуальность заключается в исследовании досуга римских женщин во взаимосвязи с их социальным положением через классификацию досуга.

К концу III—II вв. до н. э. Рим из небольшого полиса превращается в крупное средиземноморское государство, что приводит к трансформациям в политике, экономике и быте римлян. Римское общество достигло определенного уровня благосостояния, физические потребности римлян были уже удовлетворены, но душевные еще не развились. Образовался духовный вакуум [2, с. 167]. Передовые римляне ощущали его как тоску (Lucret., *Pro natur.*, III, 1055–1069). Именно в это время, по мнению М. Л. Гаспарова, в Риме возникает «проблема досуга» — необходимость заполнить содержанием свободное от сна, политических, трудовых и домашних обязанностей время [2, с. 167]. «Непосильным бременем оказались для римлян досуг и богатство, в иных обстоятельствах желанные. Сперва развилась жажда денег, за нею — жажда власти, и обе стали как бы общим корнем всех бедствий» (Salust., *Cat.*, 10). Очень точно назвал М. Л. Гаспаров «досугом без достоинства» свободное время, которое римляне Поздней Республики заполнили праздниками, превратившимися фактически в повседневность [2, с. 168].

Формы досуга римлянок носили общественный и индивидуально-личностный характер. К общественным формам досуга в Древнем Риме относились религиозные праздники, которые сопровождались играми. Обращаясь к источникам, можно увидеть, что абсолютное большинство таких игр было введено

в конце III—II вв. до н. э. Со временем начинают устраиваться публичные зрелища и игры не только как часть религиозных праздников, но и по частному обету.

Игры служили в Древнем Риме массовым развлечением, на котором могли присутствовать и женщины (Gell., X, 6; Ovid., *Ars amat.*, I, 136; Cic., *Att.*, II, 8, 2; Cic., *Att.*, XIII, 44). Игры заполняли свободное время римлян впечатляющими зрелищами. Но в тоже время частота их проведения вызывала привыкание и, чтобы удивить еще чем-то публику, необходимо было придумывать новые зрелища.

Одним из таких зрелищ были гладиаторские бои, впервые устроенные в 264 г. до н. э. потомками Брута (Val. Max., II, 4, 7). Среди толпы, наблюдавшей за гладиаторскими боями и травлей животных, были и женщины (Suet., *Div. Aug.*, 44, 2). Октавиан Август, стремившийся повысить нравственность в римском обществе, разрешил женщинам смотреть гладиаторские бои только с самых верхних мест, хотя по старинному обычаю на этих зрелищах римлянки садились рядом с мужчинами (Suet., *Div. Aug.*, 44, 2). С атлетических состязаний Август удалил женщин вообще (Suet., *Div. Aug.*, 44, 3).

Еще одной формой общественного проведения досуга были театральные представления. Римлянки с удовольствием посещали театры, получая возможность покинуть дом и покрасоваться своими нарядами (Plaut., *Poen.*, 28–35; Ovid., *Ars. amat.*, I, 497; I, 89, 99–100; III, 394; *Amor.*, II, 7, 3–4, II, 2, 26; Prop., *Eleg.*, II, XIX, 7–10, II, XXII, 4–6; Lucret., *Pro nat.*, IV, 78–81). В театре женщины сидели отдельно от мужчин.

Таким образом, игры, театральные представления, гладиаторские бои и травля зверей были способами заполнить свободное время и первоначально обосновывались религиозной необходимостью. Со временем, однако, они приобрели более зрелищный вид, поскольку их целью стало занять и развлечь зрителей. Они превращаются в «массовую культуру», доступную широким слоям населения римского общества, включая и женщин.

Женщины посещали храмы и участвовали в различных религиозных церемониях, что также служило целям занять досуг и в определенной степени было данью моде [3, с. 234]. Отправляясь на религиозную церемонию, римлянка стремилась выглядеть как можно лучше, и если у нее не было такой возможности, она могла даже отказаться от участия в религиозных ритуалах (Liv., XXVII, 51, 8–9; Tib., *Eleg.*, IV, IV, 3–6).

В римском обществе можно выделить группу женщин, для которых досуг стал образом жизни. Это были богатые и знатные римлянки, переложившие свои обязанности по воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства на плечи рабынь. Свободное время, которым была практически полностью заполнена их жизнь, они проводили, посещая массовые зрелища и религиозные церемонии [4, с. 181].

Одним из проявлений индивидуально-личностной формы досуга таких римлянок можно считать их деятельность, направленную на свое интеллектуальное развитие [1, с. 428]. К концу Республики женщины начинают увлекаться изучением философии и математики, учатся музыке и рисованию (Plut., Pomp., 55; Cic., Tusc. disp., IV, II, 3–4). Свой досуг женщины посвящали и переписке (Cic., XIV, 14, 2).

Целям занять свободное время римлянок служили и различные домашние животные (Cic., Divin., 103; Catul., 23, 2–5; Ovid., Amor., II, 6).

Сведения, содержащиеся в источниках о времяпрепровождении женщин, отрывочны, но тем выше их ценность. Свое свободное время римлянки проводили, общаясь друг с другом, с родственниками, посещая домашние праздники и пиры (Liv., VI, 34, 6; Plaut., Cas., 162; Plut., Mar., 27; Ovid., Fasti, IV, 353–354; Ars amat., I, 227, 299; Amor, III, XI, 23; Cic., Att., II, 3, 4). Римлянки посещали бани (Vitruv., V, 10, 1; Suet., Div. Aug., 4).

Местом, где проводили свободное время богатые римлянки, были курорты. Они начинают пользоваться популярностью в I в. до н. э., особенно курорт Байи (Cic., Pro Cluent., XVI, 38; Prop., Eleg., I, XI, 1). В отношении этого курорта бытовало мнение, что порядочная женщина не может приехать отдыхать в Байи, не расставшись там со своим ореолом добродетели (Mart., Epig., I, 62, 3–5). Кроме курортов, римлянки ездили в загородные дома (виллы), таким образом меняя обстановку и внося разнообразие в свою жизнь (Cic., Pro Cluent., XVI, 38).

Пространством, организованным для досуга, были также сады и портики, прообразом которых служили восточные и греческие образцы. Римляне переняли греческий обычай прогуливаться в садах и под портиками, посвящая время беседе (Cic., Fam., I, 9, 20). Не чуждо это времяпрепровождение было и женщинам (Ovid., Ars. amat., I, 491–492; III, 387–388; Amor., II, 2, 3–4; Prop., Eleg., II, 23, 5; Juv., Sat., II, 23, 5–6).

Отправлялись римлянки и в более длительные прогулки, используя экипажи и носилки (Plaut., Aulul., 502; Catul., 10, 15–19, 23–26; Ovid., Ars. amat., I, 487–488; III, 211; Juv., Sat., I, 4, 20–21; Mart., Epigr., IX, 2, 11; Cic., Pro Cluent., XIV, 34). Однако первоначально передвижение по Риму в экипажах, запряженных лошадьми, женщинам разрешалось только во время религиозных церемоний и рассматривалось как привилегия (Liv., V, 25, 9).

Римлянки проводили свой досуг, прогуливаясь по улицам (Plaut., Mil., 252; Epid., 225; Mercat., 406–407; Prop., Eleg., II, 23, 6, 14–16). Для многих римлян прогулка была не только отдыхом, но и делом. Как отмечал П. Гиро, в Риме можно было быть кем-то, только постоянно выдвигаясь вперед, открывая свой дом для всех, появляясь ежедневно на форуме, завязывая обширные связи и знакомства, и прогулка была важным актом в этой жизни. Человек, который не показывался бы повсюду, где бывало все общество,

очень скоро был бы забыт: половина города не знала бы о его существовании, так как женщины не посещали форум и утренние приемы, но, в то же время, имели большое влияние [5, с. 252].

Столкнувшись с проблемой досуга в конце III в. до н. э., римское общество стало заботиться об организации массовых мероприятий и специальных территорий (парки, портики, курорты и т. д.), целью которых было заполнить появившееся свободное время. Формы и виды проведения свободного времени разделили римлянок на две группы. Для одних досуг стал образом жизни. Они проводили время в праздности, посещая курорты, виллы, прогуливаясь в садах с подругами, в окружении поклонников. Для других, менее обеспеченных, досуг сохранил свое первоначальное значение, как время отдыха от домашних забот. Тем не менее, анализ форм и видов досуга дает возможность увидеть, что римские женщины имели свободное время и проводили его исходя из своих материальных возможностей.

Литература

1. *История всемирной литературы*: в 9 т. / ред. И. С. Брагинский, Н. И. Балашов, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер. — М., 1983. — Т. 1.
2. *Гаспаров М. Л.* Поэзия Катулла // Катулл, Гай Валерий. Книга стихотворений. — М., 1986.
3. *Робер Ж.-Н.* Рождение роскоши. Древний Рим в погоне за модой: пер. с фр. — М., 2004.
4. *Гуревич Д., Рапсат-Шарлье М.-Т.* Повседневная жизнь в Древнем Риме. Пер. с фр. Н. Н. Зубкова. — М., 2006.
5. *Гиро П.* Частная и общественная жизнь римлян: пер. с фр. — СПб., 1995.



И. П. Сергеев (Харьков)

О «налоговой нагрузке» в Древнем Риме республиканской эпохи

В истории налоговой системы (совокупности взимаемых в государстве налогов, сборов, пошлин и других платежей [1, с. 14]) Древнего Рима республиканская эпоха является отдельным периодом, поскольку развитие и изменение форм государственного устройства всегда сопровождаются преобразованием налоговой системы [2, с. 10].

В Римской республике существовал дифференцированный подход в организации налогообложения. Налоговое бремя зависело от принадлежности к определенной категории населения.

Важнейшим видом прямого налога (т. е. налога на доход или имущество налогоплательщика [3, с. 37]) римских граждан являлся трибут (tributum). Этот налог римские граждане, главы семейных общин, платили со времен правления царя Сервия Туллия. Сумма его определялась во время проведения ценза на основании информации глав семейных общин о своем имущественном положении и составляла обычно одну тысячную долю стоимости имущества семейной общины, но иногда увеличивалась до двух, а то и до трех тысячных (Dion. Hal. 4, 15; Liv. 23, 31; 29, 15; 39, 44).

По существу составной частью трибута был налог на роскошь: при оценке имущества гражданина цензоры могли в несколько раз завышать стоимость принадлежавших семейной общине предметов роскоши (женских украшений, нарядов, домашней утвари, дорогих повозок, рабов и т. п.) (см.: Liv. 39, 44; Plut. Cat. Ma. 18), что вело к увеличению взимавшейся с нее суммы трибута.

С тех римских граждан, которые не могли служить в армии, но владели имуществом (вдовы, малолетние сироты), вместо трибута взималась так называемая «ячменная медь» (aes hordearium) (Liv. 1, 43; Cic. De rep. 2, 36; Plut. Camill. 2) — налог, средства от сбора которого использовались для содержания лошадей, которыми государство обеспечивало воинов всаднических центурий [см.: 4, с. 163–170; 5].

Римские граждане, не включавшиеся в списки триб, т. н. эрарии (aerarii), вместо трибута платили подушный налог (tributum in capita), размер кото-

рого определялся цензорами произвольно и был в несколько раз больше, чем взимавшийся с обычных граждан трибут (Liv. 4, 24)¹.

Рабовладельцы, отпускавшие на свободу рабов, по закону Манлия (357 г. до н. э.) должны были платить налог, равнявшийся пяти процентам стоимости освобождаемого раба (Liv. 7, 16). Налог вносился золотом, хранившимся в казне в виде запаса (Liv. 27, 10).

Граждане-мужчины, достигшие брачного возраста, но не вступившие в брак, должны были платить «налог на холостяков» (*aes uxorium*). Этот налог был введен по инициативе М. Фурия Камилла и М. Постумия в 403 г. до н. э. (Val. Max. II, 9; Plut. Camill., 2). Правда, не известно, собирался ли он в дальнейшем.

Составлявшим особую группу римских граждан вольноотпущенникам, обитавшим в Италии, в 31 г. до н. э. было поставлено в обязанность в случае обладания имуществом стоимостью более 200 сестерциев платить налог в размере восьмой части (12,5 %) этой стоимости (Dio Cass. L, 10).

Различным в отношении уплаты налогов было и положение тех обитателей Римской республики, которые не были римскими гражданами.

В управлении Италией Рим придерживался сравнительно мягкой тактики: как правило, завоеванные не платили налогов, если не считать налога крови, т. е. обязанности выставлять вспомогательные войска.

Жители завоеванных римлянами за пределами Италии территорий, провинциалы, за исключением граждан свободных и независимых общин (*civitates liberae et immunes*), ежегодно платили в римскую казну прямые налоги в виде определенной доли произведенной продукции или в виде установленной завоевателями суммы денег, а также покрывали издержки по довольствию наместников провинций, их свиты и войска. При этом, как отмечают современные историки [6, 7], обычно жители завоеванных римлянами государств Средиземноморья платили в римскую казну налоги, которые по своим размерам были не больше, а иногда и меньше, того, что они ранее платили правителям этих государств (см.: Liv. 45, 29; Cic. Verr. II, 6, 13; Plut. Aem. Pav. 28).

Следует отметить, что указанные выше прямые налоги собирались с налогоплательщиков не на всем протяжении республиканской эпохи Древнего Рима и даже с учетом того, что обитателям римского государства приходилось платить еще целый ряд косвенных налогов (т. е. те налогов, сумма которых

¹ К эрариям в 353 г. до н. э. причислены были также и жители города Цере (Strabo 5, 2, 3; Liv. 7, 20; Gell. 16, 13, 7), вследствие чего составлявшийся цензорами список плательщиков этого налога стал называться *tabulae Caeritum* [6, с. 172].

включалась в стоимость товаров и услуг и оплачивалась их потребителем [3, с. 37]), пошлин и сборов в казну Рима [см.: 8; 9; 10] а также налоги в казну городских общин Италии и провинций, уровень их налоговой нагрузки (процентного отношения уплаченных налогов к полученным доходам) был на несколько порядков ниже того, который существует в современных государствах.

Такое положение с налоговым гнетом обитателей Римской республики объяснимо с учетом ряда обстоятельств.

Во-первых, в республиканский период из римской государственной казны не нужно было производить большие отчисления на содержание государственного аппарата (фактически он содержал себя сам: избранные магистраты не только исполняли обязанности безвозмездно, но еще и вносили на общественные нужды собственные средства, считая это почетным), организацию общественных игр и строительство общественных зданий. Издержки на войну покрывались за счет трибута, который, впрочем, возвращался гражданам в случае победы в войне и получения достаточной военной добычи

Во-вторых, значительную часть доходов римской казны составляли неналоговые поступления.

К таковым относилась прежде всего военная добыча. Древние авторы приводят подробную информацию о поступлении в римскую казну захваченных у поверженных римлянами противников многочисленных фунтах серебра и золота, золотых и серебряных монет, золотых венков, оружия, произведений искусства (Liv. 10, 46; 34, 10; Plin. H. N. 33, 148). «Рекорд» в этом пополнении римской казны принадлежал консулу Эмилию Павлу: после завоевания в 168 г. до н. э. Македонии он внес в казну 200 млн. сестерциев, что позволило отменить взимание с римских граждан трибута (Cic. De off. 2. 2. 2, 76; Vel. Pat. I, 9; Val. Max. 4. 3, 8; Plin. H. N. 33, 56; Plut. Aem. Pav. 38). Добычей победителей становились и жители завоеванных территорий, часть из них продавались в рабство, а вырученные деньги также пополняли римскую казну.

Иногда воевавшие с римлянами государства по условиям заключенного мира сохраняли независимость, но должны были выплачивать в римскую казну денежную контрибуцию (см.: Liv. 32, 2; Vel. Pat. II, 37).

Важной статьёй неналоговых поступлений в казну римлян была плата за аренду участков государственной земли (*ager publicus*). При завоевании территорий в Италии и за ее пределами римляне отнимали у покоренных часть их земли, обычно 1/3 (Liv. 10, 1), реже половину (Liv. 39, 3) или 2/3 (Liv. 2, 41). Отобранная часть земли становилась *ager publicus* римского народа. Значительная часть этих земель представляла собой пастбища, которые государство сдавало в аренду за известную ежегодную плату (см.: App. B. C. I, 7; Cic. c. Verr. II. 2, 3, pro Leg. Man. 6, ad Fam. XIII. 65; Plin. H. N. 19, 15).

Значительные суммы денег поступали в римскую казну в виде штрафов (*multa*). Правом налагать штрафы обладали римские магистраты [11, S. 142]¹. Выплата определенной суммы денег была видом наказания за нарушение законов.

Пополнялась римская казна также в результате конфискации (в республиканскую эпоху это называлось *publicatio*), с последующей продажей посредством публичных торгов, имущества [см.: 12] как наказания за определенные уголовные преступления, а также как кара для политических противников (см.: *Dion. Hal.* 5, 75; *Liv.* 4, 15; *Plut. Cic.* 21; 33).

Наконец, римская казна пополнялась в результате добровольных пожертвований и завещаний граждан (см.: *Liv.* 22, 32; 22, 36, 9; 30, 21; 36, 4).

В-третьих, уровень материального положения подавляющей части населения Римской республики был настолько низким, что и существовавшая налоговая нагрузка оказывалась для них тяжким бременем и даже незначительное повышение налогов могло породить серьезные волнения.

Литература

1. *Марчева И. А.* Налоги и налогообложение: Учебно-методическое пособие. — Нижний Новгород, 2012.
2. *Тарасова В. Ф.* Налоги и налогообложение. — М., 2016.
3. *Налоги и налогообложение: Учебное пособие / Под общей редакцией О. М. Лазуриной.* — Ярославль, 2014.
4. *Квашин В. А.* Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III—II вв. до н. э.). — Вологда, 2006.
5. *Квашин В. А.* «Ячменные деньги» для римской армии // *Para Bellum*. Военно-исторический журнал. — 2008. — № 29.
6. *Нетушил И. В.* Очерк римских государственных древностей: в 2 т. Т. 1. Государственное устройство Рима до Августа. — Х., 2014.
7. *Сизов С. К.* Налоговая политика Рима в провинции Сицилии в эпоху республики // *Из истории античного общества*. Межвузовский сборник. — Горький, 1982.

¹ Право налагать денежные штрафы, со времени *lex Aternia Tarpeia* (454 г. до н. э.), присвоено всем магистратам, но с другой стороны, установлен максимальный размер (*multa suprema*), равный 30 овцам и 2 быкам (*Dion. Hal.* 10, 50; *Liv.* 3, 31); того же предмета касалась *lex Menenia Sextia* (в 452 г. до н. э.), определившая максимальное количество, наоборот, в две овцы и 30 быков (*Gell.* 11, 1, 2). В 430 г. до н. э., посредством *lex Julia Papiria*, определено было считать овцу равной 10 ассам, а быка — 100 ассам (*Liv.* 4, 30). Выше этой нормы присуждение денежного штрафа могло осуществиться только с разрешения трибунских комиций.

8. Маркин А. Н. Организация системы налогообложения в Римской республике // Вестник Удмурдского университета. — 2011. — Вып. 3. История и филология.
9. Маяк И. Л. К вопросу о пополнении римского бюджета в эпоху республики // Торговля и торговец в античном мире. — М., 1997.
10. Brunt P. A. The Revenues of Rome // JRS. — 1981. — Vol. 71.
11. Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. — Bd. I. — Leipzig, 1876.
12. Леднева М. Н. Конфискация имущества как результат aquae et ignis interdictio в период Республики // Ius Antiquum-Древнее-право. — 2008. — Вып. 21.



А. Л. Янко (Полтава)

Місто у політичній термінології етруських написів

Найбільший прогрес у тлумаченні етруських написів відбувся завдяки комбінаторному методу, але саме він, децю відкриваючи загальний зміст напису, не дозволяє вповні досягнути етимологію інтерпретованих слів та їхню семантику, що є найважливішим для історика.

Відомий приклад — відібрані в процесі вивчення етруських текстів терміни з основою *spur-*, що написані так званим новоетруським письмом, які впевнено датуються IV—III ст. до н. е. Однак походження і точне значення терміна залишаються невизначеними.

Ще в третій чверті XIX ст. були спроби пов'язати терміни з коренем *spur-* з особистим ім'ям (*praenomine*) *spurie* (лат. *Spurius*) та гентильним ім'ям (*nomine gentilicio*) *spurina* (лат. *Spurinna*) [1, S. 469, 470, 473, 483, 492, 493; 2, S. 13, 390, 457, 472]. При цьому наголошувалося, з одного боку, на тождественності етруських і латинських імен, а з іншого — латинського особистого імені *Spurius* і прикметника *spurius* — «*πορνογενής*» тобто «незаконнонароджений». Децю пізніше В. Дееке відділив імена від апеллативів і для останніх запропонував переклад «*urbs, res publica*» і зближення з санскритським (у нього «індійським») *ruḡa* — «фортеця, місто» [3, S. 24–26, пор. 4, с. 397]. Невідомо, чому досить різні поняття *urbs* і *res publica* у нього позначали одне явище, також залишилось нез'ясованим, як індійське слово потрапило до Італії та звідки з'явилася передня *s*.

У подальшому дослідники, які зверталися до цієї теми, майже дослівно повторювали наведені міркування, проте не завжди посилаючись на їхнього автора. Тому немає сенсу наводити всю історіографію питання, а варто зосередитися лише на оригінальних думках. О. Й. Немировський уважав **spura* семантично, але не генетично спорідненим із грецьким *ἡ πόλις*, і залишком мови пеласгів [5, с. 103].

На думку Г. Беккер, словосполучення «*mi spural*» (я міста) (TLE, № 694; ThLE, р. 324) і «*tular spural*» (межа міста) (CIE, № 3 = TLE, № 675; CIE, № 4 = TLE, № 676) були позначенням кордонів власності громади [6, р. 103–105].

С. А. Яцемирський дивувався, чому однокореневі з етруським позначенням міста латинські слова *spurium* і *spurius* перекладаються відповідно «*vasculum muliebre*» (жіночий статевий орган) і «син від невідомого батька» [7, с. 296–297]. Можливо, мало місце запозичення, але від кого до кого? Дж. і Л. Бонфанте припускали, що від латинів до етрусків: особисті імена *spurie*

зі *Spurius*, *cae* з *Caius*, *laucie* з *Lucius*, *puplie* з *Publius* [8, р. 90]. При цьому родові імена утворювалися, на їхню думку, за схемою: *puplie* > **pupliena* > *puplina*; *spurie* > **spuriena* > *spurina* (лат. *Spurinna*).

Ю. Мосенкіс стверджував, що якщо *spur* повинно означати «народ, люди»¹, то потрібно порівняти його з вірменським *spur-k* — «діаспора», або ж із рідкісним грецьким словом з основою *βύρ-* в значенні «житло, будинок» (*Hesych.*, 1317–1318 β) [10, с. 21]².

Наведені погляди не є незаперечними. Слід зазначити, що «пеласгійською» мовою лінгвісти умовно назвали індоєвропейський догрецький субстрат, а легендарними «пеласгами» античних джерел були, в реальному вимірі, фракійці, фригійці та карійці [11, с. 6, 20–22]. Вони до Італії ніколи не переселялися. Крім того, сучасними дослідниками етруска мова визнається неіндоєвропейською з незначними пізніми індоєвропейськими запозиченнями [7, с. 161, 175, 177; 8, р. 49, 225; 12, р. 26, 36; 13, р. 108; 14, р. 275].

«Знайдення» кордонів власності та ототожнення їх із лат. «*ager publicus*» (суспільне поле) недоречно, бо де ж в етрусських написах сховалося слово «поле»? І якраз поле природно повинно було би розташовуватися за межами міста, а не всередині його.

Просте порівняння хронології етрусських і римських написів говорить про більшу давність етрусського епіграфічного матеріалу, отже, й про більш давнє побутування названих імен в етрусків, а не у римлян³. Щодо пошуку можливих етимологій, треба відзначити, що не всі рідкісні слова відомих дослідникам стародавніх мов повинні бути обов'язково етрускими.

Цей невеликий аналіз поглядів доводить, що і сьогодні етимологія і семантика термінів із основою *spur-* залишається невідомою і потребує чіткого визначення. Єдине, що з'ясовується за наявними написами, так це те, що в VII—V ст. до н. е. слова з коренем *spur-* зустрічалися виключно у вигляді особистих та гентильних імен, і лише пізніше з'явилися апеллятиви, терміни для позначення міста (*ThLE*, р. 323–325).

¹ При цьому посилався на місце з Тита Лівія, де той розповідає про сходини, де кричали «*Principesque in omnium Etruriae populorum...*» (І принцепси народів з усієї Етрурії...) (*Liv.*, II, 44, 8). Однак, «народ» етрусською *gasna*, а не *spur* [8, р. 218; 9, с. 379].

² З таким же успіхом, спустившись трохи нижче за списком, можна виявити у Гесіхія етруску глоссу *βυρρός κάνθαρος τυρρηνοί* (*Hesych.*, 1324 β = *TLE*, № 817) і намагатися встановити зв'язок поняття «будинок, місто» і «жук-скарабей».

³ Пор.: *spuriata* з Клузія (VII ст. до н. е.) (*TLE*, № 482) та ім'я *Spurius* з Капітолійських фаст епохи Октавіана Августа, консул 466 р. до н. е. Сп. Постумій Альб Регільський (*CIL*, I², pars. I, р. 16), або Триумфальні фасты, де під 502 р. до н. е. перемога консула Сп. Кассія Віцелліна (*CIL*, I², pars. I, р. 43).

Варто також уважніше придивитися до латинських написів: у деяких із них аббревіатура *Sp f* позначає просто «син Спурія» (CIL, V, № 2009; 4145), в інших — позашлюбного сина (*Spurius* тут інколи уточнюється терміном *naturalis*) (CIL, V, № 3804; IX, № 2696; X, № 1138, 3884; XII, № 705). Очевидно, якщо в першому випадку ми маємо справу з запозиченим в етрусків ім'ям *Spurius*, то в другому — з юридичним латинським терміном *spurius* [15, с. 300]. Не факт, що вони позначали одне й те саме.

Нам відомо, що латинські «*spuriūm*» (жіночий статевий орган) і «*spurius*» (байстрюк) виводили від грец. ἡ σπυρία — «насіння, посів, рік, рід, плем'я, жіноче потомство, покоління» (Isid., Orig., IX, 5, 24)¹. В іншій праці читаємо: «*Spurii patre incerto geniti quasi σπυριάδην*». (Спурії батьком недостовірним породжені немовби «розсіяно») (Liber de praenom., 6). Тому не можна відкидати можливість того, що етруски, які раніше за римлян почали контактувати з греками, запозичили у них це слово і почали використовувати його як позначення незаконнонародженого, тобто особи, що знає матір, але не відає про батька.

Найдавніший приклад латинського наративного джерела, де використано термін, а не ім'я *spurius*, це твір Помпея Трога «Історія Філіпа» (епітома Юстина), де той називає так парфеніїв², вихідців із Лакедемона і засновників Таренту в Південній Італії (Just., XX, 1, 15; див.: III, 4, 7). П. Відаль-Наке виділив спільні риси усіх повідомлень про парфеніїв: вони знали своїх матерів, а не батьків, тож вони були народжені не у моногамному шлюбі, а у груповому [16, с. 139–140].

Чи не існувала і в етрусків, як і в більшості стародавніх народів у період розкладу родоплемінного ладу, подібна практика? Якщо звернутися до особливостей етрусського суспільства, одразу спливають на думку плітки «лихослівного» Феопомпа про те, що етруски не знають власних батьків, тому що їхні жінки готові віддатися будь-кому під час бенкету (Theopomp., fr. 222, FHG I = Theopomp., FGrH 115 F 204 = Athen., XII, 14, p. 517d–518 b)³. Також варто згадати слова Плавта про звичай етрусських дівчат, які добувають собі придане власним тілом (Plaut., Cist., 562). На протипагу їм, в етрусському переказі, переданому Валерієм Максимом, розповідається про місцевого красеня на ймення Спурінна (Val. Max., IV, 5, ext. 1). Добропорядний

¹ В етрусській писемності замість о завжди писали u, тому маємо *spura*.

² Від ὁ παρθενίας — «син дівчини».

³ Певний зв'язок проглядається також зі згадками Арістотеля, що відомі за Афінеем і Гераклідом Лембом, про звичай етрусків бенкетувати, лежачи з дружинами під одним гіматієм (Athen., I, 42, 23 d; Heraclid. Lemb., fr. 44, FHG III). Відповідні «ілюстрації» цього звичаю — одна з головних тем етрусського мистецтва (фресковий живопис і поховальна скульптура).

юнак спотворив власне обличчя, щоби запобігти потягу до своєї персони з боку багатьох знатних дівчат і жінок.

Яке реальне підґрунтя для цих анекдотів? Добре відомими є факти про трепетне відношення етрусків до власного родоводу. З їхньої точки зору, навіть міць етруської ліги ґрунтувалася на «кровних узах» (Liv., I, 15, 1; V, 17, 8; VII, 19, 6; 21, 9), у родовому «дереві» повинно міститися не менше тисячі відгалужень (Pers., Sat., III, 27–28), а «чистота» крові повинна зберігатися століттями (Tac., Ann., II, 34; IV, 22). Незнання етрусками власних батьків заперечується масивом із кількох тисяч написів, де обов'язковим є патронімік. Проте у багатьох епітафіях IV—II ст. до н. е. поряд із патроніміком покійного зустрічається також метронімік (наприклад, CIE, № 4116, 5388, 5424).

Чому б не припустити паралельне запозичення поняття *ή σπυρά* з грецької мови в етруску і латину, і трансформацію його в латинській мові у термін, що позначає незаконнонародженого, а в етрусській — городянина, громадянина міста. Широко відомі повідомлення античних авторів щодо початкового наповнення міського населення Риму. Згідно з традицією, у Римі особи, що могли назвати імена вільних батьків, називалися патриціями, а плебеї були біглими і не могли назвати вільних батьків (Liv., X, 8, 10; Dion. Hal., Ant. Rom., II, 8, 3; Plut., Rom., 13)¹. Природно, що такий процес повинен був відбуватися і в етруських містах.

Таким чином, етруське ім'я *spurie* (лат. *Spurius*) та гентильне ім'я *spurina* (лат. *Spurinna*), можливо, було запозиченням із грецької мови зі значенням «насіння, посів, рік, рід, плем'я, жіноче потомство, покоління». Спочатку воно позначало незаконнонароджену особу, потім закріпилося як особисте ім'я, а пізніше утворився апеллятив для позначення громадян міської громади і самої громади.

Література

1. Müller K. O., Deecke W. Die Etrusker. — Stuttgart, 1877. — Bd. 1.
2. Müller K. O., Deecke W. Die Etrusker. — Stuttgart, 1877. — Bd. 2.
3. Deecke W. Etruskische Forschungen und Studien. — Stuttgart, 1884. — H. 6.
4. Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. — 2-е изд. — М., 1987.
5. Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. — М., 1983.
6. Becker H. W. Production, Consumption and Society in North Etruria during the archaic and classical periods: The World of Lars Porsenna. — Chapel Hill, 2006.
7. Яценковский С. А. Опыт сравнительного описания минойского, этрусского и родственных им языков. — М., 2011.

¹ Про сумнівне походження римлян також (Just., XXVIII, 2, 8-9).

8. *Bonfante G., Bonfante L.* Etruscan language. An introduction. — Manchester, 2002.
9. *Паллоттино М.* Проблема этрусского языка // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. — М., 1976.
10. *Мосенкіс Ю. Л.* Етимологічний словник тирренських мов: лемноська й етрусська // Мова та історія: Збірник наукових праць. — К., 2014. — Вип. 311.
11. *Откупщиков Ю. В.* Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. — М., 1988.
12. *Forsythe G. A.* Critical history of Early Rome. From prehistory to the First Punic War. — Berkeley; Los Angeles; L., 2005.
13. *Stoddart S.* Historical dictionary of the Etruscans. — Lanham, 2009.
14. *Fortson IV B. W.* Indo-European language and culture. An introduction. — 2nd ed. — Oxf., 2011.
15. *Бартошек М.* Римское право (Понятия, термины, определения). — М., 1989.
16. *Видадь-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. — М., 2001.





ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ



К. Ю. Бардола (Харьков)

Проблема византийской коррупции в историографии

Понятия «коррупция» и «Византия» прочно сплелись в сознании практически всех, кто вольно или невольно обращался к византийской истории. Редко можно встретить исследование византийской цивилизации, где коррупция не упоминалась бы как ее характерная черта [1, с. 97–98; 2, р. 86, 107, 173, 218; 3, с. 46]. Тем более удивительным представляется тот факт, что подобное явление не было предметом специального исследования. По теме коррупции в Византии нет ни одной монографии, а те авторы, которые затрагивал эту тему в своих исследованиях, к сожалению, уделяли внимание лишь некоторым аспектам подобного явления [4, 5, 6, 7]. С одной стороны, может показаться, что тема не имеет перспектив для дальнейшего изучения, так как отсутствует ее видимая дискуссионность. Вряд ли кто-то будет отрицать наличие коррупции в Византии и ее негативное влияние на деятельность государственной машины и отношения общества к чиновникам в целом. Однако подобная однозначность проблемы оказывается поверхностной при более пристальном к ней внимании. К сожалению, исследователи так и не определились, что же они понимают под термином «коррупция», часто рассматривая под коррупционными действиями любые злоупотребления чиновников или их привычную деятельность, которые привели к недовольству населения. Весьма неудачное определение, данное А. П. Кажданом и Н. Икономидесом в Оксфордском Византийском словаре только осложнило проблему. «Применение личной власти для достижения государственных либо личных целей, используя скрытую поддержку государственных или церковных должностных лиц» — такое определение может подойти к широкому перечню политических процессов, но только не к коррупции (ODB, vol. 1, p. 535. Corruption).

Практически все юридические и энциклопедические словари отмечают несколько характерных черт коррупционных деяний. Во-первых, это незаконность или неправомерность действий. Во-вторых, лица, которые осуществили эти действия, в результате чего получили личную выгоду. В-третьих, в результате подобной деятельности был нанесен ущерб другим лицам. Собственно, как уже отмечал В. В. Серов, термин *corruptio* происходит от *corrumpere* — «наносить ущерб» [7, с. 32]. Хотя, конечно, можно переводить этот глагол как «соблазнять», «подкупать».

По нашему мнению, следует четко придерживаться подобного определения коррупции, что в значительной мере поможет понять причины поведения тех или иных чиновников, а также прольет свет на отношение византийцев к этой проблеме.

Например, в своей статье, посвященной антикоррупционной политике императора Юлиана, Д. Е. Фурман упоминает два факта, которые, по его мнению, были ярким примером того, как коррупционная деятельность приводила к запустению целых провинций [6, с. 65]. Первый связан с жалобами жителей города Лептис в Северной Африке на отказ римского комита Африки Романа помочь им, пока они не обеспечат его войско провиантом и верблюдами (Аmm. XXVIII, 6). Аммиан Марцеллин не уточняет было ли подобное требование законным и не подтверждает личную заинтересованность комита, хотя, несомненно, такое поведение привело к жалобам жителей на «чрезмерную» требовательность чиновника.

Второе свидетельство Аммиана касается злоупотреблений префекта претория Проба, который был подвергнут опале со стороны императора Валентиниана за чрезмерно жесткую налоговую политику в Паннонии и Иллирике (Аmm. XXX, 5). Однако источник умалчивает как о незаконности деятельности Проба, так и о получении им личной прибыли. Более того, он утверждает, что император долгое время допускал подобную активность, «как будто уши его были залиты воском», так как его удовлетворяли финансовые результаты. Как видим, при более подробном рассмотрении подобных фактов, несмотря на вполне логичное недовольство жителей империи, достаточно сложно обвинить представителей власти именно в коррупции. Это один из примеров, когда отсутствие четкого определения термина «коррупция» в византийской историографии, приводит к тому, что любая императорская инновация в административной сфере рассматривалась византинистами как «антикоррупционная», что весьма далеко от истины.

Так, политику императора Юлиана по сокращению расходов за счет сокращения государственного аппарата, а также требования к его более эффективной работе Д. Е. Фурман считает примером «антикоррупционной политики», что, несомненно, является смещением акцентов [6, с. 66–67]. Такое же смещение акцентов, а в результате, необоснованное объединение различных свидетельств, можно найти в работе В. В. Серова, посвященной «антикоррупционным действиям» в ранней Византии. В этом случае необходимо отметить, что ранневизантийские провинциальные чиновники имели весьма обширные полномочия и могли действовать вполне самостоятельно, а многие должности отдавались на откуп. Поэтому получение прибыли при осуществлении своей должности было вполне законным, а «чрезмерными» или «произвольными» их действия становились только после издания ограничительных указов императоров, но никак не раньше.

Но наиболее ярко проиллюстрировать факт, что историография запуталась в вопросе о том, в чем заключается суть «византийской коррупции», можно на примере знаменитых новелл Юстиниана о «чистых руках» и их дальнейшей интерпретации (Nov. 8; 16). О том, что эти новеллы были направлены против коррупции, главным доказательством чему послужила фраза о необходимости наличия «чистых рук» у чиновников, заявляли уже на рубеже XIX—XX вв. такие известные исследователи как А. А. Васильев и Ф. И. Успенский. Впоследствии это мнение стало расхожим и кочует, от поколения к поколению, из учебника в учебник [8, с. 352; 9, с. 226–227; 10, р. 125; 11, с. 233; 12, с. 97]. Однако, если мы проанализируем эти новеллы чуть более подробно, то увидим, что они предполагали реформирование вполне законной до этого практики покупки должностей, отмену оплаты деятельности чиновников в виде официальных подарков от подвластного населения, а также борьбу с чрезмерным усердием фискалов в процессе взимания государственных налогов. Сама же фраза о «чистых руках» подразумевала отсутствие кредитных обязательств у претендентов на те или иные должности. То есть, Юстиниан наносил удар по вполне законной и открытой схеме откупа государственных должностей, при которой претендент покупал у государства свою должность, зачастую используя для этого приватный займ под проценты, а после этого предполагал получать законную прибыль в виде части собранных налогов или официальных подношений подвластного населения.

Очевидно, что «откуп» и «коррупция» являются разными понятиями, несмотря на отрицательное отношение населения и к тому, и к другому. Таким образом, переводя вся эти оплаты за должности, «подарки» и частную прибыль чиновников в разряд незаконных, Юстиниан автоматически превращал их в «коррупционные составляющие», то есть способствовал развитию коррупции. Заявление Прокопия о том, что эта реформа стала буксовать буквально через несколько лет, является свидетельством не провала «антикоррупционной» политики Юстиниана, а наоборот, скорее недостатка желающих нести на себе скрытое, противозаконное, коррупционное бремя.

В целом византилисты, которые заявляли о широком распространении коррупции в Византии делали акцент как раз на порочности практики продажи должностей. Конечно подобная практика является непристойной в течение последних четырех-пяти столетий, но во времена Византии она была вполне законной и логичной, соответствуя уровню развития государственного аппарата и общества в целом. Например, представитель французской школы Анналов, А. Гийу, как яркое доказательство подобной «пагубной» практики, приводит свидетельство Константина Багрянородного о том, как старый священник заплатил около 60 литр золота, в 4 раза больше обычной таксы, для того, чтобы получить ранг протоспафария с правом заседать в специальном для высших сановников зале, а также носить торжественную мантию.

Император уступил, пойдя на нарушение определенных правил. Через два года священник умер. Как мы видим, в данной ситуации, несмотря на некоторое правонарушение, если так можно назвать действия со стороны императора, не очевидно получение очевидной личной прибыли, скорее даже наоборот. С другой стороны, определенно, что никто от подобного решения не пострадал, а казна получила довольно крупный доход [13, с. 112]. Старый священник, очевидно, хотел с большим почетом провести свои последние годы, с целью чего вполне открыто заплатил за это желание довольно крупную сумму денег.

Нет никаких сомнений, что коррупция в Империи существовала и была проблемой для византийской власти. Большое количество свидетельств на протяжении всей византийской истории делает весьма легкомысленными попытки поставить это утверждение под сомнение. Тем не менее, для лучшего понимания мотивации и логики деятельности византийских официальных лиц, а также отношения к ним со стороны разных слоев населения, исследователям Византии следует более четко различать официальную систему откупа государственных должностей, злоупотребления слишком «радивых» чиновников и непосредственно коррупционные деяния.

Литература

1. Диль III. Основные проблемы византийской истории. — М., 1947.
2. Runciman S. The Byzantine Civilization. — L., 1961.
3. Норвич Д. История Византии. — М., — 2010.
4. MacMullen R. Corruption and the Decline of Rome. — Yale, 1988.
5. Veyne P. Clientèle et corruption au service de l'État // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. — 1981. — V. 36. — N. 3.
6. Фурман Д. Е. Борьба императора Юлиана с коррупцией государственно-го аппарата // Вестник МГУ. — 1968. — № 6.
7. Серов В. В. Административная политика ранней Византии. I. Антикоррупционные меры // АДСВ. — 2000. — Вып. 31.
8. Успенский Ф. И. История Византийской империи. — М., 1999.
9. Васильев А. А. История Византийской империи. — СПб., 2000.
10. Gregory T. E. A History of Byzantium. — Oxford, 2005.
11. История Византии: В 3 т. / Отв. ред. акад. С. Д. Сказкин. — М., 1967.
12. Балух В. О. Візантиністика: Курс лекцій. — Чернівці, 2006.
13. Гийу А. Византийская цивилизация. — М., 2005.



Н. Н. Болгов (Белгород)

Афродисия в Карии ранневизантийского времени

Афродисия (Aphrodisias) — античный город в древней Карии (в 166 км восточнее Эфеса). Здесь, вокруг святилища Афродиты, ко II в. до н. э. вырос город, период процветания которого пришелся на конец I в. до н. э. — III в. В это время город превратился в важный культурный и духовный центр Малой Азии [1; 2]. Здесь родился философ-перипатетик рубежа II—III вв. Александр Афродисийский, работавший далее в Афинах. Здесь же жил писатель Харитон, автор одного из первых «греческих романов» «О Херее и Каллирое».

В 305 г. город получил статус административного центра провинции. Распространение христианства, хотя и имело локальные успехи [3], принципиально не повлияло на жизнь Афродисии как центра языческих культов вплоть до VII в., когда был официально запрещен культ богини любви, а город получил название Ставрополис (Stavropolis).

Археологические раскопки на территории Афродисии были инициированы французским инженером и ученым Полем Годеном, а в 1956 г. деревня Гейре была перенесена на новое место, так как мешала раскопкам. С 60-х гг. XX в. основную роль в раскопках города сыграл турецкий историк и археолог Кенан Эрим.

В городе сохранились крепостные стены протяженностью около 3,5 км, окружающие его основную часть. В центре городища расположены руины епископского дворца (сохранился только перистиль). Епископский дворец имел колонны из редкого голубого мрамора. Предполагается, что он был перестроен из дворца римского наместника.

Театр Афродисии был построен в I в. до н. э., много раз перестраивался в ранневизантийский период, в настоящее время он считается одним из наиболее хорошо сохранившихся памятников античной архитектуры. На северной стене театра видны греческие надписи, датируемые II—III вв.

За театром расположена большая площадь Тетрастион (Tetrastion), ограниченная четырьмя портиками. На левой стороне Тетрастиона — руины терм Адриана и базилика.

Агора (II в. н. э.), посвященная императору Тиберию, занимала обширное пространство, окруженное портиками с ионическими колоннами. Справа от площади и ворот агоры расположен Себастейон (Sebasteion) — святилище обожествленного императора Августа.

Здание Одеона (Булевтериона), в котором проходили собрания городского совета, относится ко II—IV вв. Его оригинальные размеры, очевидно, были большими, чем те, которые мы видим сейчас. Здесь представляют интерес мозаики и статуи.

Храм Афродиты — важнейшее сооружение Афродисии, был построен в I в. до н. э. При Адриане (II в.) он был окружен священной стеной. Судя по дошедшим до наших дней колоннам, в ранневизантийское время храм был преобразован в базилику (VI в.). От храма, построенного на искусственном холме, сохранились только некоторые колонны и двери (Тетрапилон).

В 2008 г. была найдена мраморная капитель колонны, изображающая крестьянку, доящую козу. Эта капитель, одна из выдающихся находок позднеантичного периода, предположительно, относится к IV в. Она была обнаружена на площади, окруженной мраморными стенами, богато украшенными мозаиками и фресками на улице Пятиугольного столба, между монументальными воротами храма Афродиты, ведущими в его центральный двор, и входом в Себастейон.

Дорога от храма Афродиты ведет к стадиону и зданию философской школы. Стадион, построенный в I в. н. э. и вмещавший до 30 тысяч зрителей, отлично сохранился до наших дней, его длина составляет 262 м, а ширина — 59 м. Здание философской школы почти не сохранилось (только фундаменты), тогда как она представляет особый интерес тем, что, по всей видимости, это была последняя по времени действовавшая школа неоплатонизма с языческими религиозными практиками теургии.

Помимо философской школы, во всем Средиземноморье были широко известны рельефы и скульптуры Афродисийской скульптурной школы, существовавшей в I в. до н. э. — V в. [4, с. 18–27].

Крупнейшим философом-неоплатоником ранневизантийского времени здесь был Асклепиодот Александрийский (вторая половина V в.). Он родился в Александрии, был учеником Прокла в Афинах. В дальнейшем жил в Афродисии, где руководил философской школой совместно с Асклепидотом Афродисийским, на чьей дочери Дамиане был женат [5, р. 13–27; 6, р. 626–631]. Дамаский, которого он учил, отзываясь о нём несколько пренебрежительно, отчасти вследствие его невнимания к «наследию оракулов»: «Ум Асклепиодота был не так совершенен, как многие думают. Он поднимал крайне проницательные вопросы, но не достаточно острые в его понимании. Его ум был неровным, особенно в рассуждениях о божественной материи — невидимой и интеллигибельной концепции платоновской высокой мысли. Еще труднее ему давалось понимание высшей мудрости орфических и халдейских оракулов, которая выходит за пределы здравого смысла». Он и его жена посетили гробницу Исиды около Менуфиса в Египте, чтобы излечиться от бесплодия Дамианы. Ребенок

родился, но местные христиане объявили, что он был принесен от жрицы, и это обстоятельство послужило поводом для разрушения гробницы» (Vit. Is. 85A) [7].

Асклепиодот и его жена Дамиана также фигурируют в «Жизни Севира» Захарии Схоластика. Асклепиодот написал комментарии к платоновскому диалогу «Тимей», однако они утрачены. Отдельные физические и астрономические положения Асклепиодота сохранились у Олимпиодора (VI в.) (Olymp., 321,26; Schol. Arist. de Cael. 508a 39f.).

Дамаский (Vit. Is. 126) считал, что Асклепиодоту недоступна мудрость, содержащаяся в орфических сочинениях и Халдейских оракулах, и порицал его за то, что он сводит умозрение в дольний мир явлений (фактически это означало лишь отсутствие у Асклепиодота интереса к культу и мистике, ср.: Suda, v. Δεῖσιδαμνία). Интересно сообщение Симпликия (In Phys. 795, 177) о том, что Асклепиодот не только признавал вместе с Проклом наличие вневременного принципа времени, но и учил о времени, присутствующем во всяком движении как неподвижный ум и бог [8].

Прокл вызвал Асклепиодота в Афины, чтобы рассмотреть его кандидатуру в схолярхи Афинской школы и, значит, речь шла о преемстве в руководстве школой по отношению к самому Проклу. Асклепиодот учился у Прокла и считался одним из лучших его учеников. Прокл и Асклепиодот высоко ценили друг друга и, когда Асклепиодот получил устное приглашение от Прокла, он поспешил в Афины. Прокл был уверен, что Асклепиодот — лучшая фигура для должности главы школы, но когда тот прибыл в Афины, Прокл разочаровался в Асклепиодоте. В результате Прокл решил не предлагать Асклепиодоту занять должность главы школы после себя [9].

Название «Афродисия» используется еще у Иерокла в его «Синекдеме», СІХ новелле Юстиниана и актах Пятого Вселенского Собора 553 г.

Название «Ставрополис» впервые появляется около в 640 г. у Псевдо-Епифания.

В надписях из Ставрополиса упоминаются литургический поэт Ефрем Карийский и некий Феопропий (Revue des études grecques, XIX, 298).

В VII столетии в Ставрополисе отмечено 28 викарных епископов.

В настоящее время городище Афродисии превращено в археологический парк и музей, в котором памятники ранневизантийского времени занимают важное место.

Литература

1. Roueché, Charlotte. Aphrodisias in Late Antiquity: The Late Roman and Byzantine Inscriptions. — L., 2004.
2. Erim Kenan T. Aphrodisias: City of Venus Aphrodite. — N. Y., 1986.

3. *Herbert L.* Pagans and Christians in Late Antique Aphrodisias // *Conversion to Christianity from Late Antiquity to the Modern Age: Considering the Process in Europe, Asia, and the Americas.* — Minneapolis, 2009.
4. *Erim Kenan T.* The school of Aphrodisias // *Archaeology.* — 1967. — Vol. 20, No. 1.
5. *Senn G.* Asklepiodotos von Alexandreia, ein positivistischer Naturforscher des V. Jh. p. Ch. // *Archeion.* — 1938. — T. 21.
6. *Goulet R.* Asclépiodote d'Alexandrie // *DPhA.* I. — 1989. — T. 1.
7. *Damascius.* The Philosophical History / Ed. P. Athanassiadi. — Apameia, 1999.
8. *Athanassiadi P., Frede M.* Pagan Monotheism in Late Antiquity. — Oxford, 1999.
9. *Watts E. J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria. — Berkeley; Los Angeles, 2006.



А. М. Болгова (Белгород)

«Жизнь Исихора» Дамаския как история поздней неоплатонической школы

Последний официальный глава Афинской философской школы неоплатонизма Дамаский родился в Дамаске (Сирия) либо в 458 г., либо в 462 г. Последняя дата в настоящее время считается наиболее обоснованной. Дата рождения Дамаския может быть выведена из Vit. Is. 56, где он описывается как κομίδη μετράκιον («парень») в момент смерти Эдесии, когда он, по-видимому, только приступил к обучению риторике в Александрии.

Дамаский и его младший брат Юлиан принадлежали к зажиточной семье, чье решение назвать сына по имени родного города может указывать на их особую преданность ему.

И Дамаский, и Юлиан первоначально учились у Севериана, который происходил из «одной из лучших семей» Дамаска (Vit. Is. 108) и определенно был другом их семьи. Обучение Дамаския у Севериана должно было начаться в его родном городе, где последний ушел в отставку после того, как «суровые и бессмысленные» годы он потратил на службу в качестве имперского чиновника.

Обычно считается, что свое образование в Александрии Дамаский начал у ритора Феона Александрийского, в риторической школе Гореполлона в Мелитисе близ Александрии [1, с. 152–162] и у философа-неоплатоника Аммония (между 475 и 485 гг.). Вместе с Дамаскием в этой же школе обучался Исидор, «философский бриллиант».

В дальнейшем Дамаский около девяти лет преподавал риторике в Александрии (Vit. Is. 137B): когда он покинул Александрию во время гонений 488/489 г., то уже он посвятил девять лет риторике (Vit. Is. 137C).

Обосновавшись в Афинах, Дамаский не вошел в число непосредственных учеников великого Прокла. Об этом говорит как хронологический разрыв, так и оригинальность и самостоятельность философии Дамаския. Его истолкование ряда идей Платона радикально отличается от Прокла. Сам же Дамаский считал себя идейным продолжателем Сириана. Тем не менее, ученик Дамаския Симпликий утверждал, что тот учился все-таки (ранее) у Прокла. Не вызывает сомнений факт, что Дамаский обучался философии в Афинах у Зенодота и Марина. После смерти схоларха Марина в 495 г. главой Афинской школы

становится Исидор Александрийский [2, с. 37–43]. Он перешел от занятий риторикой к занятиям философией Аристотеля. Поэтому из всех афинских неоплатоников элементы аристотелизма проявятся наиболее полно у Дамаския. Вместе с тем оба философа — и Исидор, и Дамаский — в итоге пришли к платонизму и теургии [3].

Дамаский становится главой школы, скорее всего, в первые годы VI в. Во главе школы Дамаский возобновляет теоретические философские исследования, характерные для эпохи Прокла [4, с. 269–274] и несколько отошедшие в тень во времена Марина и Исихора. Он занимался прежде всего подробным комментированием Платона. В содержании образования платонизм дополнялся элементами аристотелизма (логикой), а также орфикой, «Халдейскими оракулами» и геометрией Евклида.

В Афинах Дамаский жил скорее всего, в «доме С». Обоснование такого предположения дала П. Афанассиади [5, р. 342–347]. Дом был открыт раскопками в 1970 г. Имел как приватную, так и общественную части, а также перистильный двор.

Круг учеников Дамаския вряд ли был очень многочисленным, в том числе и по причине невероятной даже для нашего времени образованности и усидчивости, необходимых для вхождения в платоновскую традицию. Последняя представляла собой также и образ жизни, была окружена мистериальной аурой, ощущением избранности, особыми нравами. Достижение высот в обучении предполагало длительный собственный рост в средоточии академической мысли.

«Философская история», или «Жизнь Исихора» Дамаския является важнейшим источником по истории высших философских школ неоплатонизма. К сожалению, этот текст целиком не сохранился.

В 1967 г. фрагменты сочинения собрал К. Цинтен [6]. В 1999 г. П. Афанассиади предприняла попытку реконструкции «Философской истории» Дамаския [7] на основании Фотия, Суды и других источников, в которой значительную часть составляет «Жизнь Исихора», а также дала описание ситуации в философских школах Афин и Александрии.

В своем нынешнем виде реконструированный текст состоит из 159 фрагментов, распределенных на 9 тематических разделов.

После Вступления идет раздел I «Египет и эллинизм» (фр. 1–4). Под неоплатоновским покровительством египетская и греческая мифология, теология и ритуал смешиваются. Фундаментальный неоплатоновский миф о растерзании Диониса титанами сливается с египетским мифом об Осирисе, который был разорван Сетом-Тифоном. Символизм, объясняющий страсти Диониса, драматизирует платоновское учение об уходе — движении — возвращении, и это напоминает о дихотомии единства-множественности, или

о бытии-становлении, которое управляет человеческой жизнью, и об одинокой борьбе, которую каждая воплощенная душа должна вести, чтобы быть восстановленной в единстве; страдания Осириса, с другой стороны, намекают на коллективные бедствия человечества в целом, и «священного народа», в частности, в христианской империи.

Раздел II «Исидор» (фр. 5–38). Темой книги, заявленной в гл. 5, является нисхождение души с небес на землю, от бытия до становления. Из-за осознания своей судьбы душа Исидора связана с первым рангом людей, которые есть философы. Далее следует несколько методологических замечаний о биографическом жанре. Среди людей, которых Исидор встретил как молодых людей в Александрии, был Север, консул 470 г., и с ним вводятся две из основных тем книги, просопографическая и парадоксографическая. Далее следует описание Исидора, анекдоты, относящиеся к его жизни и карьере, и максимы, оживляющие его изображение, в то время как зачастую очевидно противоречивые утверждения Дамаския о своем учителе передают сложность его личности. Так возникает портрет истинного эксцентрика, противоречивой личности, как святого человека, так и интеллектуала.

Раздел III «Александрия: просопография и история» (фр. 39–58). Это просопография и история языческой общины с конца IV в., перемежающаяся двумя отступлениями (гл. 53 и 58), которые указывают на драматические события гонений на философов в 488 и 489 гг.

Раздел IV «Афины в 470-е гг.» (фр. 59–70). Афинская интеллектуальная сцена 470-х гг. изображается на фоне мировой политики и культурной истории. Раздел открывается первым приездом Исидора в Афины для дальнейших философских занятий у Прокла приблизительно в начале или в середине 470-х гг.

Раздел V «Александрия в 470-е гг.» (фр. 71–96). Возвращение Исидора в Александрию (середина или конец 470-х гг.). Здесь частично господствует Асклепиодот, чьи таланты, связи и путешествия возводят решительно космополитическую атмосферу. Этот раздел также характеризуется повсеместным проникновением международной политики. Личность Пампрепия кажется крупной, в то время как неизбежные связи между его безоговорочной поддержкой язычества и финальным гонением в Александрии ярко выходят на первый план. Отсылка к начальным эпизодам конфликта между этими двумя общинами в Менуфисе предоставляет возможность для существенных вставок о поклонении египтян животным, о теологии, иконографии, символизме и иероглифах, которые могли быть инспирированы или, как минимум, испытать влияние личных интересов Горатоллона к этим темам.

Раздел VI «Золотая цепь» (фр. 97–105). «Золотая цепь», или порочная борьба за платоновское наследие в начале 480-х гг., когда Прокл был еще жив, но был сражен старостью.

Раздел VII «Александрия в 480-е гг.» (фр. 106–131). Александрия в 480-е гг. Люди и события по свидетельству Дамаския. Крон-Сарапион и Тифон-Пампрепий. Злополучный мятеж Илла и его последствия для языческой общины Александрии, где личное соперничество и ненависть использованы монофиситским Патриархом Петром Монгом. Описание различных этапов гонений 488–489 гг.

Раздел VIII «Обращение в философию» (фр. 132–144). Обращение Дамаския в философию под покровительством Исидора и его окончательный отъезд из Александрии. Описание пути следования этих двоих вплоть до приезда в Афины: в Газе им помогает Антоний, которому Дамаский остается навсегда благодарен; затем они приезжают в Бостру, где встречают Дора и делают несколько экскурсий с ним, которые служат примером пристрастия всех этих троих к «духовному туризму». Все они (далее) живут в Кари, но не перед посещением Дамаска, Гелиополя и Бейрута, где Исидора постигает неудача. Потратив некоторое время на Асклепидота в Афродисии, они высаживаются в Пирее.

Раздел IX «Афины «конца времен» (фр. 145–152). Упадок и интриги в неоплатоновской школе. Неопределенные фрагменты: 153–159.

Таким образом, «Жизнь Исидора» Дамаския может быть поставлена в один ряд с такими биографическими сочинениями о неоплатониках, как «Жизнь Плотина» Порфирия и «Жизнь Прокла» Марина [8], образуя своеобразную трилогию. Правда, фигура Исидора не столь велика, как две предыдущие, да и текст полностью не сохранился, однако, даже в таком виде и контексте данное сочинение необычайно важно и нуждается в актуализации в современной науке.

Литература

1. Болгова А. М., Болгов Н. Н. Горapolлон Младший (ок. 440–500 гг.) и его школа в Менуфисе // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2016. — № 2(52).
2. Болгова А. М. Исидор против Гегия: Афинская школа между Проклом и Дамаскием (485–520) // Научные ведомости БелГУ: Серия История. Политология. — 2017. — № 1 (250). — Вып. 41.
3. Watts E. J. City and School in Late Antique Athens and Alexandria / The Transformation of the Classical Heritage 41. — Berkeley; Los Angeles, 2006.

4. Болгова А. М., Болгов Н. Н. Школа Прокла Диадоха и Афины V в. // Власть и общество: история взаимоотношений. — Воронеж, 2016.
5. Athanassiadi P. The house of Damascius? // Damascius. The Pholosophical History / Ed. P. Athanassiadi. — Apameia, 1999. — P. 342–347.
6. *Damascii Vitae Isidori Reliquiae* / Ed. C. Zintzen. — Hildesheim, 1967.
7. *Damascius. The Pholosophical History* / Ed. P. Athanassiadi. — Apameia, 1999.
8. Edwards M. Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. — Liverpool, 2000.



О. В. Вус (Львов)

О морских землетрясениях и тотальной перестройке византийского Херсона во второй половине VI в.

Во второй половине VI в. основным центром византийского влияния в Таврике являлся город-крепость Херсон. В это время в нем отмечается настоящий архитектурно-строительный «бум», начавшийся в 560-х годах и длившийся до начала VII в. [1, с. 753–754, 826–828, 1017]. Он характеризуется широким размахом гражданского, сакрального и военного строительства, развернувшегося в городе. Можем предположить, что причиной этого «бума» стало «величайшее» землетрясение, произошедшее в 50-х гг. VI в. (Агафий, V, 3–5). В результате природного катаклизма византийские провинции Восточного Средиземноморья, Пропонтиды, Западного и Северного Причерноморья понесли огромные людские и материальные потери.

Первый удар стихия нанесла по Восточному Средиземноморью: здесь 6 июля 550/551 г. были разрушены города Палестины, Аравии, Финикии Приморской и Ливанесии. Погибло множество людей и животных, рухнули здания; море, отступив от берега на 1–2 мили, вернулось и потопило в гаванях корабли (Иоанн Малала, XVIII, 112; Theophanis chronographia, A. M. 6043).

Мощные подземные толчки, следовавшие в 554 г., 556 и 557 гг., произвели опустошительные разрушения во многих городах префектуры Восток: от Нове в Нижней Мезии до Никомидии в Малой Азии. В августе 554 г. произошло 40-дневное землетрясение, в ходе которого «пострадали многие дома, бани, церкви и частично стены» Константинополя (Иоанн Малала, XVIII, 118). Центр малоазийской провинции Вифинии — Никомидия — был полностью уничтожен.

Сильнейший удар по обороноспособности столицы Империи нанесло 10-дневное землетрясение декабря 557 г. Были частично разрушены «Длинные стены» Анастасия, стены Константина и Феодосия, «пала и часть церквей... Многие люди погибли в обрушившихся зданиях» (Иоанн Малала, XVIII, 124).

Правительство пыталось помочь пострадавшим провинциям: Юстиниан отменил приемы и раздачу подарков, одновременно были направлены значительные суммы на восстановление разрушенных городов. Но денег все равно не хватало: в марте 553 г. в Константинополе вспыхнул мятеж из-за «порчи монеты». В течение лета 556 г. население столицы голодало, а в декабре в полуразрушенные города Империи вернулась чума. Основной удар она нанесла по обессиленным людям в феврале 558 г. Эпидемия свирепствовала шесть

месяцев и значительно усложнила восстановительные работы. Но еще больше их усложнило вторжение орды «варваров», в 559 г. преодолевших «Длинные стены» и дошедших до округа Св. Стратоника (Иоанн Малала, XVIII, 117, 120, 121, 127, 129).

Тяжелые удары стихии обрушились и на причерноморские провинции Византии. В 543 г. неожиданно поднявшееся море стремительно затопило прибрежную часть Нижней Мезии и Малой Скифии (Иоанн Малала, XVIII, 90; Theophanis chronographia, A. M. 6037). В результате катастрофы было уничтожено все живое на расстоянии четырех миль от береговой черты в районе современных Варны и Балчика. Море в скором времени вернулось в свои берега. Примечательно, что древние авторы ничего не говорят о подземных толчках, а это означает, что эпицентр землетрясения 543 г. находился на значительном расстоянии от берега, в глубине акватории.

Описание природного бедствия указывает на то, что в середине VI в. часть Западного Причерноморья накрыла сейсмическая морская волна (цунами). Вероятно, она была следствием морского землетрясения магнитудой не менее 7,0–8,0 и интенсивностью не менее 9–10 баллов по шкале MSK-64¹. Эпицентр землетрясения находился недалеко, на материковом склоне Черного моря [2, с. 91, рис. 2]. Здесь, приблизительно в 11 морских милях к востоку от мысов Шабла и Калиакра начинается 10-балльная сейсмоопасная зона, в которой ранее уже отмечались катастрофические землетрясения [3].

По мнению А. А. Никонова, интенсивность разрушительной силы цунами, нанесшей удар в 543 г., равнялась 5 баллам по шкале Зибера—Амбразейса². Исследователь отмечает, что «наряду с цунами, которые возникают на участках берега, ближайших к эпицентрам в акватории (Черного) моря, цунами нередко идут и через акваторию к удаленным (противоположным) берегам» [2, с. 92]. В данном случае, «противоположным» берегом для эпифокальной области является юго-западный участок побережья Крыма.

Учитывая, что скорость распространения цунами в Черном море составляет от 120 до 400 км/ч, а расстояние от зоны «Шабла—Калиакра» до современного Севастополя не более 380 км, несчастье, произошедшее во Фракии, почти одновременно могло случиться и с Херсоном, который был особо уязвим

¹ MSK-64 — 12-балльная шкала интенсивности землетрясений Медведева — Шпонхойера — Карника. Образование больших волн на поверхности воды и наводнение на равнине отмечаются при 9 баллах.

² 5-балльное цунами по Зиберу—Амбразейсу имеет следующие признаки: «Приморские территории затоплены. Волноломы и молы сильно повреждены. Крупные суда выброшены на берег. Ущерб велик и во внутренних частях побережья. Здания и сооружения имеют разрушения разной степени... В устьях рек высокие штормовые нагоны. Имеются человеческие жертвы» [4, с. 22].

в силу приморского расположения. Портовый район города, корабли в гавани и сама гавань, а также береговые укрепления были наверняка повреждены.

Впрочем, катастрофа могла произойти и по причине цунамигенного морского землетрясения, произошедшего непосредственно у берегов Крыма. Интенсивность разрушительной силы цунами здесь могла достигать 3 баллов по шкале Зиберга—Амбразейса [2, с. 93–94, рис. 5]. В сочетании с землетрясением магнитудой не менее 6,0 и интенсивностью 7 баллов, этого вполне хватило, чтобы превратить в руины значительную часть Херсона. Именно фактором комбинированного удара стихии можно объяснить перестройку приморских укреплений города во второй половине VI в.

Не имея точных данных о магнитуде и интенсивности этого бедствия, мы попытаемся провести параллель с землетрясением, потрясшим города и поселки Крыма 11 сентября 1927 г. Его эпицентр находился в море между Ялтой и Алуштой. Магнитуда составила 6,8, а интенсивность — 8 баллов в районе Большой Ялты, по 7 баллов — в Алуште, Севастополе и Симферополе [5, с. 103]. В этих городах отмечались значительные разрушения; только в Ялтинском районе без жилья осталось более половины населения — 17 тысяч человек.

Статистика свидетельствует, что 7-балльные землетрясения отнюдь не редкое явление в Крыму. Только в XIX в. на полуострове было зафиксировано пять 7-балльных землетрясений: в 1838 г. — на ЮБК; в 1869 г. — в Судак; в 1872 г. — в Феодосии; в 1873 г. — в Бахчисарае; в 1875 г. — в Севастополе [5, с. 103, табл. 3]. По MSK-64, при 7–8 балльных землетрясениях наступают сильные и тяжелые повреждения зданий из ровного камня и домов из кирпича-сырца. Повреждаются здания из естественного тесаного камня; в них отмечаются большие и глубокие трещины [6]. Схожие признаки разрушений наверняка присутствовали и в Херсоне.

Косвенные указания на дату катастрофы были получены в ходе археологических раскопок. На дне рыбозасолочных цистерн Херсона, исчезнувших под слоем нивелировочных засыпей второй половины VI в., присутствует значительный слой оставшегося там анчоуса, иногда до трети объема емкостей. С. Б. Сорочан полагает, что часть таких цистерн была заброшена «до начала очередной путины, которая для анчоуса происходила дважды в год, весной и особенно интенсивно поздней осенью» [1, с. 756]. Это означает, что разрушительное землетрясение произошло между путинами: зимой или в конце лета, когда запасы анчоуса в цистернах еще не были исчерпаны. Вероятно, Херсон и херсониты стали жертвами стихии либо в августе 554 г., либо в декабре 557 г.

Несколько лет византийские владения в Таврике были предоставлены сами себе: укрепления, административные, жилые и сакральные сооружения Херсона попросту не за что (а может, и некому) было отстраивать. Обескровленная

метрополия ничем не могла помочь, и ее северный форпост какое-то время лежал в руинах. Вероятно, государственная помощь поступила херсонитам только в последние годы правления Юстиниана, либо после восшествия на престол его племянника — Юстина II (565–578). Во всяком случае, Прокопий Кесарийский в трактате «О сооружениях» (написанном до 557 г. [7, р. 29–30]) ничего не сообщает о предоставлении помощи Херсону и его переустройстве. Это означает, что трагические события были еще слишком свежи, чтобы попасть в официальные сводки и хроники.

Как бы то ни было, в 60-х гг. VI в. в Херсоне были развернуты масштабные восстановительные работы. С. Б. Сорочан подчеркивает, что этими работами, «связанными не только с культовыми постройками, но и с разборкой, нивелировкой, обновлением прежних зданий, усадеб, жилых помещений, производственных комплексов и возведением на их месте от основания новых, оказались охвачены в большей или меньшей степени абсолютно все районы города» [1, с. 753].

Из-за того, что в результате землетрясения было нарушено функционирование гидротехнических сооружений, херсонитам пришлось заново обустроить резервуары для воды. В 2002 г. С. Г. Рыжовым и А. Б. Бернацки была исследована подземная водосборная цистерна в VII квартале Херсона, в углу агоры. О времени ее строительства свидетельствуют мраморные архитектурные детали, использовавшиеся в сакральных сооружениях Херсона до середины VI в.

А. Б. Бернацки утверждает, что эти элементы в цистерне установлены вторично, все они повреждены, и сам факт их нахождения здесь объясняется тем, что здания, в которых они использовались, «из-за износа или повреждения перестали выполнять свою первоначальную функцию» [8, с. 41–42]. Поэтому можем предположить, что подземная цистерна в VII квартале была обустроена не ранее второй половины VI в., после неординарных событий, сильно изменивших архитектурный ландшафт Херсона.

Кроме жилых, сакральных и гидротехнических сооружений была восстановлена система инженерной обороны Херсона, и в первую очередь, линия береговых укреплений. Во второй половине VI в. в припортовом районе была заново возведена 22-я куртина основной боевой стены. Ее толщина составила не менее 2,3 м. Куртина была сложена из бутового камня на известковом растворе и облицована плитами, взятыми из руин ранее существовавших здесь античных стен. Многочисленным переделкам подверглись и идущие следом 24-я, 25-я, 26-я и 27-я куртины, а также разделяющие их XXI, XXII и XXIII башни. Непосредственное руководство инженерными мероприятиями осуществляли дукс Херсона и «отец города» Феаген; их пребывание здесь в начале 70-х гг. VI в. зафиксировано в эпиграфическом памятнике, обнаруженном на юго-восточном участке крепостного ансамбля (IOSPE V, 7).

Вероятно, денег на восстановление укреплений Херсона не хватало, из-за чего Юстин II и его соправитель Тиберий II Константин (574–582) пошли на беспрецедентный шаг. В апреле — мае 575 г. они отменили корабельную повинность, исполнявшуюся жителями Херсона, Боспора и Лазики (Iust. Nov., CLXIII, сар. 2). Возможно, новелла санкционировала не отмену повинности как таковой, а только временное перераспределение финансов в пользу военно-инженерных мероприятий. Это решение соправителей полностью оправдало себя: во второй пол. VI — начале VII вв. подвергшийся тяжелым ударам стихии Херсон был восстановлен из руин и продолжал успешно выполнять функции главного форпоста и проводника военно-политического влияния Византии в Северном Причерноморье.

Литература

1. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Х., 2005.
2. *Никонов А. А.* Цунами на берегах Черного и Азовского морей // Физика земли. — 1997. — № 1.
3. *Най-силните* земетресения в България // Seizmologiq's Blog. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://seizmologiq.wordpress.com/най-силните-земетресения-в-българия/>.
4. *Левин Б. В., Носов М. А.* Физика цунами и родственных явлений в океане. — М., 2005.
5. *Хапаев В. В.* Крымские землетрясения древности и средневековья: к истории вопроса // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. — Вып. 1. — 2008.
6. *Медведев С. В., Шпонхойер В., Карник В.* Шкала сейсмической интенсивности MSK-64. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20120118025236/http://ocean.phys.msu.ru/courses/geo/lectures-addons/13/MSK-64.pdf>.
7. *Evans J. A. S.* The Dates of the Anecdota and the de Aedificiis of Procopius // Classical Philology. — 1969. — Т. 64. — № 1.
8. *Херсонесский сборник. Supplement I.* Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX—XI вв.) / под ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клениной. — Севастополь, 2006.



А. М. Домановський (*Харків*)

**Самоуправління чи самоуправство?
Херсон і Фессалоніка у складі Візантійської імперії VII—IX ст.
(окремі зауваги до питання про «особливий статус» міст)**

Низка сучасних дослідників історії візантійського Херсона (передусім М. Алексеєнко та М. Храпунов [1; 2; 3; 4 та ін.]) послідовно дотримуються думки про унікальний статус цього міста у складі Візантійської імперії, обстоюючи збереження тут упродовж усього раннього середньовіччя пережитків античного полісного самоврядування. Воно полягало, перш за все, у наступності ще від пізньоримської доби традиційних посад муніципальної адміністрації, особливий ролі, що її відігравала міська громада у керуванні містом, залученні представників знатних родів місцевої аристократії на імперську службу в межах міського управління і, нарешті, у певному протистоянні очолюваного місцевою верхівкою Херсона центральному урядові імперії, прагненні здійснювати власну, незалежну від імперського центру політику [історіографію питання див.: 5, с. 582–587; 6].

Рішучим противником викладеної точки зору щодо умовного «особливого статусу» ранньосередньовічного Херсона у складі Імперії ромеїв виступив С. Сорочан, який спромігся суттєво розширити контекст досліджуваного питання, порівнявши головний центр Таврики з низкою інших візантійських провінційних міст, чого вочевидь бракувало попереднім дослідженням [5, с. 582–677; 6]. Одним із ключових міст, з яким науковець порівняв у своїх розвідках ранньосередньовічний Херсон, стала Фессалоніка [5, с. 592–593, 597]. Цей населений пункт з перших століть історії Візантії посідав друге після столичного Константинополя місце у структурі імперської політики та економіки. Наявність зручної гавані, розташування міста на *Via Egnatia* робили Фессалоніку важливим центром регіону вже у IV—VI ст.

Не дивно, що в історіографії неодноразово наголошувалося на унікальному, неординарному статусі Фессалоніки у складі Візантійської імперії [див.: 7; 8 та ін.]. Стосувалося визначення унікальності балканського міста зокрема і його автономного, напівнезалежного статусу, позначеного збереженням місцевого самоврядування. Наприклад, Р. Браунінг зазначав, що місто мало «достатньо розвинене самоуправління... Численні вельми суттєві елементи своєї древньої автономії Фессалоніка зберегла аж до захоплення її турками-османами 1430 р.» [7, с. 23]. Дослідник наголошував, що у певні періоди історії міста, зокрема за часів, коли суходільне сполучення між

Константинополем і Фессалонікою порушувалося, «ситуація дозволяла дистанціюватися від столичного уряду і розвивати інститути самоврядування». «Коли центральний уряд був слабким, нерішучим або не мав єдиної позиції, в періоди, коли зв'язок зі столицею був утруднений, Фессалоніка намагалася діяти як незалежне місто-держава» [7, с. 30].

Що ж саме дозволяє дослідникам стверджувати наявність автономного, напівнезалежного статусу у Фессалоніки за доби «темних віків»? Переважно на користь такого твердження можуть бути використані окремі свідчення «Чудес св. Димитрія». Описані у цій пам'ятці події датуються у межах приблизно ста років — від 80-х рр. VI до 80-х рр. VII ст. — і характеризують ситуацію, коли слов'яни повністю залюднили простір за межами міських мурів і мешканці Фессалоніки, які відтепер могли підтримувати винятково морське сполучення зі столицею, змушені були самостійно налагоджувати відносини з новоприбулими сусідами. «Чудеса св. Димитрія» дозволяють чітко розмежувати стосунки слов'ян з городянами, з одного боку, й з імперським урядом — з другого. Фессалонікці не мали іншого вибору, крім як налагоджувати і підтримувати відносини зі слов'янами незалежно від центральної влади, а часом навіть і всупереч їй [8, с. 89]. Це нагадує ситуацію, що склалася внаслідок проникнення на Кримський півострів хазарів, коли херсонити були змушені самостійно взаємодіяти з новими мешканцями Криму, не надто покладаючись на центральний уряд імперії. В обох випадках це мало посилити самостійність дій представників місцевої можновладної верхівки, до якої належали передусім навіть не так призначені з центру посадовці, як представники місцевої знаті — заможні й родовиті міські власники.

Справді, «Чудеса св. Димитрія» засвідчують існування у Фессалоніці тих, хто є «першими» або «передуючими» (мається на увазі очільниками, ватажками, предводителями) міста (τῶν τὰ πρῶτα φερόντων τῆς καθ' ἡμῖς πόλεως) [9, с. 132 § 193.49]. У іншому місці пам'ятка згадує «найвидніших із (серед) перших» (τοῖς ἐξοχοῖς τῶν πρῶτων) [9, с. 144 § 231.11]. Зрозуміти, ким саме були ці «проти-перші» дозволяє ще один фрагмент з тих-таки «Чудес св. Димитрія», а саме згадка про скеровану до василевса колективну скаргу на представника центральної влади у Фессалоніці (епарха міста?) з боку тих, «хто володів багатством, розумом і рабами, пишався військовим досвідом, був першим у скриніях епархії Іллірика» [9, с. 108 § 129.24–30].

Як бачимо, це були «не представники адміністрації, а знать міста, тобто багаті люди» [9, с. 195, ком. 103], «знатні мешканці Фессалоніки..., які, незважаючи на наявність у місті повноважного представника імператора..., мали значний вплив і реальну владу» [9, с. 199, ком. 134; пор.: 10, с. 131–132, ком. 348]. Джерелом «значного впливу» «перших» було їхнє багатство і обумовлені ним, а також знатним походженням соціальні зв'язки, сама

приналежність до можновладної міської верхівки. Межі ж їхньої «реальної влади» не були нічим спеціально обумовлені й визначалися ситуативно, залежно від того, наскільки потужною в той або інший момент була фактична, а не номінальна присутність імперії у місті, наскільки дієво міг центральний уряд контролювати тут ситуацію. Конкретні обставини визначали також дії представників місцевої владної верхівки, які могли як збігатися з інтересами центрального уряду чи мешканців міста, так і суперечити їм.

Так, в одному випадку «перші» могли діяти не рахуючись з інтересами не лише центрального уряду, але й інших містян. Так сталося, коли у власних інтересах «заради якогось зиску і неблаговидних цілей» «проти» намагалися сховати військового ватажка слов'ян на ім'я Хацон [9, с. 132 § 193.50], який планував вчинити напад на місто, але був перед тим захоплений у полон городянами. У другому епізоді історії Фессалоніки представники знаті вірнопіддано виконали волю василевса, який у листі до міського єпарха наказав полонити вождя слов'янського племені рихинів Первуда й у кайдах доправити його до столиці [9, с. 144 § 231.11–13; 8, с. 90–91]. За третім разом бачимо «керуючих» містом за незаконним продажем хліба за межі Фессалоніки напередодні нападу слов'ян. При цьому міські владці порушували пряме розпорядження василевса, який наказав, готуючись до облоги міста, подбати про запаси продовольства [9, с. 150 § 244.26–28; 8, с. 93]. Нарешті, у четвертому випадку ті такі «правителі міста і городяни» (τῶν κρατούντων καὶ πολιτῶν) [9, с. 154 § 254.1; 8, с. 95] організовують експедицію для закупівлі продовольства у слов'янського племені велегезитів.

Отже, як бачимо, є сенс говорити не так про автономію, напів(не)залежність чи, навпаки, пряму підпорядкованість адміністрації Фессалоніки центральному столичному уряду, як про можливість імперії контролювати це відрізане від суходільного сполучення вторгненням слов'ян місто, з одного боку, а також «реальну владу» представників місцевої знатної верхівки — з другого. Відтак саме міська знать могла бути і була джерелом для заміщення посад на імперській службі, через що буває нелегко розрізнити, в якій саме іпостасі діяли місцеві «управителі міста» у той або інший момент. Радше за все, вони й самі не були спроможні відокремити свої дії у якості імперських посадовців від діяльності, обумовленої високим соціальним статусом, що спирався на економічні можливості та знатність роду.

Самоуправління, що повинне було б мати відповідне правове підґрунтя в імперському законодавстві, не слід при цьому плутати із самоуправством, спричиненим не так збереженням давніх муніципальних традицій, як відсутністю в центрального уряду можливості здійснювати дієве адміністрування у віддалених провінціях. Це, з одного боку, змушувало, з іншого — давало змогу представникам місцевої заможної знатної верхівки відносно самостійно керувати містом. Щоправда, регіональне самоуправство могло тривати

лише до того моменту, коли імперія вирішувала втрутитися у місцеві справи і навести у віддаленому місті лад. Саме так сталося 711 р. у Херсоні, коли сюди прибула каральна експедиція Юстиніана II, яка полонила 40 і стратила 27 херсонських протевонів [10, с. 40, 64, 156, 164].

Література

1. *Алексеев Н. А.* Византийский Херсон: Империя и полис по данным сфрагистики // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. — М.; Белгород, 2016.
2. *Алексеев Н. А.* Имперская администрация Херсона: от архонтии до катепаната (по данным сфрагистики) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. — М., 2016.
3. *Храпунов Н. И.* Администрация византийского Херсона (конец IV—XI вв.): дисс. ... канд. ист. наук. — К., 2009 (рукопись).
4. *Храпунов Н. И.* К вопросу о роли городской общины в управлении византийским Херсоном в VIII—XI вв. // АДСВ. — 2014. — Вып. 42.
5. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). — Х., 2005.
6. *Сорочан С. Б.* Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. — 2003. — Т. 62 (87).
7. *Браунинг Р.* Византийская Фессалоника: уникальный город? // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ: к 70-летию академика Г. Г. Литаврина. — М., 1999.
8. *Иванова О. В.* Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Димитрия» (Постановка вопроса) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. — К., 1980.
9. *Чудеса св. Димитрия Солунского* / Предисл., текст, пер. и коммент. О. В. Ивановой // Свод древнейших письменных известий о славянах. — Т. 2 (VII—IX вв.). — М., 1995.
10. *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). — М., 1980.



А. Н. Литовченко (Харьков)

Свет в пространстве византийского храма по материалам Херсона

Внутреннее пространство византийского храма вмещает архитектурные мраморные детали, монументальную живопись, предметы церковной утвари, все то, что видит верующий в момент нахождения в храме, в момент Литургии или совершения других христианских Таинств. Но только ли эти детали видел верующий вокруг себя? Атмосфера внутри храма создается посредством не одних лишь материальных компонентов, какими являются элементы внутреннего убранства византийского храма. Свет, запах, пение присутствуют в храме, и в момент богослужения усиливают свое значение. Можно предположить, что, после служебной роли, свет в пространстве храма являлся неотъемлемой частью первоначального архитектурно-художественного и символического замысла храма. Храмы византийского Херсона не исключение в этом отношении. По мере роста интереса к реконструкциям культовых сооружений Херсона все более актуальной становится характеристика и понимание места всех компонентов их внутреннего пространства. Отсюда встает вопрос воссоздания свето-пространственной композиции базилик и храмов византийского Херсона. На данном исследовательском этапе стояла задача постановки проблемы, систематизации материалов для дальнейшего осмысления и интерпретации.

Период с VI в. до X в. в жизни византийского Херсона характеризуется не прекращавшимся строительством культовых и общественных зданий. В середине VI—VII вв. возводится основная масса величественных базилик и храмов с разнообразными элементами декоративно-символической системы интерьера. Также стоит отметить, что к VI в. христианская Церковь занимала достаточно прочные позиции в этом провинциальном ромейском городе, где существовала епископская кафедра. После X в. наблюдается разрушение крупных базилик, на их месте строились меньшие по размеру квартальные церкви с более скромным внутренним убранством. Облик города и интерьер его храмов стал меняться.

Несмотря на достаточно обширную историографию христианского Херсона, вопросы, связанные с особенностями внутреннего убранства его са-кральных памятников в настоящее время практически не исследованы. В 2001 г. А. М. Лидов предложил термин «иеротопия» (др.- греч. *hierós* — священный и др.-греч. *tópos* — место, пространство) для специальной

области историко-культурных исследований, в которой выявляют и анализируют примеры сакральных пространств, рассматриваемые как особый вид творческой деятельности [1, р. 9–35]. Иеротопический подход призван объединить и дополнить реконструкцию внутреннего пространства, включая не только осязаемые (материальные) элементы. Освещение, пение, изобразительные элементы помогают создать особую атмосферу в момент Богослужения. Специальный вопрос изучения освещения византийских и средневековых храмов представлен несколькими диссертациями и статьями [2; 3; 4; 5; 6].

Специфика такой темы обусловлена небольшим объемом информации, содержащейся в письменных источниках официального характера. Но их дополняют данные археологии. Характеристика археологических источников данного проблемного поля включает архитектуру культовых построек, которая сама по себе определяет интенсивность проникавшего в храм дневного освещения, и предметы искусственного освещения, интерпретируемые как подсвечники, лампы и фрагменты лампадор-хоросов, поликандил.

К настоящему времени исследователями установлено, что в раннесредневековом Херсоне, где к середине X в. проживало примерно 6 тыс. жителей, было, по меньшей мере, четыре десятка значительных культовых сооружений. За более чем полутора столетие ведение археологических раскопок зафиксировано: 15 базилик (№ 7, 13, 14, 15, 17, 22, 23, 26, 28, 32, 36, 1932 г., 1935 г., храм «А» около восточной оконечности Уваровской базилики и храм, входивший в комплекс византийского претория — район «цитадели»). Н. Н. Болгов выделяет 12 ранневизантийских базилик из перечисленных 15 [7, с. 103]. Также 7 крестовых и крестовокупольных храмов (крестовидные пристройки у Восточной и Западной базилик, храмы № 27 и № 29 на агоре, «храм с ковчегом» — № 19, Южный и Западный загородные храмы), купольный тетраконх (№ 47), мемориальная церковь — маврикий с подземной криптой, одноапсидный гробничный маврикий (№ 12) над усыпальницей около Западной базилики № 13, загородный однонефный храм, открытый в 1902 г. на Девичьей Горке, одноапсидный храм на месте более поздней часовни (№ 17, по обозначению Р. Х. Лепера) в квартале I около Восточной базилики и однонефный храм, открытый в 1958 г. на месте сцены античного театра, а также баптистерии при Уваровской, Западной базиликах, базилике 1935 г., «базилике в базилике», а возможно, и при базиликах № 28 и № 36 [8, с. 761]. Таковы количество и типология культовых построек на данном этапе исследования византийского Херсона.

В отношении интерпретации освещения возможно предположить два принципа для базилик и для крестообразных храмов. Так, вошедшему в храм выразительные акценты света облегчают понимание структуры

архитектурного организма и в целом храмового пространства, поскольку выстраивают направляющие ориентиры. В зависимости от размеров базилики свет распределяется через одночастные или трехчастные двери и окна второго яруса, вдоль центрального нефа. На основе анализа материалов стенной мозаики можно локализовать их размещение в конхе апсиды, куда естественный свет попадал наиболее точно. В этом случае по продольной оси главного нефа проявляется световой пунктир от западного входа к престолу алтаря базилики, а также от входа в базилику через галерею нефа к алтарной части, месту где совершаются главные Таинства во время богослужений в утренние и вечерние часы.

Уместно будет подобрать несколько аналогий для подтверждения данных принципов в отношении распределения естественного света в сохранившихся византийских базиликах других крупных центров Византийской империи — Фессалоники и Равенны. Подобные по архитектуре базилика св. Димитрия (VI—VII вв., Фессалоники, Греция) и базилика Сант-Аполлинаре-Нуово (V—VI вв., Равенна, Италия) имеют наиболее освещенными центральную галерею — неф и алтарную часть, что можно наблюдать и сегодня *in situ* в утренние часы солнечного дня.

Такие примеры неоднократно подтверждаются и другими сохранившимися памятниками, где свет в момент богослужения дополняет внутреннее пространство храма. Следовательно, подобные совпадения не случайны, а закономерны. Ясно, что византийские архитекторы владели основами построения таких сложных световых систем. Они были знакомы с позднеантичными знаниями Витрувия об архитектуре. Его девятая книга из «Трактата об архитектуре» содержит понятия про определение сторон света, времени суток, о небе, равноденствии, солнцестоянии [9, с. 137].

Обратим внимание еще на один аспект взаимосвязи степени освещения и элементов внутреннего пространства византийского храма. Вс. М. Рожнятовский подробно описывает принципы использования световых эффектов оконных проемов в иконографических программах стен и сводов здания [10, с. 400]. На примере только главного храма Святой Софии в Константинополе очевидным становится, что византийские строители (ιπχανικός) располагали достаточными знаниями для создания сложных систем организации освещения и световых эффектов [11, с. 57].

С целью дополнительного освещения внутри храма использовали и источники искусственного света — лампадофоры, подсвечники. Среди коллекций заповедника «Херсонес Таврический» и собраний Государственного исторического музея находятся бронзовые литые фрагмент хороса (ГИМ № 78607), лампада (ХТ № 7054), фрагмент подсвечника (ХТ № 3848) и трехгранное основание подсвечника (ХТ № 5593). Данные артефакты не были обнаружены в процессе раскопок сакральных сооружений, но частично могут относиться

к категории церковной утвари на основании изображений. Типичный пример представляет составная часть лампадофора — хорос (VI в., диаметр 9,8 см) [12, с. 506]. По центральной оси в верхней и нижней частях диска размещаются петли для крепления цепей (нижняя часть утрачена), что свидетельствует о составной конструкции. На малом диске прорезано изображение креста с расширяющимися концами и крупными «слезками» на углах, причем на одной стороне выгравирован крестик (вверху) и круговая греческая надпись, на другой — орнамент-плетенка.

Прочие артефакты из бронзы VI—X вв. обобщают представление об источниках искусственного освещения в культовых постройках Херсона указанного периода. Так, из раскопок Р. Х. Лепера 1914 г. на западном некрополе известна находка лампы (VI—VII вв., высота 7,3 см, диаметр 8 см, длина цепей — 24,7 см) [12, с. 504]. Место находки определено как склеп 8. Она имела вид канфара без ручек, на короткой ножке, с вертикальным венчиком, тремя вертикальными петлями для крепления цепей из мелких звеньев, которые крепились на рогульку. Такая переносная лампа могла быть переносной и использоваться, до попадания в склеп, в ходе храмовых богослужений. Так же, скорее всего, применялись и два фрагментарно сохранившихся подсвечника, бытование которых, впрочем, не исключено и в частной жизни горожан [12, с. 510–511].

Необходимо обратить внимание на дополняющую функцию освещения во время Литургии. Сочетание элементов внутреннего пространства со световыми эффектами в утренние или вечерние богослужебные часы создавало атмосферу для верующего, помогало воспринимать и познавать Святые Таинства. Священник начинал читать молитву, обращенный в пространство нефа, которое должно было создавать впечатление «храма — рая Божьего» [13, с. 47]. Это пространство, обрамленное открытыми дверями, охватывало солею и алтарь, сверкающие в лучах солнца, струящегося из окон в конхе апсиды. Земная церковь виделась молящимся в ней подобием небесного святилища, где обитает Бог, а земная Литургия являлась совместным торжеством почитания.

Создавая внутреннее пространство херсонесских храмов и базилик, архитекторы стремились представить его единым, но расставляли приоритеты и разграничивали пространство с помощью различных декоративно-изобразительных деталей и опять-таки света, свето-пространственной композиции. Свет понимался как «кисть» в руках архитектора. Он оживлял живописную и скульптурную декорацию, являвшуюся в архитектурном синтезе текстурой и фактурой, говорившей на языке света и тени. Он указывал глазу как рассматривать и как читать архитектуру. Он управлял движением человека в пространстве и, во многом, движением его сознания. Именно свет объединял замысел и придавал ему законченность.

Литература

1. Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. — М., 2009. — С. 9–35.
2. Годованец А. Ю. Свет в архитектурном пространстве византийской купольной базилики VI века. Св. София Константинопольская: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. — М., 2010.
3. Рожнятовский В. М. Дневное освещение как самостоятельный элемент декорации древнерусского храма: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. — М., 2007.
4. Potamianos I. Light into Architecture: Evocative Aspects of Natural Light as Related to Liturgy in Byzantine Church / PhD: University of Michigan, 1996. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://thesis.ekt.gr/thesisBookReader/id/8615#page/4/mode/2up>
5. Bouras L., Parani M. G. Lighting in Early Byzantium.— Washington, 2008.
6. Попова О. С. Свет в византийском и русском искусстве XI—XV вв. / Проблемы византийского искусства. Мозаики, фрески, иконы. — М., 2006.
7. Болгов Н. Н. Византия-Таврика-Русь: Культурно-идеологический континуитет в Северном Причерноморье // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Відпов. ред. М. Литвин (Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Зб. наук. праць). — Вип. 20. — Львів, 2011.
8. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая пол. VI — первая пол. X вв.). Очерки истории и культуры. — Х., 2005. — Ч. 2.
9. Годованец А. Ю. Свето-пространственная композиция Софии Константинопольской и позднеантичная наука о свете // Иеротопия огня и света в культуре византийского мира / под ред. А. М. Лидова — М., 2013.
10. Рожнятовский В. М. Световые эффекты в пространстве византийского и древнерусского храма: исторические этапы и особенности развития // Иеротопия огня и света в культуре византийского мира / под ред. А. М. Лидова. — М., 2013.
11. Оустерхаут Р Византийские строители / Пер. Л. А. Беляева. — К.; М., 2005.
12. Наследие византийского Херсона / Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залесская, Д. Журавлев; Нац. заповедник «Херсонес Таврический» и др. — Севастополь; Остин, 2011.
13. Тафт Р. Ф. Византийский церковный обряд. Краткий очерк / Пер с англ. А. А. Чекаловой. — СПб., 2000.



В. В. Майко (*Симферополь*)

Паломнические реликвии средневековой Сугдеи и ее окрестностей

В отечественной науке в качестве главного источника, позволяющего конкретизировать культурные и религиозные связи Сирии и Палестины с Европейскими странами, традиционно выступали паломнические предметы, поступавшие в страны Западной Европы и Русь, часто через территорию средневековой Таврики. Совершенно логично, что значительное их количество оседало в Крымских портовых городах. Коллекция подобных вещей, происходящая из Херсонеса, неоднократно становилась предметом специальных исследований [1, с. 121–130]. Значительно меньше внимания уделялось паломническим раритетам, обнаруженным на территории Восточного Крыма. Тем не менее, накопленные материалы позволяют предпринять попытку их обобщения и анализа.

Все обнаруженные артефакты можно разделить на три основные группы. Первая из них — т. н. «сирийские», «сиро-палестинские» или «ближневосточные» энколпионы.

Предваряя их описание и анализ, отметим, что сам термин, по справедливому мнению специалистов, носит условный характер для анализа большой, не до конца дифференцированной группы византийских мощевиков [2, с. 7]. С одной стороны, их происхождение справедливо связывается с деятельностью мелькитских центров Малой Азии и Сиро-Палестинского региона. С другой стороны, исследователи предполагают истоки традиции в Константинополе, отводя, тем не менее, Сирии особое место в ее развитии [2, с. 9–14]. До сегодняшнего дня, из-за малочисленности находок не до конца разработаны и критерии крестов, изготовлявшихся в Сиро-Палестинском регионе по отношению к аналогичным изделиям других ближневосточных территорий.

Судакская коллекция пока состоит из двенадцати подобных энколпионов. Шесть из них происходят из археологических контекстов и обнаружены в ходе исследований средневекового города и его отдаленной округи (Бакаташ близ средневекового Солхата), три энколпиона связаны с ближайшей (с. Дачное, Кизилташ) и отдаленной (с. Русское) округой Сугдеи и обнаружены в подъемном материале, три — находятся в частных коллекциях.

На примере богатой коллекции Херсонеса и памятников Юго-Западного Крыма византийские энколпионы неоднократно анализировались [3, с. 51–59].

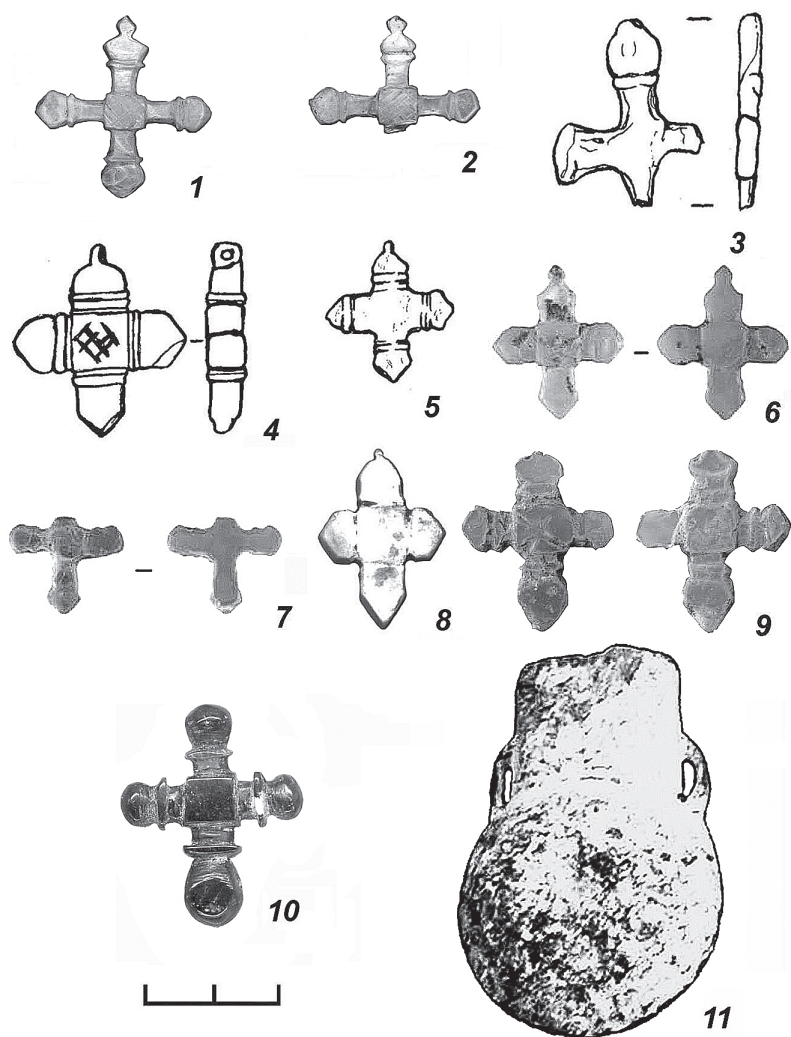


Рис. 1. Паломнические реликвии средневековой Сугдеи:

1, 2, 10 – некрополь у Дозорной башни; 3 – некрополь «Храма 1993 года»; 4 – «Храм у дамбы»; 5 – некрополь на участке куртины XV; 6, 7, 9 – подъемный материал; 8 – некрополь Судак-IX; 11 – подводные исследования в Судакской бухте.
1–9 – перламутр; 10 – янтарь; 11 – свинец

Они традиционно разделяются на две основные группы с гравированным и рельефным изображением.

В Юго-Восточном Крыму численно преобладает группа с гравированными изображениями, выполненными т. н. «штриховой» манерой. Все зафиксированные экземпляры представлены одиночными створками. Первая была обнаружена на территории некрополя Судак-II и связана с разрушенными погребениями, вторая, фрагментированная — в слое пожара на полу жилого дома на участке посада Сугдеи [4, с. 167]. На обеих створках помещено изображение Богородицы в позе Оранты, отличающееся стилистически и орнаментальными мотивами оформления края одежды. Третья так же фрагментированная створка обнаружена в ходе разведок на территории Сугдеи. Помимо изображения Богоматери-Оранты на боковых лучах присутствуют изображения Святых. Все изделия могут быть датированы второй половиной XII — первой половиной XIII вв. [4, с. 167–168].

Типологически к данным энколпионам близка находка мощевика в материалах некрополя селища Бакаташ [5, с. 53–62] и три экземпляра, хранящиеся в частных коллекциях. На основании Бакаташского изделия было высказано предположение о возможном существовании местной крымской школы по изготовлению сирийских крестов, которые могут датироваться не позднее первой половины XIII ст. [5, с. 59]. Однако данное предположение нуждается в дополнительной аргументации.

Резко выделяется створка энколпиона, происходящая из подъемного материала на территории урочища Кизилташ [4, с. 168]. Характерным отличием изделия является уникальное, чрезвычайно схематическое, стилизованное, даже примитивное изображение Богоматери и головы Богомладенца. В средокрестии расположено гнездо для вставки. Датировка энколпиона возможна только в широких хронологических рамках.

Несомненный интерес представляет фрагмент створки энколпиона, обнаруженный в селе Дачное Судакского района [4, с. 168]. Изделие украшено композицией из концентрических окружностей, отделенных двойной линией. В средокрестии расположена крупная концентрическая окружность, имитирующая гнездо для вставки. Археологический контекст позволяет датировать артефакт второй половиной X — первой половиной XI вв.

Отдельную категорию составляют три ближневосточных энколпиона с изображениями, выполненными в технике низкого рельефа. Створка одного из них с изображением Богоматери-Оранты и Святых на боковых лучах была обнаружена в материалах некрополя Судак-V и относится к кругу наиболее распространенных в Крыму ближневосточных древностей второй четверти XII — первой половины XIII вв. Археологический контекст судакской находки — не ранее первой половины XIV в. [6, с. 151–152].

Другой энколпион, отличающийся схематичностью изображений, был обнаружен в материалах некрополя храма Параскевы. На двух створках в технике низкого рельефа изображено Распятие и Богоматерь-Оранта с четырьмя изображениями Святых в медальонах на концах лучей. Археологический контекст находки — не ранее второй половины XIII в. [4, с. 169].

С территории поселения близ с. Русское в Юго-Восточном Крыму происходит третья находка энколпиона. На одной его стороне помещена композиция Распятия, на оборотной — Богоматерь Агиосоритисса и изображения ангелов и Христа на боковых лучах. Данный тип энколпионов датируется рубежом XII—XIII вв. [4, с. 169–170].

В отличие от проанализированной выше, следующая категория паломнических артефактов только частично упоминалась в литературе [6, с. 207, 228, 238; 7, с. 561–582]. Речь идет о перламутровых нательных крестах. В отличие от некоторых древнерусских и западноевропейских экземпляров, крымские, в том числе происходящие из Сугдеи, до сих пор не становились предметом специального исследования. В настоящий момент Судакская коллекция насчитывает девять экземпляров (рис. 1: 1–9). Шесть из них происходят из археологических контекстов, три — обнаружены в подъемном материале¹. Два обнаружены в заполнении коллективной могилы второй половины XII в. некрополя у Дозорной башни², четыре — в погребальном инвентаре могил второй половины XIV — первой половины XV вв. прихрамовых некрополей на участке куртины XV, «Храма у Дамбы», «Храма 1993 года» в портовой части и некрополя Судак-IX.

Все перламутровые кресты можно разделить на два основных типа. Первый образуют два экземпляра из некрополя у Дозорной башни, представляющие собой изделия с ярко выраженным квадратным средокрестием с вырезанным на нем сетчатым орнаментом (рис. 1: 1, 2). Характерным отличием являются тонкие длинные лучи одинакового размера, заканчивающиеся шаровидными, слегка заостренными к концу, головками, отделенными от лучей подчеркнутым рельефным перехватом. К этому типу можно отнести и плохо сохранившийся фрагмент креста из погребального инвентаря могилы некрополя у «Храма 1993 года» в портовой части Сугдеи (рис. 1: 3).

Остальные перламутровые кресты условно можно объединить во второй тип, характеризующийся более или менее выраженным квадратным средокрестием и заостренным полукруглым окончанием коротких лучей. Последние отделены от средокрестия более или менее ярко выраженными одним или

¹ Выражаю глубокую признательность В. Д. Гукину за возможность ознакомиться с материалами исследований.

² Выражаю глубокую признательность В. А. Захарову за возможность ознакомиться с материалами исследований.

несколькими рельефными перехватами (рис. 1: 3–9). Все они имеют некоторые морфологические особенности, но о стабильных вариантах пока говорить рано. Встречено как орнаментированное сетчатым или крестообразным орнаментом средокрестие, так и не содержащее орнаментации. Есть экземпляры с удлиненным верхним и нижним лучами или только с одним нижним.

Время их появления в средневековой Сугдее можно установить достаточно четко. Среди многочисленного и разнообразного погребального инвентаря второй половины X — первой половины XII вв. они неизвестны и появляются в городе только со второй половины столетия, существуя вплоть до середины XV в. Практически этими же хронологическими рамками датируются и аналогичные изделия, обнаруженные на территории Древней Руси и Западной Европы [7, с. 566; 8, с. 143–148]. По основным морфологическим параметрам и наличию выраженного квадратного средокрестия они близки к остальным типам нательных крестов, входящим в обиход со второй половины XII в. По справедливому мнению специалистов, их хронология в основном согласуется с данными письменных источников о возрастании в это время числа прихожан в Святую землю [9, с. 92–110]. При этом отметим, что не исключена и связь некоторых из них, наиболее поздних, с Болгарским Велико Тырновским центром резьбы по перламутру, что уже неоднократно подчеркивалось исследователями [10, с. 112, 118].

Чрезвычайно редкой и интересной находкой является янтарный нательный крест, обнаруженный в погребальном инвентаре уже упоминавшегося некрополя у подножия Дозорной башни в Сугдее (рис. 1: 10). По своим основным морфологическим параметрам (ярко выраженное квадратное средокрестие, полукруглое окончание коротких лучей, отделенных выраженным рельефным перехватом) он напоминает первый тип перламутровых крестов. Не исключено, что он является результатом подражания местными ювелирами известным им образцам. Схожая ситуация зафиксирована и для древнерусского Суздаля [8, с. 143–148].

Последней находкой, связанной с паломничеством в Святую землю, является уникальная для Восточного Крыма свинцовая ампула, обнаруженная при проведении подводных исследований на территории Сугдейского порта (рис. 1: 11). Это миниатюрное изделие с круглым уплощенным туловом, широким горлом, отделенным от тулова слабо выраженными рельефными перехватами и двумя прижатыми к тулову маленькими ручками. Ампулы для святой воды и масла хорошо известны среди древностей ранневизантийского периода, в том числе и Херсонеса. Однако в данном случае речь идет об изделиях, появляющихся в Европе не ранее второй половины XII в. Типологически близкие экземпляры известны как в древнерусских городах, так и на Балканах в материалах эпохи Второго Болгарского царства [11, с. 172]. По справедливому мнению исследователей, часть из них могла изготавливаться в Фессалонике в X—XII вв. в память о посещении святых мест [12,

с. 263–269]. Типологически близкие предметы широко известны в Греции и в западноевропейских странах, где бытуют вплоть до XV в. [13, р. 35]. Вероятно, второй половиной XII — первой половиной XIII вв. можно датировать и Сугдейскую находку.

К сожалению, недостаточность источниковой базы не позволяет пока однозначно решить вопрос о конкретных маршрутах паломнических путешествий жителей Восточной Таврики. Однако культурные и религиозные связи Крыма, как с Сиро-Палестинским, так и другими ближневосточными регионами со второй половины XII и до середины XV вв. были регулярными, определявшими своеобразие материальной культуры приморских городов полуострова.

Литература

1. Яшаева Т. Ю. Сакральная сущность энколпионов: реликварий-крест-икона // Символ в религии и философии. — Севастополь, 2005.
2. Пескова А. А., Строкова Л. В. Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. — СПб., 2012.
3. Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв. — СПб., 2003.
4. Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X—XII вв. — К., 2014.
5. Крамаровский М. Г., Гукин В. Д. Крест-реликварий XII — начала XIII века из могильника в пригороде золотоордынского города Солхата (Крым) // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. — СПб., 2006.
6. Майко В. В. Средневековые некрополи Судакской долины. — К., 2007.
7. Спиргис Р. Паломнический контекст находок перламутровых крестиков XIII—XV вв. на территории современных Латвии и Литвы // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. — СПб., 2017.
8. Колтакова Ю. В. Некоторые разновидности нательных крестов средневекового Пскова // РА. — № 1. — 2005.
9. Мусин А. Е. Археология древнерусского паломничества в Святую землю в XII—XV вв. // Богословские труды. К 150-летию Русской духовной миссии в Иерусалиме (1847–1997). — М., 1999. — № 35.
10. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. — М., 1991.
11. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). — М., 1981.
12. Залеская В. Н. Группа свинцовых ампул-эвголий из Фессалоники // СА. — 1980. — № 3.
13. Brazinski P. A. Late antique pilgrimage and ampullae. History, classification, chronology. — Saarbrücken, 2014.



Ю. М. Могаричев (*Симферополь*)

К проблеме времени образования Фульской епархии в Крыму

Средневековые источники, начиная со второй половины VIII в., упоминают на территории Крымского полуострова Фулы — населенный пункт, христианскую епархию и, возможно, некую область [1; 2; 3, с. 516–523; 4; 5, с. 252–255; 6; 7].

Впервые достоверно Фулы фиксируются в Житии Иоанна Готского. Древнейшая версия этого произведения, скорее всего, была составлена в 806–811 гг. В 843–847 гг. оно было переработано в новой, уже известной нам редакции [5, с. 16–26]. Среди чудес, совершенных святым, присутствует сюжет о том, что когда «преподобный сидел в темнице Фул» (после поражения антихазарского выступления в Готии, случившегося между концом 784 и 786 г. [5, с. 199]), он, посредством крещения, исцелил сына «владельца» этого населенного пункта.

Затем Фулы («народ фульский») фигурируют в Пространном Житии Константина Философа (Гл. XII) (составлено, вероятно, в 869 — начале 880-х гг. [8, с. 10]), в сюжете о «хазарской миссии» Константина (860–861 гг.). Святой «уговорил» этот, уже христианский народ, отказаться от языческого обычая, а именно, поклонения большому дубу, сросшемуся с черешней. Данный рассказ несет в себе отчетливые следы агиографического штампа. Отметим, что Гл. XII, в целом, составлена исключительно как изложение чудес: сначала чудо с превращением соленой воды в пресную; затем чудо предсказания скорой смерти херсонскому архиепископу; и, наконец, чудо возвращения на путь истинный фульского народа. Однако, сказанное выше не отрицает существования на Крымском полуострове в середине IX в. местности, именуемой Фулы.

В Not. III (по Ж. Даррузе) упомянут епископ хотциров ((о)хоциров), резиденция которого находилась рядом с Фулами и Харасиу(я) [9, р. 245]. Not. III, по наиболее обоснованной аргументации, была составлена в IX в., возможно, в его второй половине. Она представляла собой проект или его черновой набросок, в итоге так и не реализованный, охвата Хазарии системой христианских епархий [подр. см.: 5, с. 178–179].

В начале X в. (по мнению К. Цукермана, не ранее лета 920 г. [10, с. 419–427]) Not. VII (по Ж. Даррузе) фиксирует функционирование Фульской епархии. Она встречается и в последующих росписях церковных

административно-территориальных единиц, вплоть до середины XII в. Затем Фульская епархия была объединена с Сугдейской и возведена в ранг митрополии.

Все предпринятые в историографии попытки убедительно локализовать и «материализовать» Фулы успехов не имели. К сожалению, источники не сохранили никаких более или менее точных указаний, где они должны были находиться. Поэтому вся аргументация исследователей, пытавшихся решить проблему Фул, строится, как правило, на более или менее удачных логических схемах этих же авторов. Нет оснований помещать Фульскую епархию на Таманском полуострове, как это делал еще Н. М. Мурзакевич. Нотиции в это время фиксируют там свою церковно-административную единицу с центром в Таматархе [11, с. 292–294].

«Виртуальность» Фул заключается и в отсутствии сфрагистических и эпиграфических источников. Так, особенно в последние два десятилетия, в научный оборот введены моливдовулы ряда херсонских, боспорских, сугдейских и готских церковных иерархов. Но печатей фульских иерархов не обнаружено. Различные источники сохранили имена ряда светских правителей и иных должностных лиц Херсона, Боспора, Сугдеи, Готии. Но нет ни одного свидетельства, позволяющего пролить свет на то, какому должностному лицу подчинялась территория Фульской епархии.

Отметим, что в настоящее время в историографии насчитывается более 20 вариантов локализации этого «неуловимого» места. Согласно наиболее аргументированным гипотезам, Фулы находились или в Юго-Западной, или Юго-Восточной (что более реально) части полуострова.

К. Цукерман аргументировал гипотезу, что фульская епархия была основана на территории Крымской Хазарии поздним летом — ранней осенью 920 г. Процесс ее формирования нашел отражение в письмах № 68 и № 106 Константинопольского патриарха Николая Мистика. А Not. VII уже зафиксировала факт существования этой церковно-административной единицы. При этом крымские хазары упоминаются уже в Not. III под именем хотциров [10, с. 419–427].

Скорее всего, предположение об отождествлении хазар с хотцирами не является достаточно аргументированным [7, с. 141–143]. Николай Мистик под термином «Хазария» мог понимать только одно государственное образование — Хазарский каганат [12, с. 123–129].

Действительно, впервые Фульская епархия отмечена в Not. VII. Однако дает ли это основание датировать ее создание только хронологическим периодом, близким ко времени составления указанного списка епархий? Напомним, что Готская и Сугдейская епархии так же в первый раз в нотициях появляются в Not. VII. Однако, Готская епархия была основана, скорее всего, в конце VIII — начале IX в. [5, с. 177–182]. Сугдейская епархия,

очевидно, была создана в середине VIII в. [13, с. 86–87]. Следовательно, или в Not. VII были впервые официально зафиксированы и структурированы изменения в церковно-административной системе Византии, которые произошли ранее [14, с. 143–144], или Готская и Сугдейская епископии до начала X в. административно являлись подразделениями, соответственно, Херсонской и Боспорской епархий и поэтому не попадали в перечни самостоятельных церковно-административных подразделений империи.

Когда же могла быть основана епархия с центром в Фулах? Если принять во внимание информацию Жития Иоанна Готского, то в последней четверти VIII в. — первой половине IX вв. ее еще не было. Агиограф вряд ли бы вставил в свое произведение в целом традиционный для житий сюжет об исцелении Иоанном сына местного правителя-язычника, будь в Фульской области свой епископ.

Не было, скорее всего, епархии и на момент хазарской миссии Константина Философа. Конечно, сюжет «возвращения на путь истинный фульского народа» несет следы агиографического штампа. Но при этом Житие однозначно свидетельствует, что «фульский народ» хоть и подвержен пережиткам язычества, уже принадлежит к числу христианских. Мало вероятно, что при наличии там отдельной епархии и своего настоятеля, агиограф таким образом построил бы сюжет.

Можно с определенной уверенностью утверждать, что Фульская епархия не функционировала и на момент составления Not. III. Несомненно, автор руководствовался некими реалиями. Вряд ли можно сомневаться, что тогда в Крыму уже действовали отмеченные в источнике Херсонская, Боспорская, Сугдейская и Готская епархии. При этом на базе Готской предлагалось организовать «хазарскую митрополию». Фулы же, в данном случае, упоминаются не как епархиальный центр, а всего лишь как ориентир для «привязки» места нахождения епископа хотциров.

Таким образом, скорее всего, Фульская епархия была основана между 861 г. (как вариант — 60-ми гг. IX в.) и началом X в. (Not. VII ее уже фиксирует). Если принять датировку Not. VII, предложенную К. Цукерманом, то — 920 г. Вполне возможно, что в 70–90-х гг. IX в., после того как Византии удалось полностью вытеснить хазар с территории Крымского полуострова, здесь была проведена очередная реорганизация церковно — административной системы и, в силу ряда до конца не совсем понятных обстоятельств, была создана Фульская епархия. Этот факт и был зафиксирован Not. VII в начале X в.

Литература

1. Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и локализация города Фулл) // СА. — 1958. — Т. 28.

2. Майко В. В. О локализации Фулл и Фульской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. — К., 2002.
3. Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Ч. 1–2. — Х., 2005.
4. Сорочан С. Б. К проблеме локализации Фул и «народа Фульского» // Государственная территория как фактор политогенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. — М., 2015. — Вып. 27.
5. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». — Симферополь, 2006.
6. Завадская И. А. Периодизация церковного строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии) // МАИЭТ. — Симферополь; Керчь, 2014. — Вып. 19.
7. Могаричев Ю. М., Майко В. В. Тепсеньская базилика и проблема локализации Фул // Хазарский альманах. — М., 2015. — Т. 13.
8. Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. — М., 1981.
9. Darrouzes J. Notitiae episcopatum eclessiae Constantinopolitanei. — Р., 1981.
10. Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum // МАИЭТ. — Симферополь, 2010. — Вып. 16.
11. Чхаидзе В. Н. Тамартаха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. — М., 2008.
12. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В. Крымская Хазария X—XII вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? (исторический контекст) // Хазарский альманах. — К.; Х., 2012. — Т. 10.
13. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. — Симферополь, 2009.
14. Науменко В. Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII—IX вв. (по данным Notittiae episcopatum) // АДСВ. — 2003. — Вып. 34.



В. В. Серов (Барнаул)

Строительство религиозных объектов в правление Юстиниана I по данным его законодательства

Детальный анализ современной историографии той эпохи, которую в византиноведении принято именовать юстиниановской, позволяет выявить целый ряд направлений, нуждающихся в дополнительной разработке. Среди таковых необходимым представляется специальное изучение вопроса о строительстве религиозных сооружений при Юстиниане I. Данный вопрос и связанная с ним проблематика не считаются актуальными для развития научного знания.

В то же время отсутствует четкое и детальное представление о том, как, что и сколько строилось при Юстиниане, а также — сколько это стоило государству, императору и его подданным. В трудах, в той или иной мере посвященных церковной деятельности Юстиниана, наибольшее, что говорится о религиозных постройках — это что их было (как писал Прокопий Кесарийский) «изобилие повсюду» (Procop., *De Aed.*, passim) [1, с. 329], что строились они на деньги императора и ктиторов [2, с. 298; 3], и что стоимость такого строительства была безумно дорогой [4, S. 202]. Очевидно, что для создания объективного представления о данном явлении требуется как минимум проверить имеющиеся в историографии предположения и утверждения, а затем при необходимости пересмотреть их и дополнить новыми сюжетами, которые придадут полученной картине большую правдоподобность.

К числу таковых относится, например, проблема законодательного оформления и регулирования практики собственно церковного строительства. Рассмотрение ее приводит к выводу о слабой строительной активности юстиниановского правительства и, во всяком случае, об отсутствии у него долгосрочной программы церковного строительства.

Разработка стратегии религиозного единения и административно-религиозной унификации христианского мира в VI в. перевела в разряд второстепенных вопросы, связанные с процессом возведения и обслуживания построек религиозного назначения, притом, что имевшийся вековой опыт позволял, в общем, обходиться соответствующими правовыми нормами, которые были разработаны в сфере гражданского строительства (C.J. VIII.11). Тем не менее, первые попытки представить возведение богоугодных домов как отдельную

отрасль в правовом обороте относятся к первым годам самостоятельного правления Юстиниана. Они были вызваны как общей тенденцией к юридической дефиниции существовавших в стране устойчивых и прежде не описанных явлений, так и фактическим увеличением числа строившихся объектов соответствующего назначения под воздействием форсированной имперской религиозной политики. Оба данных феномена обусловили разработку правового регламента сферы храмового строительства в правление Юстиниана I, которая, впрочем, не была завершена.

В небогатом материале, извлекаемом из Кодекса Юстиниана и Новелл Юстиниана, который имеет отношение к теме религиозного строительства, присутствует подтверждение самого факта существования такого строительства как явления (например: C.J. I.2.19; 3.41; 3.45; Nov. Just. 5; 6; 57; 131), а также рассматриваются некоторые обстоятельства, связанные с ним (например: Nov. Just. 3; 67; 133).

Так, законодательство императора Юстиниана свидетельствует о том, что основным и массовым строителем объектов религиозного назначения выступало частное лицо. Этот факт давно признан в историографии, хотя формально он не подкреплён полноценным анализом источниковых данных и не соотносён с объемом государственного строительства [5, с. 20—21; 6, р. 341].

Далее, при Юстиниане I правовой регламентации подвергся не строительный процесс как таковой, а активность частных донаторов строительства, что привело к появлению в законодательстве немногочисленных новых правил, которые, к тому же, не касались технической стороны строительства и тематики его финансирования. В связи с этим строительный процесс в VI в. сохранился в технологическом смысле в прежнем виде, сложившемся задолго до юстиниановской эпохи, не получив после её наступления необходимой ему дополнительной дифференциации по видам строительной деятельности.

Наконец, изучение поднятого нами вопроса позволяет заметить, что Юстиниана нельзя называть крупным частным ктиторм (см., например, Nov. Just. 133), превосходившим по объёму личных финансовых вложений в строительство церквей и монастырей известных благотворителей того времени. Несомненных данных об этом нет. В условиях же своеобразного бума частного строительства религиозных объектов император едва ли тратил на это дело и значительные государственные средства: материалами законодательства данный факт также не подтверждается. В течение всего времени своего единоличного правления Юстиниан I в большей мере интересовался в связи с религией проблемами, далекими от строительства как материального воплощения религиозных смыслов. В связи с этим нельзя всерьёз рассуждать и о существовании некой «программы обширного церковного строительства в Империи».

Литература

1. Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. — СПб., 1908.
2. Соколов П. Н. Церковно-имущественное право в Греко-Римской церкви: Опыт историко-юридического исследования. — Новгород, 1896.
3. Морозов М. А. Реформа ктиторовского права в период правления Юстиниана // Власть, политика, право в античности и средневековье: Сб. ст. / Ред. Е. П. Глушанин. — Барнаул, 2003.
4. Leppin H. Justinian. Das christliche Experiment. — Stuttgart, 2011.
5. Левченко М. В. Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи // ВВ. — Т. 2. — 1949.
6. Jones A. H. M. Church Finance in the Fifth and Sixth Centuries // A. H. M. Jones. The Roman Economy. Studies in Ancient Economic and Administrative History / Ed. by P. A. Brunt. — Oxford, 1974.



С. Б. Сорочан (Харьков)

**От дуката до катепаната,
или Еще раз о поисках «призраков»
самоуправления в провинциальном византийском Херсоне**

После многочисленных исследований административной структуры и политического статуса крымского Херсона у византинистов сложилось почти единодушное мнение, что мы имеем дело с историей типичного «колониального», провинциального ромейского города, которая в VI—XI вв. прошла свою эволюцию, общую для всей Романии. Но попытки найти следы некоего присущего только этому центру если не самоуправляемого, то хотя бы «полусамоуправляемого» «полисного положения» продолжают всплывать вновь и вновь, главным образом, в работах Н. А. Алексеенко и Н. И. Храпунова, настойчиво пытающихся отстоять концепцию особенности именно этого византийского города, якобы не свойственную городским общинам иных центров Византии. Факты, которые порождают новые трактовки данных нарративных источников и особенно сфрагистики, заставляют корректировать прежнюю категоричность таких выводов, но не отказываться от них. Скорее, наблюдаются попытки «перелицевать» прежние наблюдения таких «особенностей» и, соглашаясь в целом с типичностью Херсона как подконтрольного имперского города, все же выдать «призраки» былых муниципальных, общинных властей за некие отголоски прежнего полисного статуса этого античного города, которые, невзирая ни на что, якобы прошли сквозь Средние века.

Н. А. Алексеенко строит историю раннесредневекового Херсона от архонтата, начиная ее с VIII в. и, отмечая наличие дук, а значит, и здешнего крымского дуката с 70-х гг. VI в., скупое роняет, что «...печатей местных дук до сих пор не известно, а гипотеза С. Б. Сорочана на этот счет не поддерживает никакой критики» [1, с. 438]. Правда, самой критики не следует. Между тем, даже если отказаться от признания найденных в Крыму печатей дук относящимися к византийской Таврике, никак нельзя проигнорировать эпиграфические свидетельства, которые имеют прямое отношение к Херсону и Боспору. Я уже предупреждал о поспешном утверждении относительно наличия имперских киров Херсона только на рубеже VIII—IX вв. и приписывания им неких функций византийско-хазарских посредников, и оказался прав, когда обнаружилась печать кира фемного Херсона,

спафария Михаила третьей четверти IX в. [2, с. 207–216, 359, 361]. Нет гарантии, что аналогичное не может произойти и с находками печатей местных дуксов, имперских чиновников, еще раз настоятельно подчеркиваю, надежно известных по свидетельствам эпиграфики.

Управленческий аппарат Херсона в VIII — первой трети IX вв. действительно имел форму архонтата во главе с единоличным византийским чиновником — архонтом. В аппарате архонтата, по мнению Н. А. Алексеенко, пока выделяются два должностных лица с имперскими печатями — кир и стратор Херсона, хотя принадлежность их именно к этому «аппарату» опять-таки не более чем гипотеза: с не меньшим основанием можно думать, что это могли быть периодически замещающие архонта лица, также выбираемые с одобрения василевса и потому имевшие печати имперского облика и титулярные саны. Недаром Н. А. Алексеенко сам предположил, что кир, как особый правитель, сменил на рубеже VIII—IX вв. местного архонта [1, с. 441]. То же самое могло произойти в это время и с имперским стратором Херсона, причем это не «экстраординарная должность», действительно отсутствующая в администрации византийских провинций, а невысокий сан, не имеющий ни малейшего отношения ни к логофесии агелы, ни к комиту царских конюшен, ни, тем более, к некоему мифическому «складу-апликту» в архонтатном округе Херсона (апликтон — это не склад, а полномасштабный стационарный военный лагерь, лагерная стоянка) [1, с. 445–446].

Не вызывает сомнений лишь то, что преобразование здешней архонтии привело к образованию стратигии Климата, а затем стратигии Херсона, причем первое могло случиться не к середине IX в., а уже около 835 г., что совпадает с началом нового периода византийско-хазарских отношений в Крыму. В стратигиде присутствуют имперские кiry, некие эк просопу — «от лица» василевса, коммеркиарии, протонотарий. Пока в этой властной управленческой «обойме» не хватает судьи-крита и под вопросом остаются хартуларий и комит, но имеющийся костяк все равно достаточно типичен для фемных военно-административных центров. По крайней мере, основные имперские функционеры фемного уровня в нем присутствуют. В управлении им не могли не помогать патер полиса, протевоны, эдик с имперскими санами и очень важным индикатором официальной власти — персональными моливдулами. И протополит, и протевоны, и «отцы города», прочие «власти», «начальники» (archousi) самого города и окрестных мест были им подчинены, не могли действовать самостоятельно, представляя только городскую общину и ее интересы, поскольку нарративные источники совершенно определенно указывают, что император Феодил подчинил их «всех» (kai pantas) избранному стратигу уже с момента создания здешней стратигии. Будучи представителями и василевса, и город-

ской общины, они не всегда имели имперские печати, положенные вер-хушке византийских чиновников-управленцев, но почему, впряженные так или иначе в управленческую лямку провинциальных ромейских властей, они должны были иметь лишь «опосредственное отношение к официальной власти», как полагает Н. А. Алексеенко [1, с. 447]? Пред-ставители местных аристократических кругов всегда были средой, из которой выходили функционеры весьма разветвленной византийской чи-новной и сановой разрядной пирамиды. Тактиконы, следившие главным образом за санами, не всегда были в состоянии отразить все ее местные особенности. Считать их исчерпывающими «официальными списками обширного бюрократического аппарата империи», как полагает Н. А. Алек-сеенко, можно с очень большой натяжкой [3, с. 10]. Даже понятие «про-тевон», встречающееся в самых разных источниках, было очень емким, охватывая функционеров и с печатями, и без них. Отсюда вытекают ис-кусственные понятия «*внетабельные чины*», «*внетабельные чиновники*», «*внетабельные посты*», предложенные Н. А. Алексеенко [1, с. 443, 446, 460; 2, с. 10], которые некорректны уже хотя бы потому, что чин (сан) и пост (должность) — разные по своему смысловому наполнению термины. Впрочем, какими бы они ни были, полисные вольности в Византии VIII—XI вв. давно канули в лету.

О прочных позициях местной городской общины, о хитроумном приспо-соблении Империи к исключительным местным реалиям для сохранения своего влияния продолжает писать и Н. И. Храпунов, который вновь по-вторяет постулаты о самоуправлении, автономии, неких особых «управля-ющих» городской общиной, которых он видит и в архонтах (в том числе, невзирая на неоднократные возражения, продолжает считать их коллечи-альным органом), и в кирах, и в патерах, и в экдиках, и в протевонах, в том числе даже с титулами, санами и имперскими печатями [4, с. 110–131]. Более того, им предпринята попытка поправить общеизвестную трактовку новеллы Льва VI Мудрого, отменявшей всякие рудименты самоуправления, давно оставшиеся в прошлом, по поводу чего исследователь без каких-либо оснований решил, что это царское постановление «...либо не всегда испол-нялось, либо не имело характера универсального закона» [4, с. 127], еще раз продемонстрировав нарушение основного источниковедческого принци-па критики.

По такому же принципу строится еще один категоричный «аргумент»: «Вопреки мнению С. Б. Сорочана, наличие печатей у патеров, экдиков и протевонов не означает, что они превратились в государственных слу-жащих, фактически не связанных с городской общиной» [4, с. 130]. К слову, в этом утверждении скрыто откровенное передергивание, ибо я никогда не отвергал их возможное местное происхождение, связь с об-

щиной, хотя даже это невозможно во всех случаях предположить и, тем более, убедительно доказать. И дальше, несколькими строками ниже в выводах автор входит в противоречие с собственным утверждением, заявляя: «Законодательство регламентировало функции и принципы назначения этих чиновников, но предоставляло общинам право их избирать... Община Херсона через своих представителей, НАХОДИВШИХСЯ НА ИМПЕРАТОРСКОЙ СЛУЖБЕ (выделено мной — С. С.), принимала участие в управлении городом и округой» [4, с. 130]. То есть, Н. И. Храпунов пришел к заключению, давно выдвинутому мной, формально отвергнув его ранее [5, с. 21–46], и в очередной раз продемонстрировал весьма неудобную попытку совместить несовместимое: принцип контроля ромейской центральной власти с некими «самостийными» местными общинными реалиями типичного провинциального ромейского города. При этом сам факт сквозной политической «управленческой карьеры» Херсона от ромейского дуката VI—VII вв. через архонтию VIII в. к стратегии IX—X вв. с турмархатом и катепанатом в XI в. убедительнейшим образом свидетельствует об отсутствии такого особого статуса у здешней городской общины.

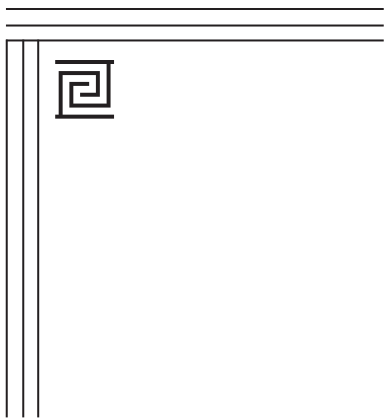
Абсурдность противоположных выводов состоит уже в том, что, если следовать выкладкам Н. И. Храпунова, получается, что «...информации об участии представителей городских общин в управлении гораздо больше для X—XI вв., чем для VIII—IX вв.» [4, с. 129]. Можно понять, что с этим согласен и Н. А. Алексеенко, тоже отметивший, что в X в. Империя ромеев осуществляла «широкую практику привлечения к управлению представителей местных аристократических кругов», которых он, как уже говорилось, называет «внетабельными чиновниками», хотя это все равно были управленцы с имперскими санами [3, с. 10]. Выходит, Византия эволюционировала от принципов централизованной монархии к управлению руками городской знати, городских общин! Можно лишь вообразить, какое удивление это вызвало бы у самой местной аристократии и остальных ромеев, не знавших коммунальных свобод и движений, если бы им поведали подобные откровения некоторых современных исследователей.

Литература

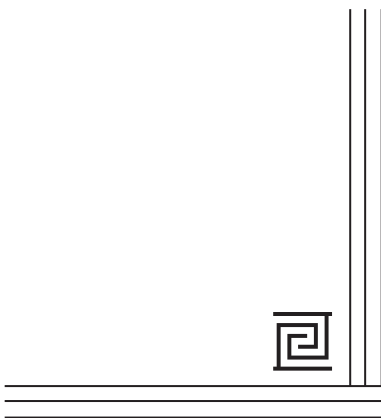
1. Алексеенко Н. А. Имперская администрация Херсона: от архонтии до катепаната (по данным сфрагистики) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. — М., 2016.
2. Сорочан С. Б., Смычков К. Д. Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // Проблемы истории, филологии и культуры. — М.; Магнитогорск, 2006. — Вып. 16 / 1.

3. *Алексеевко Н. А.* Византийский Херсон: Империя и полис по данным сфрагистики // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия / Под ред. М. В. Грацианского, П. В. Кузенкова. — М.; Белгород, 2016.
4. *Храпунов Н. И.* К вопросу о роли городской общины в управлении византийским Херсоном в VIII—XI вв. // АДСВ. — 2014. — Вып. 42.
5. *Сорочан С. Б.* Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. — 2003. — Т. 62 (87).





ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ



Б. М. Боднарюк (Чернівці)

Особливості християнізації Шотландії в епоху Ранняго Середньовіччя

Християнське місіонерство й християнське просвітництво на терені ранньосередньовічної Шотландії — тема, котра ще залишається достатньо актуальною в наш час через порівняно незначну наукову розробку як у XIX, та і в XX ст. Лише на межі XX—XXI ст. у першу чергу британські (шотландські та англійські) історики реалізували низку проектів, пов'язаних з вивченням панівних політичних і культурно-релігійних процесів, що для автохтонного населення архіпелагу — кельтів, бриттів, піктів, валлійців, гелів, з одного боку протягом V—VII ст. мали синтезно-цивілізаційний характер, з іншого — демонстрували наявність трансформаційних і одночасно адаптаційних тенденцій, орієнтованих на архетипні взірці кельтської інсularної культури означеної епохи.

У державотворчому плані схема, запропонована на початку 90-х рр. минулого століття К. Стрінгером, дозволяє розглядати територіальні структури Шотландії V—VI ст. як сукупність *гетерогенного центру*, що інтенсивно розвивається, максимально підданого культурним асиміляціям, і відносно стабільних, з точки зору збереження усталених локальних традицій, *периферійних утворень* [1, с. 87–89]. На цьому історичному тлі факти апостолізації місцевих племен й племінних утворень — бригантів, селговів, новантів, вотадинів, дамоніїв — значною мірою відіграли культуртрегерську роль. У виділеному сенсі феномен Кельтської Церкви, як і засади місіонерсько-просвітницької діяльності її святителів, пояснюється незвичністю середовища. З часів євангельської проповіді християнство — міська релігія у I—IV ст. — було добровільно прийняте протягом V—VI ст. у регіоні, де міст, за континентальними мірками, не існувало взагалі [2, с. 112].

Сучасний дослідник протоієрей Олександр Шабанов зазначає, що на «Зеленому острові» в ту епоху дійсно існували канонічні й еклезіологічні «проблеми», як, зрештою, «і повсюдно, де національна домінанта виразно про себе заявляла. Кельти-місіонери мандрували, але не підкорювали. Надихували, проте не вдавалися до насильницького переконання. Вони були дисциплінованими кліриками, однак слабкими адміністраторами. Створювали більше поезії, ніж схоластичної теології. Свв. Коламба, Давид, Колумбан фундаторами нового руху чи «тубільних» церков не ставали. В них не виявлялося почуття приналежності до окремої конфесії, яку у більшості христия-

ян в наш час. Вони належали до тієї епохи, коли Церква мислилась в універсальних термінах, а не як серія національних об'єднань. Кельтські святі стали частиною європейського мейнстріма і не відрізнялись у корені від інших святих. Вони поділяли апостольську віру Сходу та Заходу, але переважно дотримувались традицій східного аскетизму» [3, с. 10].

Переходячи до характеристики доби і висвітлення витоків та передумов формування ранньошотландського християнського просвітництва, можна констатувати: виділений період припадає на «золотий вік кельтської святості». Дійсно, V—VII ст. виявились добою, коли святість і місіонерство у Британії перетворились на поширену (і шановану) чоловічу «професію». Одним з найбільш яскравих її представників став Просвітитель Шотландії Св. Коламба, про якого відомий історик Дж. Бредлі написав: «Він як історична особистість виділяється на тлі своїх соратників у святості так, що останні немов тіні рухаються в країні сутінок» [4, с. 6].

Самі по собі поняття «Кельтська Церква» і «кельтське християнство» невід'ємні від «віку святих». Ця епоха розпочалась у першій половині V ст. з прибуття до Ірландії Св. Патріка (390–460), тривала до середини VII ст. і завершилась 651 р. разом зі смертю Св. Айдана Ліндісфарнського (600–651). Тодішні подвижники нерозділеної Вселенської Церкви, які любили та добре знали православний Схід, поєднали місіонерський порив, духовну культуру і євангельську віру у виняткових пропорціях. Святі Сиаран з Клонмакнойза, Фіндбар з Корка, Кевін з Глендалока, Бригіта Кілдарська, Брендан Клонфертський, Колумбан Молодший, Давид Уельський, Коламба Айонський, сотні інших проповідників створювали свій унікальний християнський світ [3, с. 57–58]. Одночасно потрібно пам'ятати, що для ранньосередньовічного західноєвропейського соціуму «співдружність святих» залишалась живою реальністю, а не просто дидактичним фактом. Святі були присутні поруч, і вони діяли, наочно демонструючи подвиг спокутуючої аскези [5, с. 37].

Існує ще один важливий чинник, який симптоматично — в межах мотиваційних пріоритетів — сприяв становленню пікто-шотландської місіонерсько-просвітницької традиції, це — паломницька практика. Джерелом, де зберігаються свідчення про неї, є трактат Адомнана «Про святі місця». Автор намагався бути точним і лаконічним. Талант документаліста й майстерність проповідника тут вдало поєднались з яскравою образністю викладу. Західна Церква була вражена, коли у першій половині VIII ст. повсюдно (в межах латинського світу) почали поширюватись копії цього манускрипту. Книга виявилась унікальною. Свою увагу їй приділив і Беда Досточтимий у розповіді про галльського єпископа Аркульфа [6, Гл. 15–17].

Св. Адомнан (624–704), який жив на віддаленому шотландському острові, осторонь від торгівельних шляхів та великих доріг, схоже вірив, що, йдучи слідом за розповіддю Аркульфа, роблячи свої записи, розмірковуючи

й співпереживаючи випадковому гостеві, він теж здійснює свого роду паломництво до Святих Місць. З його твору видно, що абата завжди хвилював зв'язок між Айоною і рештою християнського світу [7, с. 164]. Таким чином, книга зближувала центр «коламбівської церкви» з біблійною землею, а «Житіє Св. Коламби» підкреслювало наступництво між справами фундатора общини і подвигами пророків, апостолів та самого Спасителя.

Перші свідчення щодо присутності християн на півночі Англії й півдня Шотландії пов'язані з перебуванням римських легіонів на Адріановому валу. Як відомо, в IV ст. християнство було поширене в римській армії у Британії на достатньо високому рівні. Імператори-узурпатори Магн Максим (383–388) та Константин III (407–409), які командували залогами, що захищали вал, самі були християнами [8, с. 279]. Тому предмети, які свідчать про присутність римлян-християн на північних кордонах Британії, виявляються в місцях дислокації римських військ. За даними археології, очевидно є присутність християн і в римських міських поселеннях півночі: так, в Еборакумі на середину IV ст. вже був свій єпископ [8, с. 279].

Знахідки з рову у Трапрейн Лоу свідчать, що вотадини були знайомі з існуванням християнства, хоча, на думку С. Фьодорова й О. Паламарчука, зробити висновки про те, яким чином предмети з християнською символікою були ними придбані або як використовувались, неможливо [9, с. 110]. У свою чергу в піктській поемі «Y Gododdin» трапляються описи елементів християнського культу: герої приймають Причастя, покладають золото на вівтар, вояки здійснюють покаєння у церкві [10, с. 87]. На території новантів, у Галлоуей, збереглася значна кількість кам'яних плит — як надмогильних, так і вотивних — з написами, які свідчать про сповідання християнства їх творцями [11, с. 144].

Найбільш ранній напис, зроблений на «камені Латина», був виявлений неподалік Уїторна й відноситься до другої половини V ст.; він починається цитатою з гімну «Te Deum». Ще одна надмогильна плита кінця V ст. вказує на поховання двох «великих та благочестивих єпископів, Вівенція й Маворія» [8, с. 284]. Напис, датований початком VI ст., знайдений так само поблизу Уїторна, фіксує: «Місце апостола Петра», що може бути інтерпретовано як декларація зв'язку померлого з Апостольським престолом [9, с. 111]. В долині Туїда у 60-х рр. XX ст. англійські археологи знайшли декілька поховань, датування яких визначається майже на 20 років пізніше за артефакти з Галлоуея. Піктські кладовища VI—VII ст. свідчать про існування християнських общин у районі Сент-Ендрюса й Данді в той період [9, с. 111].

З поселенням Уїторн пов'язана також діяльність першого з великих місіонерів Шотландії — Св. Нініана (360–432). Поширена у фаховій літературі версія відносно двох послідовних місій до піктського населення, першу з яких, до південних піктів, здійснив Св. Нініан, а другу, до північних, —

Св. Коламба, бере свій початок в «Історії» Беди Досточтимого. Проте, ситуація зі Св. Нініаном виглядає дещо складнішою. Згідно зі справедливим зауваженням Е. Томсона [12, с. 19–20], який співставив обставини місії Нініана з діяльністю інших нечисленних єпископів-місіонерів, котрі проповідували за римським лімесом — перш за все Св. Ульфїли (360–430), хрестителя готів, і Фруменція Аксумського (Ефіопського), — єпископ може бути висвячений лише для очолення й окормлення вже існуючої общини, а не з метою навернення племен, незнайомих з християнством. Свідчення Беди підтверджують такий погляд на місію Нініана.

Література

1. *Stringer R.* Periphery and Core in Thirteenth Century Scotland: Alan, Son of Roland, Lord Galloway and Constable of Scotland // *Medieval Scotland: Crown, Lordship and Community*. — Edinburgh, 1993.
2. *Мейендорф И. о.* История Церкви и восточно-христианская мистика / Сост. и общ. ред. И. В. Мамаладзе. — М., 2000.
3. *Гильда Премудрый.* О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды. — СПб., 2003.
4. *Bradley J.* Celtic Christianity: Making Myths and Chasing Dreams. — Edinburgh, 1999.
5. *Hardinge L.* The Celtic Church in Britain. — L., 1995.
6. *Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англвов. — СПб., 2001.
7. *Meehan D.* Adamnans De Locis Sanctis. — Dublin, 1983.
8. *Thomas Ch.* Christianity in Roman Britain to A. D. 500. — Berkley; Los Angeles, 1981.
9. *Фёдоров С. Е., Паламарчук А. А.* Средневековая Шотландия. — СПб., 2014.
10. *Smyth A.* Warlords and Holy Men: Scotland A.D. 80–1000. — Edinburgh, 1989.
11. *Hudson B.* Kings and Church in Early Scotland // *The Scottish Historical Review*, 1994. — Vol. 73. — № 196. — Part 2.
12. *Thomson E. A.* The Origin of Christianity in Scotland // *The Scottish Historical Review*, 1958. — Vol. 37.



Л. В. Ващук (Київ)

Фреска «Королівський слон» у галереї Франциска I Валуа: символіка та алегорія образів

Франциск I Валуа заслужено увійшов в історію ранньомодерної Франції як «батько французького Ренесансу». Проте його увага до образотворчого мистецтва була спричинена не лише прагненням естетичного задоволення. В умовах постсередньовічних суспільно-політичних трансформацій мистецтво стало ефективним інструментом пропагандистської діяльності короля, через що монарх був безпосередньо зацікавлений у його розвитку. З цього приводу вдало висловився дослідник А. Шастель, зауваживши, що Ренесанс у Франції — це прямий наслідок дій королівської влади [1, р. 85].

Завдяки синергетичному зв'язку ренесансного мистецтва та корони Франциск зумів утілити в життя концепцію сильної монаршої влади, що знайшла яскравий вияв у фресках галереї палацу Фонтенбло, над розписом якої у 1534–1539 рр. працювали Россо Фйорентіно і Франческо Приматіччо.

Слід зазначити, що фрески галереї вирізняються складністю сюжетів і алегоричністю образів. Зупинимось детально на семантиці образів фрески «Королівський слон», яка в алегоричній формі виражає ідею могутності французької монархії та правлячого суверена [2, р. 22, 36].

У центрі фрески «Королівський слон», написаної на основі образів давньоримської міфології, Россо зобразив могутнього слона. Образ слона був обраний художником не випадково, адже традиційно він вважався втіленням сили, мудрості і, водночас, стриманості. В стародавньому Римі слони брали участь у тріумфальних процесіях та святкуваннях військових перемог. Тема тріумфу античних героїв була досить популярною у ренесансній іконографії [3, р. 202]. Проте у цьому алегоричному сюжеті вона набула особливого значення: звучить натяк на Франциска I, який на момент створення галереї утвердився серед сучасників в образі «славетного» та «тріумфуючого Цезаря» [4].

Задля підтвердження цієї думки слід проаналізувати образи та символи фрески. Так, центральною фігурою твору є Королівський слон. На голові екзотичної тварини міститься прикраса із зображенням емблеми Франциска I — саламандри у полум'ї. Її розміщення безпосередньо на голові слона вказує на алегоричне зображення самого монарха. Крім цього, спину і тулуб слона вкриває розкішна попона. Ближче до низу її декорує велика літера «F», що означає ім'я монарха — «Franciscus».

Саме ж полотнище попусти всіяне золотими королівськими ліліями на синьому фоні. Зображення на цій фресці золотих лілій на синьому тлі теж

не є випадковим, а вказує на королівський герб Франції [5, с. 10]. Цей факт наводить на два висновки. Перший — звернення до давньоримського сюжету та зображення носія королівського герба (слона/короля) має на меті продемонструвати тяглість правлячої династії Валуа з часів Римської імперії. Подібні алегоричні паралелі присутні не лише у живописі, а й у тогочасній літературі, що можна пояснити претензіями Франциска І на імператорський престол, які залишилися нереалізованими після його поразки у 1519 р. у виборах імператора Священної Римської імперії.

Другий висновок пов'язаний із королівським гербом, важливим елементом якого є геральдична лілія — квітка Богородиці [5, с. 103], що символізує сакральну природу влади короля. Французький медієвіст М. Пастуро стверджує, що лілії на гербі є своєрідним космічним візерунком, а також частиною королівської пропаганди. Золоті лілії, кількість яких не фіксована, розсіяні на усій площині синього фону в певному порядку. Це і є, переконує Пастуро, космічний візерунок, що спрямовує думку глядача на аналогію із зоряним небом та засвідчує божественну природу монаршої влади. Королівський герб наче демонструє міцний зв'язок між Небесним Царем та королем Франції [5, с. 108–109].

Також слід зауважити, що у Франції під час здійснення церемонії коронації монарха покривали мантиєю, усіяною тими ж королівськими ліліями. У такий спосіб він здобував покровительство небесної цариці. Так само й королівський слон, прикрашений ліліями, перебуває під захистом небесних сил. Художник, вдавшись до алегоричного образу Франциска І, вказує на сакральне походження його влади.

Звернемо увагу на ще один цікавий момент. Образ слона уособлює королівську велич. Слон/ Франциск домінує над двома римськими богами Нептуном і Юпітером, які кинули свої блискавки та тризуб під ноги. Безсмертні боги стоять, опутивши голови перед могутністю французької корони. Позаду слона зображений бог підземного царства Аїд, біля ніг якого біжить триголовий пес — сторож пекла Цербер. Їх розміщення саме там не можна трактувати як випадковість. Вони стоять насторожі, наче оберігаючи королівського слона від усього злого, а можливо і від самої смерті [6, р. 77].

Ще однією алегорією Россо є зображення на передньому плані, біля ніг слона, білого лелеки. Ця птаха символізує любов і синівське благочестя та вказує на міцний емоційний зв'язок Франциска І з його матір'ю, Луїзою Савойською, яка померла в 1531 р. [6, р. 77]. Водночас Россо зобразив реальну ситуацію з життя короля: Луїза завжди була поряд із сином, як у найуспішніші миті його життя, так під час політичних труднощів.

Насичена багатьма образами фреска «Королівський слон» поміщена в золоту раму і прикрашена боковими панелями. Зверху рами міститься барельєф — палаюча саламандра, виконана у кольорі золота. По боках Россо розмістив ще дві фрески на давньоримські сюжети, значно менші за розмірами. Одна розповідає про викрадення богом Сатурном, у подібі білого жеребця,

німфи Філіри. На іншій панелі постає сцена викрадення Європи Юпітером у подобі бика. Всі ці елементи доповнюють основний смисловий посил художника, натякаючи на тяглість коріння королівського роду від Римської імперії, та складають єдину композицію.

Дослідниця Н. Веденеєва вказала на головну особливість побудови композицій галереї Франциска I, яка полягає у гармонійній цілісності усього комплексу фрескового розпису: різні сюжети взаємно роз'яснюють та доповнюють один одного, несучи головний меседж — возвеличення короля. Досліджуючи алегорію та емблематику у французькій гравюрі XVI ст., вона також звернула увагу на певний взаємозв'язок між емблемами гравюр та фресками галереї Франциска [7, с. 299–300]. Подібне судження щодо цього висловив і сучасний дослідник Г. Цернер. Він, аналізуючи іконографію фресок галереї, зауважив, що емблема, або ж, більш широко, емблематичне мислення інспірувало семантичний лад галереї палацу Фонтенбло [8, р. 89].

В цілому ж кожна із композиційних частин галереї Франциска I, одним елементом якої розглядається й фреска «Королівський слон», є ключем для прочитання загального змісту, що розкриває божественну сутність, силу та авторитет королівської влади. Франциск I зміг уміло використати ренесансне мистецтво як ефективний інструмент політичної пропаганди та конструювання власного позитивного іміджу серед підданців.

Література

1. *Chastel A.* French renaissance art in a European context//The Sixteenth Century Journal. — 1981. — № 4.
2. *Lagerlöf M. R.* Fate, glory, and love in early modern gallery decoration: visualizing supreme power. — Farnham, 2013.
3. *Impelluso L.* Nature and Its Symbols. — Los Angeles, 2004.
4. *Ващук Л.* Образ «тріумфуючого Цезаря», «благородного короля Франциска», за «Щоденником Луїзи Савойської»//Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка: Історія. — К., 2013. — № 4 (117).
5. *Пастуро М.* Символическая история европейского Средневековья. — СПб., 2012.
6. *Beaux Arts: François I^{er}, le choc de la Renaissance.* — P., avril 2015.
7. *Веденеєва Н. О.* Аллегория и эмблематика во французской гравюре XVI века: вопросы взаимодействия//Западная Европа. XVI век: цивилизация, культура, искусство. — М., 2009.
8. *Zerner H.* L'art de la Renaissance en France. L'invention du classicisme. — P., 2002.



С. В. Дьячков (Харьков)

Генуэзская крепость Чембало в османской Балаклаве: свидетельства очевидцев XVI—XVII вв.

Летом 1475 г. после решительного и, очевидно, непродолжительного штурма войска турецкого экспедиционного корпуса Гедик Ахмед-паша захватили генуэзскую крепость Чембало [1, с. 480; 2, с. 215]. Начался османский период (1475–1771) в истории крепости. Как известно, в 1475 г. турки захватили бывшие генуэзские владения в Крыму и земли княжества Феодоро. Свои владения они разделили на три кадылыка: Кефайский, Сугдейский и Мангупский. Во второй половине XVI в. Кефе (генуэзская Кафа) стала резиденцией бейлер-бея [3, с. 116–117]. Крымские ханы династии Гиреев признали вассальную зависимость от Османской империи. Таким образом, крепость Чембало, ранее служившая важным опорным пунктом военно-политического и торгового влияния Лигурийской республики в Северном Причерноморье, оказалась в тылу османских владений, на границе с территорией послушных вассалов. Крепость утратила былое военное значение, за ней закрепилось новое название — Балаклава («рыбное место»), как бы указывающее на новое, мирное назначение великолепной бухты.

Доступные нам письменные источники о жизни бывшей генуэзской крепости в XVI—XVII вв. ограничиваются свидетельствами четырех известных путешественников. Среди них три европейца: Мартин Броневский, Эмиддио Доротелли Д'Асколи, Гийом Левассер де Боплан и турок Эвлия Челеби.

Чембало (Балаклава) упоминается в «Описании Тартарии», составленном в 1578 г. польским шляхтичем Мартином Броневским, который выполнял посольское поручение короля Стефана Батория (1575–1586) к крымскому хану Мехмеду II Гирею (1574–1584). Королевский посланник отдал должное генуэзцам, которые, по его мнению, используя удобное местоположение, построили великолепную крепость и превосходный порт. М. Броневский указывал: «Замки, строения, стены и башни, богато украшенные разными генуэзскими гербами и надписями, разрушены и лежат в обломках. Город населяют немногие греки, евреи и турки; иногда купцы и путешественники, хотя очень редко, посещают его с моря» [4, с. 345]. Мимолетное замечание М. Броневского о редких гостях, посещающих Балаклаву преимущественно с моря, косвенно указывает на то обстоятельство, что город и крепость оказались в стороне от основных сухопутных дорог.

В 1634 г. доминиканский монах Эмиддио Доротелли Д'Асколи сообщает, что некогда многолюдный генуэзский город опустел. По мнению папского резидента, прожившего в Крыму более десяти лет, в Балаклаве периодически живут мастера-корабелы, которые по мере надобности строят галеры и другие суда из местного замечательного строевого леса. Монах свидетельствует, что лес-кругляк из Балаклавы якобы отправляют в египетскую Александрию, а местная глина, разведенная в воде, хорошо очищает от грязи и жира. Основное настроение сообщения монаха сводится к тому, что в забытом Богом «углу Татарии» жизнь теплится лишь благодаря лесу, мыльному камню и благоприятному климату [5, с. 120–121].

Французский военный инженер Гийом Левассер де Боплан (1595–1673) находившийся на службе у польской короны, пользовался покровительством магната Станислава Конецпольского. В Крыму он никогда не был. Информацию о полуострове для своего «Описания Украины» Боплан извлекал, вероятно, из рассказов казаков, либо записок участников доминиканской миссии. Сведения Боплана о Балаклаве напоминают разведывательное донесение и посвящены исключительно особенностям гавани и порта: «Протяженность входа в порт — около 40 шагов, сам порт — около 800 шагов в длину и 450 в ширину. Я не смог узнать, ни какова его глубина, ни каково дно: песчаное ли, илистое или скалистое, но, по-видимому, [глубина] превышает 15 футов, так как сюда заходят суда с грузом более 500 бочек. В вышеозначенном городке не больше 120 очагов» [6, с. 209]. Данные, приведенные Бопланом, в целом, достаточно корректны. «Узость» бухты несколько преувеличена — в действительности, в самом узком месте бухта достигает 120 м, а ее общая протяженность вглубь скального массива превышает 1500 м [7, с. 5]. Турецкие источники свидетельствуют, что середине столетия в Балаклаве зафиксировано было 127 домов неверных и 24 дома жителей, исповедующих ислам [8, р. 220].

Следует также учитывать, что европейцы, оставившие информацию о бывшей генуэзской крепости, были должностными лицами, отягощенными государственными или ведомственными интересами. Они воспринимали действительность через призму достигшего апогея в конце XVI — первой половине XVII вв. глобального противостояния мусульманской Османии и христианской Европы. Забытая и заброшенная генуэзская крепость в этом противостоянии не представляла для сторон какого-либо интереса.

Наиболее полные сведения о крепости Чембало оставил неутомимый турецкий путешественник Эвлия Челеби, побывавший в Крыму в 40-х и 60-х гг. XVII столетия. В «Книге путешествий» содержится интересная, наиболее полная информация о крепости, не лишенная, впрочем, восточной вычурности, и приукрашенная авторскими фантазиями [9, с. 69–73]. Балаклавскую

бухту автор называет «местом спокойным» и «заливом вольной души». С восточной учтивостью Э. Челеби перечисляет должностных лиц, которых в Балаклаве нет. В городе не было шейх-уль-ислама, главы шерифов, начальника сипахиев, предводителя капыкулу, муфтия. Таким образом, путешественник вежливо показывает незначительность Балаклавы среди турецких владений на полуострове. Интересы Порты здесь представляли начальник таможни и комендант крепости [9, с. 69–70].

Путешественник указывает, что в период морской навигации (с весны до осени) донжон цитадели генуэзской крепости турки использовали в качестве маяка, на котором горел светильник с десятью фитилями. На территории крепости работал водопровод, о чем с удивлением сообщает автор, посчитавший, что среди крепостных скал бьет источник. По мнению Э. Челеби, часть территории крепости заселена. Здесь возведены крытые черепицей жилища, которые «друг на друге лепятся к скалам, их окна обращены на север и на запад. Эти дома с окнами небольшие и удобные». При этом он подчеркивает, что «внутри крепости нет и следа рынка или базара, бани или постоянного двора» [9, с. 70–71]. Частично, наблюдения Э. Челеби получили подтверждение материалами раскопок, которые открыли остатки хозяйственных и жилых построек, а также печь и два тандыра на участках А и Б, примыкающих к башне №8 [10, с. 224]. По мнению специалистов, использование тандыров указывает на присутствие среди жителей крепости татар — носителей золотоордынской городской культуры [11, с. 51].

В тексте «Книги», посвященном Балаклаве, встречаются откровенные преувеличения. Например, Эвлия Челеби насчитал в крепости 40 башен (число очень популярное в исламе). Ныне известно о 14 башнях. Он утверждает, что коменданту крепости подчиняются 180 стражников [9, с. 69], хотя даже в лучшие, «генуэзские» времена, гарнизон Чембало составлял отряд в 40 наемников-арбалетчиков [12, § 8, с. 785]. Совершенно фантастической представляется информация о двадцатиорудийной артиллерийской батарее османов, якобы защищавшей крепость [9, с. 73].

Огнестрельная артиллерия появилась в крепости еще при генуэзцах [12, § 16, с. 788]. О том, что на вооружении крепости в XVII в. находились пушки, стрелявшие железными ядрами, свидетельствуют материалы раскопок объектов передовой оборонительной линии [13, с. 76; 14, с. 102]. Бракованные, колотые ядра обитатели крепости использовали для устройства очагов в жилых комплексах [15, с. 56]. Широкое применение огнестрельной артиллерии в конце XV—XVII вв. в корне изменило стратегическое значение Чембало. Отныне для использования крепости по первоначальному назначению понадобились бы значительные работы для перестройки стен, башен и установки тяжелых пушек. В условиях Балаклавы

для оборудования артиллерийской батареи требовалось открытое пространство с широким углом обстрела акватории порта и входа в бухту. В целом, следует отметить, что результаты многолетних археологических работ на территории Чембало, проведенные в XXI в., вносят существенные коррективы в данные письменных источников, что должно стать темой специального исследования.

Во второй половине XVIII в. жизнь на территории крепости Чембало в турецкой Балаклаве замерла. В путевых заметках путешественников и на картинах художников изображаются и упоминаются лишь живописные руины древних оборонительных строений генуэзского периода.

Литература

1. *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. — Симферополь, 2009.
2. *Дьячков С. В.* О метательном оружии гарнизона генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.) // Древности — 2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. — X., 2011.
3. *Иналджик Г.* Османська імперія: класична доба 1300-1600 / Пер. з англ. О. Галенко. — К., 1998.
4. *Описание Крыма (Tartariae descriptio)* Мартына Броневского // ЗООИД. — 1867. — Т. 6.
5. *Описание Черного моря и Татари, составил доминиканец Эмиддио Доротелли Д'Асколи, префект Каффы, Татари и проч., 1634 / Прим. А. Бертье-Делагарда* // ЗООИД. — 1902. — Т. 24.
6. *Боплан Г. Л. де.* Описание Украины. — М., 2004.
7. *Шавшин В. Г.* Балаклава. Исторические очерки. — Симферополь, 2002.
8. *Fisher A.* The Ottoman Crimea in the Mid-Seventeenth Century: Some Problems and Preliminary Considerations // Harvard Ukrainian Studies. — Vol. 3/4. — Part 1, 1979-1980.
9. *Челеби Э.* Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Коммент. и пер. Е. В. Бахревского. — Изд. 2-е испр. — Симферополь, 2008.
10. *Дьячков С. В.* Археологические исследования генуэзской крепости Чембало в 2000–2005 гг. // Древности — 2005. Харьковский историко-археологический ежегодник. — X., 2005.
11. *Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2012–2013 гг. // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. 11. — СПб.; Симферополь, 2014.
12. *Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году / Пер. и коммент. В. Н. Юргевича* // ЗООИД. — 1863. — Т. 5.

13. Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 г. // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. — Вып. 2. — СПб.; Симферополь, 2003.
14. Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008–2009 гг. // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. 8 — СПб.; Симферополь, 2010.
15. Дьячков С. В. «Арсенал» метательных снарядов генуэзской крепости Чембало в Крыму // РА. — 2008. — № 2.



С. А. Кариков (Харьков)

«Княжеская война» и Пассауский договор 1552 г.: от вооруженного противостояния к политическому компромиссу

В процессе лютеранской конфессионализации в Германии важную роль сыграли события конца 40-х — начала 50-х гг. XVI в. В это время, когда после поражения евангелических сил в Шмалькальденской войне католическая группировка активно стремилась восстановить дореформационные порядки, остро встал вопрос не только о дальнейшем развитии лютеранства, но о самой возможности его существования на немецких территориях. Обострение противоречий между враждующими лагерями вывело конфессиональное противостояние в немецком обществе на новый виток.

Император Карл V, рассчитывавший благодаря победе в Шмалькальденской войне вынудить территориальных правителей покориться императорской власти, после завершения военных действий занял предельно жесткую позицию по отношению к протестантам. Его курс получил название «политики Аугсбургского интерима» (временного положения, регулировавшего религиозные вопросы, провозглашенного в 1548 г.).

Объективно политика Карла V была направлена на подчинение территориальных князей и магистратов вольных городов имперским властям. Однако Аугсбургский рейхстаг 1547–1548 гг. уменьшил шансы на реализацию плана относительно союзного договора между имперскими чинами: переговоры в куриях рейхстага засвидетельствовали, что осуществление этой идеи оказалось под вопросом. Последующие события показали, что оппозиция императору среди территориальных государей не ослабилась, но, напротив, и усилилась. Действия Карла V вызвали недовольство как протестантских, так и католических князей, усматривавших в политике императора посягательство на их территориальный суверенитет [1, с. 60–61].

Отмеченное недовольство германских правителей отчетливо проявилось на рейхстаге, вновь созванном в Аугсбурге и открывшемся в июле 1550 г. В его заседаниях не принимали участия влиятельные территориальные князья — в частности, курфюрсты Мориц Саксонский и Иоахим Бранденбургский. Хотя в заключительном постановлении рейхстага (13 февраля 1551 г.) было отражено подчинение протестантов императору, выразившееся в согласии послать представителей на всегерманский церковный собор, фактически их негативное отношение к подобной перспективе сохранилось [2, с. 330].

В этой ситуации постепенно начало складываться объединение евангелических сил, стремившихся сохранить завоевания Реформации и в то же время — не допустить утраты своих суверенных прав. Уже в феврале 1550 г. евангелические князья северо-восточной Германии (Ганс Кюстринский, Альбрехт Прусский, Франц-Отто Люнебургский, Иоганн Альбрехт Бранденбургский) заключили оборонительный Кёнигсбергский союз, предусматривавший защиту достижений Реформации во владениях упомянутых правителей [3, S. 154]. С учетом недостаточности собственных сил, важной задачей евангелической группировки стало расширение антиимперской коалиции, что обусловило поиск внешней поддержки (в частности, обращение к королям Польши и Дании). Наряду с князьями против реставрации католицизма выступило население ряда северогерманских городов (Гамбурга, Брауншвейга, Люнебурга) [2, с. 339].

Особую позицию в разворачивающемся конфликте занял курфюрст Мориц Саксонский. Сложность его положения определялась утратой доверия со стороны евангелической группировки, не забывшей о переходе Морица на сторону императора во время Шмалькальденской войны, и одновременно — нежеланием утраты суверенных прав вследствие проведения «политики Аугсбургского интерима». В этих условиях саксонский курфюрст начал лавирование между враждующими силами: внешне сохраняя приверженность курсу Карла V, он одновременно начал готовить почву для восстановления союза с лютеранскими князьями. В частности, на встречах с маркграфом Альбрехтом Прусским и курфюрстом Иоахимом Бранденбургским Мориц поднял вопрос об освобождении из императорского плена своего тестя — ландграфа Филиппа Гессенского. Это требование встретило живой отклик со стороны территориальных правителей, недовольных обращением императора с арестованным ландграфом [2, с. 341].

В то же время Мориц повел активные действия на международной арене, стремясь воспрепятствовать восстановлению на саксонском престоле курфюрста Иоганна Фридриха. Для этого он обратился к Франции — на тот момент единственной европейской державе, способной конкурировать с империей Габсбургов. Идея союза между немецкими князьями и французским престолом была не нова, но религиозные и национальные противоречия ранее осложняли ее реализацию. Курфюрст Мориц и французский монарх Генрих II оказались более открытыми для уступок, чем их предшественники: в их глазах различие вероисповеданий не было существенным препятствием для заключения политического союза [4, S. 114].

Король Франции, заинтересованный в ослаблении позиций Карла V, благосклонно отнесся к перспективе сотрудничества с евангелическими силами. Тем не менее, переговоры были достаточно непростыми и приняли затяжной характер, обусловленный сложностью вопроса о размере финансирования

выступления. Их итогом стал договор в Шамборе 15 января 1552 г., предусматривавший предоставление Генрихом II 100 тыс. крон на организацию выступления и дальнейшую передачу 70 тыс. крон ежемесячно на протяжении всего периода боевых действий. Заинтересованность в этих затратах определялась предусмотренной договором передачей под скипетр французского монарха лотарингских крепостей Камбрэ, Туль, Мец и Верден [4, S. 115]. Под лозунгом «мести за немецкую свободу» король Франции предоставил в поддержку княжеской коалиции 35 тыс. солдат, направленных в Лотарингию [5, S. 256].

Княжеская группировка еще до начала военных действий подготовила манифест, в котором были сформулированы задачи выступления и представлено их правовое обоснование. К. Бранди, полемизируя с исследователями, считавшими цели восставших далекими от вопросов религии, отмечает, что Аугсбургский интерим возвратил последние в ряд основных интересов территориальных князей [5, S. 256]. Наряду с этим декларировалось освобождение от «испанского засилья», превратившего германские земли в сервитуты Габсбургов [4, S. 116]. Тем самым князья избавлялись от обвинений в измене национальным интересам — происпански настроенный Карл V отнюдь не выглядел защитником Германии в глазах патриотических сил.

Ход «княжеской войны» 1552 г. в значительной степени был связан с деятельностью курфюрста Морица Саксонского. Его войска, выступив 17 марта из Лейпцига, через Тюрингский лес направились во Франконию. В начале апреля они достигли Аугсбурга — одного из самых мощных имперских городов, который после трехдневных переговоров был сдан без боя. Это событие значительно улучшило возможности княжеской группировки для ведения переговоров с императором с позиции силы [4, S. 116].

Заняв ряд важных населенных пунктов в южногерманских землях, войска Морица смогли продвинуться в австрийские провинции, овладев стратегической инициативой. Вследствие быстрого наступления саксонских войск Карл V был вынужден отступить в Тироль, чтобы не попасть в плен. Затем, когда отряды Морица 19 мая 1552 г. вошли в Тироль, а 23 мая заняли Инсбрук, император выехал в Виллах [5, S. 258]. Эти события ознаменовали завершение конфликта победой княжеской группировки.

В июне 1552 г. в баварском городе Пассау начались переговоры между протестантскими и католическими территориальными правителями. Король Фердинанд и курфюрст Мориц были заинтересованы в успехе этих переговоров. Прочный мир в империи мог быть достигнут только благодаря правовому компромиссному решению религиозного вопроса. Тем самым король мог ожидать эффективной помощи против турок-османов, поскольку Мориц был единственным гарантом обеспечения поддержки со стороны протестантских имперских правителей [4, S. 118].

Пассауский договор, подписанный в августе 1552 г., отменял Аугсбургский интерим и признавал лютеранство [6, с. 234]. Предложенное на переговорах в Пассау решение вопроса о религии, основанное на принципе ненасилия и взаимном признании вероисповеданий, ориентировалось на постоянный мир. Свобода вероисповедания должна была стать постоянной основой религиозного урегулирования.

Мирный договор также предусматривал освобождение из императорского плена ландграфа Филиппа Гессенского [7, S. 53]. В то же время этот документ закладывал основы для дальнейшего урегулирования конфессионально-политической ситуации в Священной Римской империи, ограничивая секуляризацию церковного имущества и фиксируя новое устройство имперского камерального суда [3, S. 155]. На наш взгляд, договор в Пассау справедливо рассматривать как своеобразное предисловие к будущему Аугсбургскому религиозному миру 1555 г.

Таким образом, «княжеская война» и Пассауский договор принципиально изменили расстановку политических сил в Священной Римской империи. Евангелические силы смогли восстановить влияние, утраченное в результате поражения в Шмалькальденской войне, и воспрепятствовать планам Карла V относительно создания «универсальной монархии».

Литература

1. Ивонин Ю. Е. Карл V Габсбург // Вопросы истории. — 2007. — № 10.
2. Бецольд Ф. фон. История Реформации : В 2 тт. — СПб., 1900. — Т. 2.
3. Hauschild W.-D. Lehrbuch der Kirchen- und Dogmengeschichte. — Gütersloh, 2005. — Bd. 2.
4. Winter C. Sachsen als europäische Großmacht? Moritz von Sachsen als Führer der Opposition gegen Kaiser Karl V // Denkströme. Journal der Sächsischen Akademie der Wissenschaften. — 2010. — H. 4.
5. Brandt K. Reformation und Gegenreformation. — Frankfurt (Main), 1979.
6. История Германии : учеб. пособие для студентов вузов / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. — Кемерово, 2005. — Т. 1.
7. Zur Mühlen K.-H. Reformation und Gegenreformation. — Göttingen, 1999. — Т. 2.



С. А. Ковбасюк (Київ)

«Крихка посудина»: особливості рецепції середньовічної мізогії у Північному гуманізмі

Північний гуманізм, поряд із Реформацією, був одним із найбільших ідейних рухів у країнах по інший бік від Альп. Чи була його основа середньовічною чи античною? Якою насправді була рецепція середньовічних уявлень, як їхне доповнювали звернення до античності та сучасні гуманістам студії і практики? Щоб відповісти на ці питання ми звернемось до аналізу уявлень про жінок та їх місце в суспільстві в епоху Середньовіччя, виділимо основні топоси та розглянемо особливості їх рецепції у творах трьох північних гуманістів — Еразма Роттердамського, Генріха Агріппи та Хуана Луїса Вівеса.

Середньовічна мізогінія мала подвійну основу: у ній поєдналися античні погляди на жіночу природу із іудео-християнськими уявленнями щодо жіночого покликання та місця у соціумі. Серед античних мислителів найбільш впливовим, безперечно, виявився Аристотель [1, р. 38]. «Жінка більш неслухняна, менш щира, імпульсивніша; чоловік же енергійніший, жорстокіший, щиріший і менш хитрий. [...] Через те, що чоловіча природа досконаліша та повніша, тому і якості, перераховані вище, яскравіше проявляються саме в його природі» (Arist., Hist. an., 608b, 1–14).

Основу іудео-християнської традиції мізогії складали, по-перше, Книга Буття з П'ятикнижжя Мойсея і, по-друге, Послання св. Апостола Павла. У Книзі Буття описуються два найбільш важливі моменти для аргументації середньовічних «жінконеависників»: створення Єви після Адама, з його ребра, та Гріхопадіння. Як євреями, так і Отцями Церкви, це інтерпретувалось як свідчення підкореного стану Єви, як створення «помічника» Адаму.

Послання ж св. Апостола Павла закріпило підлегле становище жінки у родині, а також заборону на публічні висловлювання та участь у церковному служінні [2, р. 75]. Так він писав: «Нехай у Церкві мовчать жінки ваші! Бо їм говорити не дозволено, тільки коритись, як каже й Закон» (1Кор 14:34). Менш мізогіністичну, але схожу позицію віднаходимо й у посланнях св. Петра: «Чоловіки, так само живіть разом із дружинами за розумом, як за слабшою жіночою посудиною, і виявляйте їм честь, бо й вони є співпадкоємиці благодаті життя, щоб не спинялися ваші молитви» (1Петр 3:7). І надалі часто буде звучати й апеляція до епітету ап. Петра «слабша», або «крихка» посудина (*infirmiori vasculo*) — так характеризували жінку не

лише протягом епохи Середньовіччя. Цей топос увійде і до гуманістичних, та, згодом, реформаційних творів.

Тертуліан, один із перших видатних теологів латинського світу, писав: «Чи не знаєш ти, що ти Єва? Вирок Господній досі над твоєю статтю та кара Його тяжіє над тобою. Ти — ворота диявола; ти перша, хто переступив заборону їсти плоди з дерева та хто зламав закон Господній... Жінко, ти — ворота до Пекла» [3, р. 118].

Мізогінія, що ствердилась у патристичній літературі, продовжила існувати і за часів розвиненого Середньовіччя [4, р. 3–4]. Синтеза біблійних аргументів з уявленнями Аристотеля спричиняла подібні пасажі Фоми Аквінського: «Що стосується індивідуальної природи, то жінка — дефективна та погано сформована. Активна сила чоловічого сім'я продукує досконалий образ у чоловічої статі, у той час як створення жінки відбувається завдяки дефекту в активній силі чи через тілесні хвороби, або ж як результат зовнішнього впливу...» [5, р. 41].

Наскільки ж середньовічна мізогінія увійшла до уявлень і практик північних гуманістів — Агріппи, Еразма, Вівеса? Вони її сприйняли, переосмислили чи відкинули? Спробуємо відповісти, проаналізувавши їх ключові твори відносно «жіночого питання».

Звернемося до доробку «Князя гуманістів» — Еразма Роттердамського (1466–1536). До ролі та місця жінок гуманіст звертається перш за все у численних діалогах зі збірника «Colloquia» («Розмови за просто», 1519–1535). Позиція Еразма була досить гнучка. Так, у діалозі «Абат та освічена жінка» Еразм вустама Магдалії відстоює думку, що жінка має бути мудра, і цій мудрості вона вчиться завдяки читанню Святого Письма та відповідних грецьких і римських авторів [6, р. 376]. Тут гуманіст опиняється в опозиції до середньовічного та сучасного йому духовенства, яке у діалозі репрезентує Абат. Той наголошує, що «Жінки до мудрості не мають жодного стосунку, їх справа — задоволення» [6, р. 376].

Проте набагато менш ліберальним і більш традиційним Еразм був у поглядах на роль жінки як дружини та матері. У діалозі «*Mempsigamos*, або Шлюб» Євлалія навчає свою нещасливу у шлюбі подругу: «Але ж св. Павло вчить, що жінки мають коритися своєму чоловікові з усім смиренням. А св. Петро наводить нам приклад Сарри, яка називала свого чоловіка Авраама паном» [6, р. 244]. Надалі Еразм показує, наскільки позиція Євлалії вірніша і веде до мирного та щасливого подружнього життя.

Одним із найбільш оригінальних творів, присвячених аналізу природи та соціальної ролі жіноцтва, стала «Промова про гідність та вищість жінок» (1509, опубл. 1529) Генріха Агріппи Неттесгеймського (1486–1535), теолога, медика, алхіміка та гуманіста. Саме в його «Промові» проявилась найбільш оригінальна рецепція середньовічної та, опосередковано, античної мізогії.

Агриппа, добре знаючись на існуючих топосах мізогінії, ніби віддзеркалює аргументи, змінюючи їх з негативних на позитивні.

По-перше, Агриппа стає в опозицію до середньовічних екзегетів, які, ґрунтуючись на тому, що Адама було створено першим, говорили про його вищість. Гуманіст стверджує, що можна відзначити неухильне ускладнення Божого творіння з кожним днем — від мінералів до людини. Слідуючи такий логіці, жінка виявляється вищою над чоловіком — її ж було створено останньою і вона, отже, є вінцем усього творіння [7, р. 47]. По-друге, гуманіст на слова Тертулліана про те, що через непослух Єви кожна жінка має тепер все життя проводити у каятті та розкаянні [3, р. 117], стверджує: «Всі ми згрішили через Адама, а не через Єву» [7, р. 62]. Що стає головним аргументом? «Бог-бо забажав, щоб [первородний] гріх був викуплений через ту ж стать, яка згрішила» [7, р. 63].

Хуан Луїс Вівес (1493–1540) не відмовляється від спадку ранньої патристики — творів Августина, Тертулліана, Кипріяна, Амвросія тощо. Їх мізогіністичні пасажі звучать особливо відчутно у рекомендаціях Вівеса щодо дошлюбного життя дівчат: збереження цноти, користування косметикою та прикрасами [8, р. 94–95].

Власне гуманістичний ідеал проявляється в позиції Вівеса щодо освіти для жінки, бо «Навчання [...] формує наш характер та робить нас кращими» [8, р. 64]. Далі гуманіст перераховує книжки, за якими слідувало б навчатися бажаній для жінок «мудрості»: «Євангелія, Діяння та Послання Апостолів, історичні та моральні книги зі Старого Заповіту, Кипріан, Ієронім, Августин, Амвросій (Медіоланський), Хризостом, Хіларій, Григорій, Боецій, Фулгенцій, Тертулліан, Платон, Цицерон, Сенека та подібні до них автори» [8, р. 78]. Вочевидь, Вівес розумів, який ефект мало справити на жінку читання патристики: «Вона завжди пам'ятатиме та матиме на увазі, що, і не без причини, Святий Павло заборонив жінкам навчати та висловлюватися у церкві, мають-бо вони коритися чоловікам та мовчки вчитися тому, що личить їм знати» [8, р. 78].

Підсумовуючи, зазначимо, що Еразм слідував подвійній логіці: жінка як людина мала розвиватися завдяки читанню відповідних книг, набуваючи при цьому мудрості; жінка ж як дружина має коритися чоловіку, який є головою родини — у повній відповідності зі Старим Заповітом та Посланнями апостолів. Агриппа повністю відкидав середньовічний спадок, наполягаючи на гідності та вищості жінки над чоловіком у всіх сферах. Хуан Луїс Вівес, на відміну від Агриппи та Еразма, багато в чому залишався вірним мізогіністичним уявленням античності та Отців Церкви. Єдиною важливою зміною стало уявлення про освіту як основу моральності — це була ключова теза для Північного гуманізму. Саме тому жінкам вже не було відмовлено в освіті, яка, однак, залишалась домашньою і дуже обмеженою за обсягом.

Література

1. *Muravyeva M., Toivo R.* Gender in Late Medieval and Early Modern Europe. — L., 2013.
2. *DeConick A.* Holy Misogyny: Why the Sex and Gender Conflicts in the Early Church Still Matter. — N. Y., 2011.
3. *Tertullian.* Disciplinary, Moral and Ascetical Works. — Washington D. C., 2008.
4. *Block R. H.* Medieval Misogyny and the Invention of Western Romantic Love. — Chicago; L., 2009.
5. *Delaney J., Lupton M. J., Toth E.* The Curse: A Cultural History of Menstruation. — Chicago, 1988.
6. *Desiderius Erasmus.* The Colloquies of Erasmus. Translated by Nathan Bailey. Vol. I. — L., 1878.
7. *Agrippa H. C.* Declamation on the Nobility and Preeminence of the Female Sex. — Chicago, 2007.
8. *Vives J. L.* The Education of a Christian Woman: A Sixteenth century Manual. — Chicago, 2007.



А. Г. Плешивенко (Запорожье)

Русь и печенеги в степях Нижнего Поднепровья¹

О тношения печенегов с Русью были многогранными, прошли несколько этапов от откровенной вражды до умеренного сотрудничества, характеризующегося проведением совместных боевых действий, активной торговлей и дипломатией.

Летопись сохранила известия о 12 военных конфликтах между сторонами. Даже, если предположить, что какая-то часть печенежских вторжений на Русь и русских походов в степь не попала в поле зрения русских летописцев, то и тогда невозможно представить полутора столетнюю историю русско-печенежских отношений как сплошное военное противостояние. Свидетельством заинтересованности печенегов в мирных отношениях со своими соседями, в том числе и с Русью, может быть сообщение К. Багрянородного о торговых связях с Херсонесом [1, с. 41]. Среди товаров, которые печенеги поставляли в Херсон называются шкуры и воск, который печенеги приобретали у руссов, взамен отправляли быков, коней, овец. Но обмен-торговля этим не ограничивался. Не имея постоянных поселений и даже временных стойбищ, вечно кочуя по степи в повозках и на лошадях, печенеги нуждались в жизненно необходимых продуктах земледельцев-соседей, изделиях ремесленных мастерских.

Источником информации о мирном сосуществовании и взаимовлиянии в этнокультурной, хозяйственно-бытовой, социально-экономической сферах служат археологические источники.

Самое значительное поселение открыто на о. Хортица. Исследователи отождествляют его с летописным «Протолче на Хортичем острови», что лежит на водном пути из «варяг в греки» [2, стб. 253]. Первое упоминание в летописях относится к началу XII в., но археологический материал свидетельствует о появлении поселения уже в VIII в. Поселение многослойное, площадью до 20 га. На основе археологического материала можно говорить о его длительном существовании вплоть до XIV в. Самым ранним оказалось жилище шатрового типа. К периоду X—XI вв. относится полуземлянки прямоугольные, обустроенные входом-ступенькой и печками-каменками. Материалы

¹ Эта работа представляет собой сокращенный вариант лекции, прочитанной мною на Международной научной конференции «Русь и мир кочевников (вторая половина IX—XVI столетия)», организованной Западно-чешским университетом (г. Пльзень) и Ягеллонским университетом (г. Краков) в ноябре 2016 г.

заполнения свидетельствуют о том, что жители занимались гончарством, обработкой кож, прядением, ткачеством, земледелием, кузнечным делом, литьем из цветных металлов [3, с. 373; 4, с. 348]. Географическое расположение подсказывает и другие виды деятельности: рыболовство, лодочный перевоз, лоцманство. Это место устойчивых контактов славян с кочевническим миром, на что указывают открытые захоронения с погребальным обрядом характерным для кочевых племен. Исследователи определяют памятник как славянский с незначительным присутствием степных элементов [5, с. 51].

Главным назначением этого островного поселения, своеобразной военно-торговой базы было обеспечение огромного числа, прибывающих сюда дружинников, купцов, представителей дипломатических миссий, направляющихся на своих лодях с дарами-данью то ли в Царьград, то ли в стольный Киев. Среди товаров руссов были славянские пряности: горчица и хрен, пользующиеся большим спросом на любом рынке. Тарой для их перевозки служили амфоры-корчаги. На корчаге, вымытой из берегового обрыва северней Протолчего, есть надпись «хрон» или «хрен». Емкость амфоры около 11 литров. находка датируется XI в. [6, с. 220].

Важным стратегическим грузом было оружие. В результате совместных походов и военных столкновений русских дружин с печенегами руссами были заимствованы тактика конного боя и соответствующее вооружение. Ассортимент оружия и конского снаряжения расширился восточными саблями, пиками, стрелами, удилами, уздой. Поначалу это были трофеи, полученные в бою или в результате купли-обмена или в качестве дара. Спрос был велик и уже в конце X — начале XI вв. русские мастера-оружейники не только освоили собственное производство, но усовершенствовали его [7, с. 141]. Русские суда перевозили отечественное и европейское оружие. В 1928 г. со дна Днепра, вблизи Хортицы поднято пять мечей. На трех клинках латинскими буквами выбито «ULEBERHT» — Ульфберт — это имя оружейника, изготавливавшего мечи. Мастерская появилась в середине X в. на среднем Рейне и просуществовала почти 200 лет. Клинков с клеймом мастерской Ульфберта известно 15. Они датируются X—XI вв. [8, с. 598].

В летописях перечисляются некоторые походы, а значит и остановки на Хортице, флотилий руссов. В 860 г. через пороги прошло 200 кораблей. В 907 г. возле острова останавливался флот князя Олега, который состоял из 2000 судов. Около 909–910 гг. 500 судов спустились Днепром. Весной 941 г., преодолев пороги, к Хортице пришел огромный флот князя Игоря количеством 10 000 ладей [2, стб. 21, 26, 33, 742]. Цифры, скорей всего, преувеличены. Но факт развитого судоходства у славян убедительно доказали находки подводной археологической экспедиции Запорожского музея. В русле Старого Днепра, вблизи Протолчего было поднято днище большой ладьи длиной более 10 м. По мнению специалистов, оснащенное мачтой

и парусами, судно могло вмещать до 15 человек и было пригодно для плавания по морю. Радиоуглеродный анализ судна показал дату между 956 и 1036 гг. [9, с. 174].

О том, что древнерусские суда, груженные товарами, бороздили не только реки, но моря служат находки со дна Тонкого залива Азовского моря: 24 амфоры, 17 кувшинов, 3 блюда, 1 чашка, железный четырехрогий якорь и конструкции корабля: шпангоуты, обшивочные доски, кованые гвозди. Главное место в комплексе находок занимала деревянная скульптура — носовое украшение судна. Она изображает голову рогатого животного: спереди похожа на тура, в профиль на лошадь. Общая длина скульптуры 1 м 65 см. Аналогий этой уникальной находке в судовой археологии Восточной Европы нет. Радиоуглеродный анализ скульптуры дал результат: 970–1050 гг. [10, с. 185]. Другие поднятые предметы укладываются в эти хронологические рамки. Находка судна с грузом амфор и прочей посуды на славянском судне в Азовском море наводит на мысль, что товар предназначался печенегам, которые импортировали его из Херсонеса и для доставки в Приазовье арендовали судна руссов с командой гребцов и лоцманом.

К характеристике Протолчего необходимо добавить, что оно изначально было крупным религиозным центром Нижнего Поднепровья. О сакральном значении острова Святого Георгия (Хортицы) имеется мифологический сюжет, изложенный К. Багрянородным. В ходе исследований на о. Каменный, расположенном в 500 м к юго-западу от поселения, выявлено скопление камней со следами копти, окруженное невысокой кладкой. Среди камней найдено более 100 фрагментов костей птиц и рыбы, 50 фрагментов амфор и 15 обломков лепной, посуды [11, с. 108]. Капища такого типа появились у славян в VIII—IX вв. [12, с. 53].

Здесь же был открыт фундамент двустолпной зальной однонефной базилики. Подобный тип храмовой архитектуры бытовал в Причерноморье с IX до XII вв. [13, с. 87]. Ближайшим из них можно признать церковь святого Пророка Ильи в Солнечной долине в Крыму.

Признаки христианизации оседлого населения Нижнего Поднепровья прослеживаются в погребальном обряде грунтовых могильников оседлого степного населения ассимилированного кочевниками, среди которого преобладает славянский компонент. Антропологический анализ могильников подтверждает этот вывод [14, с. 48].

Скудные сведения грунтовых могильников дополняют подкурганные захоронения с более разнообразным инвентарем. Большая часть разрушена распашкой или разграблена. Сохранившиеся преподносятся исследователями тезисно, без иллюстраций как «кочевнические».

И все же них можно выделить те, которые относятся к печенежскому кругу древностей. Таковым является погребение 2 в кургане Орта тубе,

исследованном у с. Волна [15, с. 94]. На печенежскую принадлежность указывают западная ориентация, остатки коня с расчлененными нижними конечностями по второй сустав. Среди находок для хронологического определения большее значение имеют стремяна, удила и скобоподобные кресал. Погребение датируется IX—X вв.

В инвентаре погребения, открытом вблизи с. Кирово, кроме традиционных стремян и удила находились берестяной колчан, срединные накладки на лук, овальные пряжки [16, с. 84]. Использование деревянного перекрытия, захоронение на нем «чучела» взнузданного коня и вещевой комплекс свидетельствует о влиянии огузских погребальных традиций.

Курган, окруженный рвом, у с. Благовешенка сооружен над двумя печенежскими погребениями [17, с. 31]. Погребение 1 ограблено, сохранились серебряная серьга и черешковый наконечник стрелы с ромбовидным пером. Комплекс находок могилы 2 (две лазуритовые подвески ромбической формы, два серебряных височных кольца с напускной дутой биконической нанизкой, усложненной восьмью коническими шишками, часть сабли, кожаный кошелек, рукоятка ногойки), нетрадиционный погребальный обряд, связанный с устройством «поминальной» площадки и сооружением насыпи говорит, что захоронение принадлежит к числу неординарных. В нем отмечается сочетание нескольких культурных традиций. Генетическая память сохранила печенежский погребальный обряд, усложненный присутствием деревянной конструкции торченских (гузких) захоронений, а вещевой набор включает предметы, бытовавшие у тех и других, плюс «аксессуары» половцев. Памятник датирован кон. XI—XII вв. — периодом формирования общего печенежско-гузко-половецкого погребального обряда [18, с. 210].

Большинство богатых печенежских погребений объединяет географическое расположение: прибрежная зона Черного и Азовского морей, удаленность от враждебной Руси, близость к юго-восточноевропейским сбруйным центрам, обслуживающим Русь, Крым и причерноморские степи. Наибольший интерес представляют украшения конской узды из новокаменского кургана, значительно отличающиеся от аналогичной находки из Гаевки. Оба шедевра средневекового художественного ремесла относятся ко второй половине XI в. благодаря находке в гаевском комплексе монеты Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.) [19, с. 243].

Конструктивной особенностью степных курганов Причерноморья являются культовые сооружения. Большинство из них — святилища половецкого времени. Более ранние встречаются крайне редко.

Уникальный памятник такого рода открыт в 1980 г. у с. Черноземное [20, с. 93]. В кургане эпохи бронзы, на дне рва найдены фрагменты средневековых амфор, черепа и кости лошадей, в восточной части обнаружено

9 изваяний. В реконструкции автора раскопок В. В. Отрощенко этот своеобразный алтарь XI в. выстроен в следующем порядке: медведь с раскрытой пастью, волк (?), всадник на верблюде (?), всадник, антропоморфная стела, еще два всадника, медведь в спокойной позе, дикий кабан. Композиционно и семантически этот парад людей и зверей воспроизводит божественный пантеон тюркского населения, что свидетельствует о влиянии тюркских культурных традиций на мировоззрение кочевников степей Нижнего Поднепровья. В экспозиции Запорожского музея можно увидеть каменные изображения льва из кургана 5 могильника Рясные могилы [21, с. 36], медведя и барана из кургана 1 у пгт. Михайловка [22, с. 62]. Еще один изящный, реалистично выполненный кабанчик демонстрируется в Днепропетровском музее. Найден у с. Андреевка. Датируется XI в. [23, кат. № 723, с. 66].

Память о конных тюркоязычных народах хранима топонимами. Для кочевников, переселившихся на новые места, необходимо назвать ее важные точки именами, которыми им положено называться в той традиции, которая сформировалась на прежней территории. Анализ топонимов курганов Запорожской области, обозначенных на карте Екатеринославской и Таврийской губерний Российской империи 1865 г., показал, что славяноязыческие названия сбереглись в северной части региона, тогда как тюркоязыческие на юге [24]. Их 111 из 478 именных курганов. Этимология некоторых из них: Кара Тубе — Черный курган, Бешашь — Пять камней, курган Майдан — Площадь, Копие Тубе — вершина, покрытая панцирем, могила Атманай — Конь непреступный [25, с. 65, 97, 339, 346, 371]. Тюркоязычные названия курганов можно рассматривать как наиболее древний горизонт, формирование которого началось в IX—X вв., т. е. во время пребывания в Приднепровской степи печенегов, язык которых относится к огузской подгруппе тюркской языковой группы. Имена эти сохранились на века. Обследуя курганы Херсонской области, И. Е. Забелин выяснил у крестьян, что «большая могила зовется Огузка», искаженное от тюркского имени тотемного животного «Огуз», в переводе «бык» [26 с. 267]. Название Огуз вызывает и прямые ассоциации с племенами кочевников — гузов.

До сих пор сохранилось летописное название острова Хортица. Существует несколько значений этого топонима. Наиболее убедительна версия: слово Хортица происходит от тюркского корня «орт», «орта», т. е. «средний», расположенный на середине. Назвав остров, находящийся между двумя одинаковыми по ширине протоками Днепра, «орта», кочевники дали ему меткое и всем понятное имя.

Тюркские лексемы вошли в славянские письменные памятники. Например, в «Слове о полку Игореве» к князю Всеволоду применен эпитет «буйтур», что переводится как «дикий вол». Праформа слова «богатырь» — «батыр», «батур», «богатур». Слово «труд» происходит от тюркского «турт». Первым

его значением было «ратное дело», «война», а «трутень» — воин. В мирное время название воина получило народное переосмысление — «тунеядец», «дармод» [27, с. 19]. «Турт» переводится и как «толкай», «тыкай». В русском простонародье говорили «трутить», т. е. «толкать», «давить». Тот же смысл украинских слов «трутити», «тручати».

Рассматривая взаимоотношения Руси с печенегами, следует иметь в виду, что для «материковой» Руси, что ближе к Киеву, печенеги — враги, они у стен города. В Нижнем Поднепровье все было иначе. Сама местность не предполагает антагонизма, она уникальна с точки зрения протекания бытовой жизни, космополитичности населения. Степь — вечный путь из глубин Азии в Европу. Днепр был идеальной дорогой в направлении север-юг. В передвижении восток-запад Днепр превращался в труднопреодолимое препятствие. Пересечь эту водную преграду кочевникам помогало осевшее на берегах реки разноликое население, которое контролировало днепровскую магистраль и все переправы, служившие одновременно торгово-ремесленными пунктами. Здесь была особая контактная зона, в которой умение жить по-соседски, т. е. в согласии, доброжелательно, было выгодно каждой стороне.

Литература

1. *Константин Багрянородный. Об управлении империей: текст, перевод, комментарий* // Древнейшие источники по истории народов СССР. — М., 1991.
2. *Ипатьевская летопись* // ПСРЛ. — СПб., 1908. — Т. 2.
3. *Сокульский А. Л., Шевченко Т. К., Бодянский А. В. и др.* Раскопки славянского поселения на острове Хортица // АО 1976 г. — М., 1977.
4. *Шаповалов Г. І., Ільїнський В. Є.* Середньовічні майстерні передмістя поселення «Протовче» на острові Хортиця: підсумки досліджень // Наукові студії. — Жешів; Львів, 2015. — Вип. 8.
5. *Козачок Н. Л.* О погребениях на территории Хортицкого поселения XI—XIV веков // Международные связи в средневековой Европе. Тез. науч. докл. и сообщ. научно-практического семинара. — Запорожье, 1988.
6. *Пешанов В. Ф.* Амфора з написом з о. Хортиця // Археологія. — К., 1970. — Т. XXIII.
7. *Киричников А. Н.* К оценке военного дела средневековой Руси // Древние славяне и Киевская Русь. — К., 1989.
8. *Равдоникас В. И.* Надписи и знаки на мечях из Днепростроя // ИГАИМК. — М.; Л., 1933. — Вып. 100.
9. *Шаповалов Г. И.* Подводные исследования судов XII и XIV—XV вв. у острова Хортица // ДСПК. — Запорожье, 1990. — Вып. 2.
10. *Шаповалов Г. И.* О находке судна XI—XII веков в Азовском море // ДСПК. — Запорожье, 1995 — Вып. 5.

11. *Ільїнський В. Е.* Середньовіковий храм в урочище Домаха (плавневая часть о. Хортица) // Музейний вісник. — Запоріжжя, 2013. — № 13.
12. *Русанова І. П.* Культурні місця і язическі святилища славян // РА. — 1992. — № 4.
13. *Пам'ятники* градостроїтельства и архитектуры Украинской ССР. Иллюстрированный справочник-каталог. — К., 1985 — Т. 2.
14. *Литвинова Л. В.* Населення Нижнього Подніпров'я XII — поч. XV ст. — К., 2012.
15. *Єльніков М. В.* Курган Орта тубе у північно-західному Приазов'ї // Музейний вісник. — Запоріжжя, 2013 — № 13.
16. *Тихомолова І. Р.* Погребення кочевників в басейні р. Конка // Музейний вісник. — Запоріжжя, 2013. — № 13.
17. *Попандопуло З. Х.* Середньовіковий курган у Благовещенки // Музейний вісник. — Запоріжжя, 2005. — № 5.
18. *Єльніков М. В., Мурзин В. Ю.* Кочевники України. — К., 2016.
19. *Кубишев А. І., Орлов Р. С.* Уздечний набір XI в. из Ново-Каменки // СА. — 1982. — № 1.
20. *Швецов М. Л.* Центральноазиатские параллели в культовых комплексах тюркской эпохи Восточноевропейских степей // Тезиси междунар. конф. «Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье». — Донецк, 1992.
21. *Отрощенко В. В., Савовский И. П., Томашевский В. А.* Курганная группа Рясные Могила у с. Балки // Курганные могильники Рясные Могила и Носаки. — К., 1977.
22. *Отрощенко В. В.* Михайлівський район. Розділ І. Пам'ятки археології // Пам'ятки історії та культури Запорізької області. — Запоріжжя, 1999. — Вип. 2.
23. *Каталог* Екатеринославского областного музея им. А. Н. Поля. — Екатеринослав, 1905.
24. *Военно-топографическая* карта Российской империи (3 версты в одном дюйме) 1864 г. // Архив Запорожского областного краеведческого музея, доп. фонд 1730 к. п., № 8072.
25. *Древнетюркский* словарь. — Л., 1969.
26. *Забелин И. Е.* Дневники и записные книжки. — М., 2001.
27. *Сулейменов О. О.* Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. — Алма-Ата, 1975.



А. А. Роменский (Харьков)

**Владимир Мономах
и первый «еврейский погром» в Киеве:
к интерпретации событий 1113 г.**

Весной 1113 г. Киев был встревожен «знамениями в солнце и луне» (Лука 21 : 25), которые «не на добро бывают». Не все современники столь пристально следили за астрономическими явлениями и были осведомлены об особенностях их толкования в христианском вероучении, поэтому летописцу понадобилось пояснить, что знамения видимы только там, где они по Божьему Промыслу предвещают грядущие события. В данном случае он истолковал, что солнечное затмение, случившееся 19 марта, «проявляше Стополчю смѣръ» [1, стб. 275]. 16 апреля, после праздника Пасхи, нелюбимый киевлянами и нехаризматичный, но удерживавшийся у власти двадцать лет князь Святополк Изяславич скончался — вместе с ним ушла и политическая стабильность на Руси, определявшаяся сложившимся балансом сил между внуками Ярослава Мудрого. События следующих трех дней исследователи называют «восстанием киевлян» [2, с. 134–138; 3, с. 450–451] или даже «социальной революцией» [4, с. 63], а в публицистике и интернет-блогах нередко сравнивают с «Майданом» [5]. Современники же оценивали короткий период безвластия как «мятеж», «крамола и гълка в людѣхъ» [6, с. 64].

Источниками об обстоятельствах вокняжения Владимира Мономаха в Киеве являются рассказ Киевского летописного свода (Ипатьевская редакция) и «Сказание о Свв. Борисе и Глебе», дополненное перечнем чудес после мученического убиения братьев. По версии летописи, киевляне дважды приглашали переяславского князя занять «столю ѡтенѣ. и дѣденѣ». Первое посольство отправилось сразу же, 17 апреля, но сентиментальный Мономах промедлил с ответом, «плакаса велми . и не поиде жала си по братѣ». Тем временем городской плебс разграбил двор тысяцкого Путяты и дома евреев. Второе приглашение было более решительным и сопровождалось угрозой разгромить не только дома тысяцкого, соцких и «жидов», но и имущество вдовы Святополка, бояр и монастырей. Лишь последнее обстоятельство заставило благочестивого Мономаха принять предложение, после чего «матежь влече» [1, стб. 275–276]. Автор «Сказания» конкретизирует ситуацию, называя тех, кто выступал за призвание Владимира Мономаха: «свьѣкупивъшеся вси людие, паче же болшии и нарочитии мужи» [6, с. 64]. Прославившийся скупостью и самодурством Святополк, по сведению Печерского патерика

и того же Сказания, грабил и притеснял многих состоятельных горожан [7, с. 149; 6, с. 60–62]; не удивительно, что именно они озаботились скорым прекращением безвластия.

Историки дискутируют о спорной легитимности прихода Владимира Всеволодовича к власти, а также роли киевского веча и «болших мужей» в его посажении на стол. Вызывают вопросы и причины задержки князя с ответом, связь «восстания» с его последующей социальной политикой. Наконец, нуждаются в комментариях антиеврейская составляющая киевского погрома и ее причины.

Значительно больше подробностей содержит «История российская» В. Н. Татищева. В его версии выжидание Мономаха объясняется нежеланием ссориться с Давыдом и Олегом Святославичами, которые могли претендовать по старшинству на киевское княжение. Историк сообщает, что Святотоплк «жидам пред христиане многие вольности дал», вследствие чего их, вместе с функционерами покойного князя, и побили восставшие киевляне. Евреи якобы оборонялись в синагоге, ожидая прекращения волнений, после чего «вельможи» пригласили Мономаха на княжение. После его торжественного возведения на стол киевляне просят «об управе на жидов», которые не только притесняли купцов и ремесленников, но и «прельстили многих в их закон», поселяясь между христианами. Новый правитель Киева созывает общий съезд князей, который постановляет «из всея Руския земли всех жидов со всем их имением выслать и впредь не впускать; а которые тайно войдут, вольно их грабить и убивать» [8, с. 129].

Исследователи, слепо доверяющие известиям Татищева, пишут о плане Святославичей захватить власть, опираясь на «хазаро-иудейскую торговую корпорацию» [9, с. 173–174]. Связь евреев с ростовщическим капиталом также казалось очевидной [2, с. 138], поэтому возможные репрессии против иудейской общины Киева иногда представлялись продолжением реформ Мономаха, направленных на поддержку социальных низов. Однако современные специалисты обоснованно усомнились в том, что татищевский текст отразил древнерусские реалии. Скорее всего, он отражает предубеждения XVII—XVIII вв. и антииудейские эксцессы в политике украинского Гетманата и Российской империи. Сведения о «депортации» евреев из Киева и Руси противоречат источникам и едва ли являются чем-то большим, чем красочным вымыслом историка.

О. В. Белова и В. Я. Петрухин ставят под сомнение и социальную направленность антиеврейского протеста, однако, авторы отмечают распространенность в средневековой Европе к XII в. мифологемы «кровавого навета», обвиняющей евреев в ритуальных убийствах христиан [10, с. 39–50]. Отражение подобных представлений видится и в сюжете Печерского патерика о Евстратии Постнике [7, с. 106–108]. Представляется, что имело место

сочетание как социальных факторов, так и мировоззренческих антиеврейских стереотипов. По данным Киевского письма из архива Каирской генизы, евреи города еще с X в. выступали поручителями в кредитных операциях, вовлеченность еврейской общины в сферу ростовщичества и торговли нельзя исключать и в более поздний период [11, с. 30–31]. Тем не менее, это не привело к масштабным антииудейским действиям, вылившимся лишь в кратковременные акты насилия.

Можно поставить под сомнение и ряд других предположений, закрепившихся в историографии. Вопреки распространенному мнению [12, с. 208–210], Владимир Мономах не нарушал в 1113 г. легитимный порядок наследования. Не случайно киевляне подчеркивают, что и отец, и дед переяславского князя владели их городом [1, стб. 275]. В то же время Святослав Ярославич выглядел в глазах современников не законным правителем, а узурпатором, ненадолго свергнувшим старшего брата Изяслава; вследствие этого его сыновья не могли надеяться на признание своих притязаний на Киев. К тому же, источники не подтверждают версии о закулисной борьбе Мономаха с Давыдом и Олегом, скорее, наоборот: в следующем, 1114 г., Владимир и Олег предпринимают совместный поход на половцев; муж «Гориславича» Иванко Чудинович принимает участие в составлении нового «устава» Руской Правды, организованном Мономахом [1, стб. 276; 13, с. 113].

Похоже на то, что новгород-северский князь примирился со своим извечным соперником в последние годы жизни. Сын Святополка Ярослав волынский также не выглядел приемлемой кандидатурой при наличии более влиятельных дядей. Точка зрения о нарушении Мономахом постановлений Любечского съезда происходит от тенденции гиперболизировать значение этого княжеского снema, который якобы провозгласил новый политический строй Руси [14, с. 499–500; ср. 15, с. 9–12]. Реальное значение совета князей в 1097 г. представляется более скромным — он лишь зафиксировал временный status-quo, к тому же, вскоре нарушенный. Ни Владимир Мономах, ни его оппоненты не собирались руководствоваться положениями Любеча в своей дальнейшей борьбе за власть.

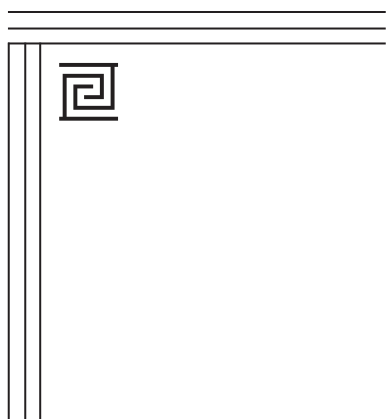
Чем же могло быть вызвано промедление Мономаха? «Мятеж» и «гълка» в Киеве были, в конечном счете, выгодны именно Владимиру Всеволодовичу: жертвами погрома стали нелояльные ему члены «команды Святополка» во главе с Путятей Вышатичем. Их максимальное ослабление, уход с политических позиций укрепляли власть нового князя. К тому же, четырехдневный срок между смертью одного правителя и вокняжением другого не выглядит существенным, если учесть, что за это время к Мономаху дважды прибывали гонцы от киевлян и он должен был решить массу организационных вопросов. И. Я. Фроянов считает, что Владимир находился

уже не в Переяславле, а в окрестностях Киева, заблаговременно выжидая исхода событий [9, с. 173]. Так или иначе, но именно Мономах стал в итоге главным бенефициаром «киевского восстания».

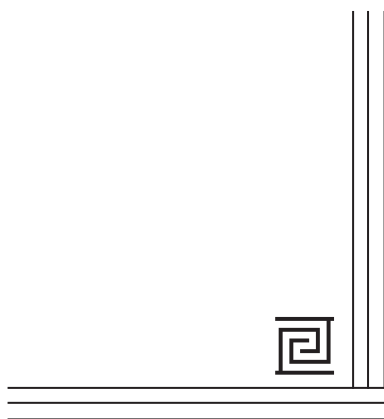
Литература

1. *Ипатьевская летопись* // ПСРЛ. — СПб., 1908. — Т. 2.
2. *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. — М., 1955.
3. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М., 1982.
4. *Крип'якевич І. П.* Історія України. — Львів, 1990
5. *Иртенина Н.* Святой благоверный князь Владимир Мономах и древне-киевский «майдан» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol/4146>
6. *Жития Свв. Мучеников Бориса и Глеба и службы им* / Пригот. к печати Д. И. Абрамович. — Пг., 1916.
7. *Абрамович Д. І.* Києво-Печерський патерик. — К., 1991.
8. *Татищев В. Н.* История российская. — М., 1995. — Ч. 2.
9. *Фроянов И. Я.* Древняя Русь IX—XIII вв. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. — М., 2012.
10. *Белова О. В., Петрухин В. Я.* «Еврейский миф» в славянской культуре. — Иерусалим; М., 2008.
11. *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. / Науч. ред., послесловие и коммент. В. Я. Петрухина. — М.; Иерусалим, 1997.
12. *Толочко О. П., Толочко П. П.* Київська Русь. — К., 1998.
13. *Памятники права Киевского государства X—XII вв.* / Сост. А. А. Зимин. — М., 1952.
14. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. — М., 1953.
15. *Толочко П. П.* Любецький з'їзд князів // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. — Чернігів, 1997.





ИСТОРИЯ НАУКИ



К. Крульчик (*Познань*)

Зв'язки між польськими та українськими дослідниками стародавнього світу в міжвоєнний період — вибрані питання

Довоєнні контакти польських вчених, які займалися дослідженнями стародавнього світу, з їх колегами, які працювали у наукових установах Радянського Союзу, не були до сьогоднішнього дня предметом детального історичного вивчення. Причина такого стану речей, з рештою, досить прозаїчна — саме у міжвоєнний період всякого роду відносини між Польщею та її східним сусідом, із науковою співпрацею включно, не можна назвати — головним чином з політичних причин — досить інтенсивними [1]. В той же час, як показує аналіз документів, які зберігаються сьогодні в архівах міста Львова, на той момент досить активно підтримувались — часто всупереч складній реальності — наукові відносини між польськими дослідниками стародавнього світу, пов'язаними з Університетом Яна Казимира у Львові (до 1939 р. — польський вищий навчальний заклад) та Польським філологічним товариством з одного боку, з іншого ж — вченими, які представляли різноманітні наукові осередки довоєнної радянської України.

Підходячи до обговорення предмету дослідження, окресленого у назві цієї статті, я хотів би звернути увагу на два питання, які добре монтуються в проблематику, яка мене цікавить:

Контакти між польськими дослідниками стародавнього світу, об'єднаними у Польському філологічному товаристві, правління якого знаходилося до Другої світової війни у Львові, та філологом-класиком із Харкова Андрієм Степановичем Коцеваловим.

Наукові відносини львівського археолога-класика та історика стародавнього світу Казімежа Маєвського з радянськими вченими, які представляли собою результат наукової поїздки Маєвського до Радянського Союзу, яка відбулася восени 1934 р.

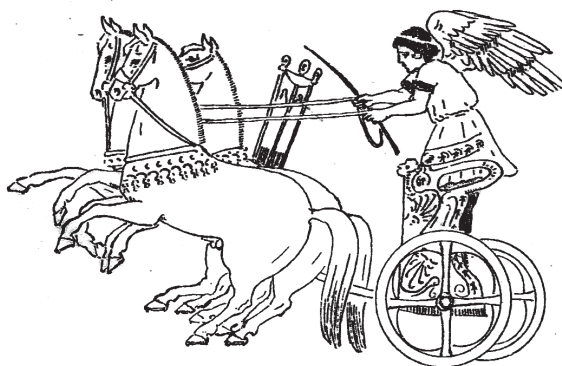
Ad 1. Наприкінці двадцятих років XX ст. були налагоджені наукові відносини між польськими філологами-класиками, пов'язаними з Університетом Яна Казимира у Львові та Польським філологічним товариством, а також Андрієм Степановичем Коцеваловим (1892–1960), який на той момент був науковим працівником харківської кафедри історії європейської культури (1921–1930) та українського Інституту матеріальної культури (1930–1933), а дещо пізніше (з 1937 р.) — Харківського університету [2, с. 74; 3, с. 211–212].

Zakład Archeologii Klasycznej
Uniwersytet Poznański
№ 128

EVS SUPPLEMENTA VOL. 12

ANDREAS KOCEWALOW

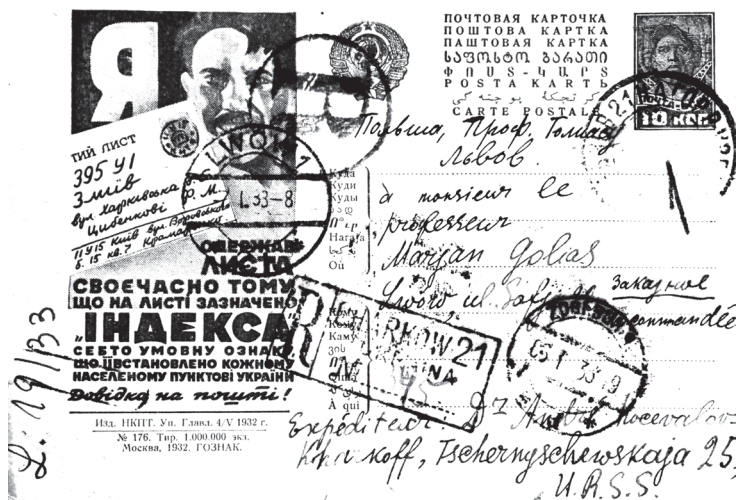
SYNTAXIS INSCRIPTIONUM ANTIQUARUM COLONIARUM GRAECARUM ORAE SEPTEN- TRIONALIS PONTI EUXINI



EDITVM AVXILIO MINISTERII INSTRVCTIONIS PVBLICAE
LEOPOLI 1935
PROSTAT LEOPOLI APVD SOCIETATEM PHILOLOGAM POLONORUM

Рис. 1. Титульна сторінка книги А.С. Коцевалова

Нам не відомо, як усе починалося, хоча до кінця не можна виключити, що точкою відліку став з'їзд філологів-класиків Польщі та слов'янських країн, організований у червні 1929 р. у Познані Польським філологічним товариством. Саме у цьому році, на прохання професора Ришарда Ганшинця (Ryszard Ganszyniec, 1888–1958), тодішнього завідуючого III Кафедри класичної філології Університету Яна Казимира, А. С. Коцевалов надіслав до нього рукопис своєї роботи, присвяченої синтаксису античних написів, знайдених на території грецьких колоній, які розташовані на північному узбережжі Чорного моря [4, к. 1 зв.]. Декількома роками пізніше (у 1935 р.) ця робота кінець-кінцем була надрукована у Польщі у редакovanій Ришардом Ганшинцем серії *Eus Supplementa*, яка видавалася у Львові з 1929 р. [5]. Окрім згаданої вище монографії, А. С. Коцевалов опублікував у міжвоєнній Польщі ще один науковий текст, а саме статтю, присвячену займенникам та їх ролі у синтаксисі написів з Криту. Вона була видана у двох частинах на шпальтах львівського часопису *Eos. Commentarii Societatis Philologiae Polonorum*, відповідно у томах XXXV (1934) та XXXVI (1935) [6]. Цікаву інформацію відносно обставин публікації у Польщі обох текстів А. С. Коцевалова містить збережена кореспонденція між харківським вченим та його польськими колегами зі львівського університету, яка знаходиться сьогодні у зібраннях львівського Центрального державного історичного архіву України [4]. До сьогодні збереглися дві поштові листівки, вислані у 1933 та 1934 рр. А. С. Коцеваловим з Харкова до Львова (обидві написані німецькою мовою), рівно як копії відповідей (польською мовою), висланих вченому польською стороною, підписаних Миколаєм Щербанським (Mikołaj Szczepański), секретарем Польського філологічного товариства, та заступниками



Char'kow 21, Tschernyschewskaja 25,
 den 3. Januar 33
 Sehr geehrter Herr Professor,
 Ich würde Ihnen sehr dankbar sein,
 wenn Sie Herrn Prof. Ganszyniec
 fragen, wann der Druck meiner
 Syntaxis inscriptionum antiquarum
 coloniarum graecarum... Ponti Euxini
 (die Handschrift dieser Arbeit habe
 ich Herrn Ganszyniec nach
 seiner Bitte im Jahre 1929 zuge-
 sandt. Den letzten Korrekturbogen
 SS. 48-64 habe ich im Januarbogen
 1932 zurückgeschickt) erneuert werden
 und meiner Arbeit „De articuli
 in inscriptionibus cretensibus
 dialecticis usu syntactico“ (die
 Handschrift habe ich nach
 im März des 1931. Jahres nach
 der Bitte des Herrn Prof. Gansz.
 zugesandt) anfangen wird.
 mich davon durch eine Postkarte
 benachrichtigen. Ich habe Herrn
 Professor Ganszyniec und seinen
 Helfer Körner, Mag. phil. seinen
 darüber durch die Briefe vielfach
 angefragt, aber keine Antwort
 erhalten ohne ^{Antwort} mit vorzüglicher Hochachtung A. Koscevalov

Рис. 2. а–б. Поштова листівка від 3 січня 1933 р., вислана А. С. Коцеваловим
 з Харкова до Львова; адресатом був проф. Маріан Голіас (Marian Golias),
 скарбник Польського філологічного товариства (з зібрань Центрального
 державного історичного архіву України у Львові)

голови товариства доктором Станіславом Пільхом (Stanisław Pilch) та професором Константи Хиліньським (Konstanty Chyliński, 1881–1939). Змістом листування, яке зав'язалося у той час між А. С. Коцеваловим та керівництвом товариства, була затягнута у часі процедура друкування у Польщі робіт українського ученого. Харківський дослідник прагнув отримати більш детальну інформацію відносно причин спізнення друку. Польська сторона, в свою чергу, повідомляла про фінансові складнощі, які виникли, та просила А. С. Коцевалова бути більш терпеливим. Як відомо, справа кінець-кінцем була вдало завершена. Надрукована у Польщі монографія українського філолога досить швидко була зауважена за кордоном, результатом чого стала сповнена ентузіазму й захоплення рецензія німецького дослідника з Латвії — Еріха Діля (Erich Diehl, 1890–1952), видана в 1938 р. у Німеччині [7]. Ця робота, зрештою, й сьогодні використовується дослідниками, які займаються стародавнім минулим північного узбережжя Чорного моря [8, р. 425].

Ад 2. Восени 1934 р. доктор Казімеж Маєвський (Kazimierz Majewski, 1903–1981), тогочасний асистент кафедри класичної археології Університету Яна Казимира у Львові [9], відправився у наукову поїздку до Союзу Радянських Соціалістичних Республік, профінансовану польським Фондом національної культури. Вчений відвідав тоді цілий ряд наукових центрів радянської України, в тому числі Київ, Харків, Миколаїв, Херсон, Одесу, Полтаву, Чернігів, Бердичів та Кам'янець-Подільський, рівно як декілька міст Криму (Сімферополь, Севастополь з античним Херсонесом, Ялту). Усюди там К. Маєвський відвідував місцеві музеї, зокрема ті, які мали археологічну спеціалізацію, а також налагоджував наукові контакти з українськими колегами [10, к. 27–28]. Наприклад, відомо, що він познайомився тоді з директором державного музею у Полтаві (на жаль, на даний момент його прізвище мені не вдалося встановити), який представив польському вченому невідоме світовій науці стародавнє скульптурне зображення жіночої голови, дозволив зробити фотографії пам'ятки, а потім висловив згоду на її публікацію. Вимірним результатом налагоджених у Полтаві відносин стала невелика стаття, опублікована К. Маєвським після повернення до Польщі на шпальтах згадуваного вище часопису *Eos* [11]. В свою чергу, у Херсоні польський науковець, з усією очевидністю, налагодив відносини з Олександром Кузьмичем Тахтаєм (1890–1963), хранителем археологічного зібрання місцевого краєзнавчого музею. Перебування у радянській Україні принесло також у результаті поглиблене зацікавлення Казімежем Маєвським трипільською культурою [12; 13]. Дослідник дав цьому вираз у численних наукових роботах, опублікованих ще у Львові [14], рівно як після закінчення Другої світової війни, вже у Вроцлаві [15] та Варшаві [16]. Не виникає ніяких сумнівів з приводу того, що контакти, налагоджені під час подорожі в СРСР, полегшили К. Маєвському продовження роботи у Львівському університеті у 1939–1941 рр., у період так званої першої біль-

шовицької окупації. Він у той час став виконуючим обов'язки завідуючого кафедрою стародавньої історії [17, к. 12 зв.], а також проводив археологічні дослідження в околицях Кремінця [18, с. 185–187]. До колишніх контактів додалися нові, які він налагодив уже у нових геополітичних реаліях.

К. Маєвський познайомився тоді з професором Лазарем Мойсейовичем Славіним (1906–1971), директором Інституту археології Академії Наук УРСР [19]. В 1945 р., після кінцевого приєднання Львова до Радянського Союзу, археолог залишив Львів та виїхав до Польщі у її нових післявоєнних кордонах. На той час, уже після війни, налагоджені до того професором Маєвським наукові контакти у радянській Україні дали можливість його учням взяти участь у археологічних дослідженнях, які проводилися на території античної Ольвії (околиці села Парутине Миколаївської області).

Представлені вище приклади, безперечно, відкривають у новому світі проблематику наукових контактів дослідників стародавнього світу з Польщі та радянської України у міжвоєнний період, також даючи підґрунтя для цікавої роботи в рамках аналізу надзвичайно складних польсько-радянських наукових відносин у період міжвоєнного двадцятиліття у більш широкій науковій перспективі. Разом з тим, вони однозначно свідчать про те, що не зважаючи на існування політичних бар'єрів, співпраця між обома країнами могла розвиватися, хоча, звичайно, у досить обмеженому масштабі. Безумовно, подальші дослідження в архівах Польщі та України, проведення яких повинно стати сьогодні предметом детального вивчення, дозволять розширити наші знання на цю важливу та дуже цікаву тему.

Література

1. *Różewicz J. Polsko-radzieckie stosunki naukowe w latach 1918–1939.* — Wrocław, 1979.
2. *Коцевалов А. Античная история и культура Северного Причерноморья в советском научном исследовании.* — Мюнхен, 1955.
3. *Українські історики XX століття. Біобібліографічний довідник.* — К., 2004.
4. *Центральний державний історичний архів України, м. Львів. Ф. 713, оп. 1, спр. 67 (Листування з професором Коцеваловим Андрієм в Харкові про надрукування його статей в журналі «ЕОС»), к. 1–4.*
5. *Kocewalow A. Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum Graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini.* — Leopoli (Lwów), 1935 (*Eus Supplementa*, vol. 12).
6. *Kocewalow A. De articuli in inscriptionibus cretensibus usu syntactico // Eos.* — 1934. — Т. 35; 1935. — Т. 36.
7. *Diehl E. рец. на: Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum Graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini // Gnomon.* — 1938. — Vol. 14. — Fasc. 9.

8. *Cojocar V. Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol I (Epigraphica, numismatica, onomastica & prosopographica).* — Cluj-Napoca, 2014.
9. *Kolendo J. Kazimierz Majewski we Lwowie — okres kształtowania się osobowości naukowej badacza. Казимир Маєвський у Львові: період формування наукового світогляду дослідника // Profesor Leon Kozłowski.* — Lwów-Warszawa, 2010.
10. *Державний архів Львівської області.* — Ф. 26, оп. 5, спр. 1154 (*Личное дело доцента Маевского Казимежа*).
11. *Majewski K. Marmurowa główka z Połtawy // Eos.* — 1937. — Т. 38.
12. *Gurba J. Kazimierz Majewski — badacz kultury trypolskiej (w 100-lecie urodzin uczonego oraz wyodrębnienia tej kultury przez Wikentego Chwojkę) // Archeologia Polski Środkowowschodniej.* — Lublin, 2005. — Т. 7.
13. *Гурба Я. Казимир Маєвський польський дослідник трипільської культури // Археологічні дослідження Львівського університету.* — 2005. — Т. 8.
14. *Majewski K. Gliniane modele chat kultury ceramiki malowanej na Ukrainie // Światowit.* — 1934/35. — Т. 16.
15. *Majewski K. Studia nad kulturą trypilską // Archeologia.* — 1947. — Т. 1.
16. *Majewski K. Trypilska kultura // Słownik historyczny sztuk plastycznych. Zeszyt dyskusyjny.* — Warszawa, 1951.
17. *Архів Львівського університету.* — Оп. 1 о/с, спр. 1005 (*Личное дело Маевски К. К.*).
18. *Ситник О. Археологічна наука у Львові. Перша половина XX століття.* — Львів; Жешів, 2012.
19. *Гурба Я. С. Професор Л. М. Славін у польській археології // Археологія.* — 2007. — № 1.



С. И. Лиман (Харьков)

**Путешествие Иоганна Шильтбергера
по Европе, Азии и Африке
с 1394 по 1427 г. и его отражение в творчестве Ф. К. Бруна**

Более чем тридцатилетние странствия пленного баварского оруженосца Иоганна Шильтбергера по трем частям света принадлежат к числу самых известных путешествий Средневековья [1, с. 143–144], а его историко-этнографические записки о дорожных впечатлениях и политических событиях конца XIV — первой четверти XV вв. представляют собой важнейший нарративный источник той эпохи. Популярный у читателей труд Иоганна Шильтбергера четырежды публиковали уже в XV в. В 1859 г. в Мюнхене было опубликовано его новое издание, после чего появились переводы «Путешествия», в том числе на русском (1867) и английском (1879) языках. Первый перевод этого труда на русский язык осуществил профессор Новороссийского (Одесского) университета Ф. К. Брун (1804–1880).

Труд Иогана Шильтбергера в переводе Ф. К. Бруна до настоящего времени продолжает сохранять свою актуальность, несмотря на некоторые, главным образом, топонимические неточности, неоднократно отмечаемые в историографии [2, с. 113; 3, с. 233] и пресловутое «многословие» переводчика в комментариях [4, с. 4, 5]. Этим переводом [5], переизданным с некоторыми сокращениями в 1984 г. З. М. Бунятовым [4], продолжают пользоваться исследователи истории тех территорий, которые посетил и описал Шильтбергер — Крыма, Кавказа, Сибири и др. Интерес этих исследователей к содержанию отдельных глав труда баварского путешественника подводит нас к необходимости общей оценки вклада Ф. К. Бруна в изучение этого источника. Отметим, что предыдущие обращения автора предлагаемой статьи к данному аспекту творчества Ф. К. Бруна носили контекстный характер и не выходили за рамки исследования историографии истории итальянских колоний в Крыму [6, с. 529; 7, с. 302].

Филипп Карлович Брун — авторитетный ученый, заслуги которого как историка, археографа, краеведа неоднократно подчеркивались в современной отечественной историографии [6, с. 296–298; 8, с. 99–104; 9, с. 233–236]. Он родился в 1804 г. в Финляндии, по окончании в 1825 г. философского факультета Дерптского университета с перерывами (1825, 1829–1830 гг.) служил в Министерстве финансов, а в 1825–1827 гг. для продолжения образования отправился в Германию, Францию, Швейцарию. После недолгого

преподавания немецкого языка в Витебской и истории в Динабургской гимназиях, Ф. К. Брун перебрался в Одессу [6, с. 552].

В Одессе он служил сначала в Ришельевском лицее: адъюнктом (1832–1834), затем профессором истории и статистики (1836–1854), а с 1865 г. в связи с открытием Новороссийского университета стал доцентом, экстраординарным (1869), заслуженным профессором (1870) кафедры всеобщей истории. В 1871 г. по выслуге 30-летнего срока службы за высокий профессионализм Ф. К. Бруна оставили «частным преподавателем по занимаемой им кафедре» на 1 год [10, с. 131]. В дальнейшем Совет университета регулярно продлевал срок его службы как «стороннего преподавателя» до самой смерти ученого в 1880 г. [11, с. 2].

Ф. К. Брун был членом ряда научных обществ, в том числе генуэзского Лигурийского общества естественных наук, Одесского общества истории и древностей, а в 1835 г. Йенский университет присвоил ему звание доктора философии. Еще во время преподавания в Ришельевском лицее «за отлично усердную и ревностную службу» Ф. К. Брун был неоднократно удостоен монаршего «Высочайшего благоволения» [7, с. 300].

И в лицее и в университете Ф. К. Брун читал различные курсы: «Историю средних веков», «Историю открытий и путешествий европейцев в XV, XVI и XVII ст.», «Историю географии и открытий в древности и в средних веках», «Историю землевладения и географических открытий» и др. [см. напр.: 12, с. 39; ср.: 7, с. 300–301]. Таким образом, в преподаваемых Ф. К. Бруном курсах обнаруживается такой же интерес к истории путешествий, как и в его публикациях. Он издал с подробными научными комментариями переводы на русский язык путевых записок и трудов известных путешественников XIV–XVII вв.: Иоганна Шильтбергера, Жильбера де Ланнуа, Берtrandона де ла Брокиера, Эриха Лясоты, Эвлии Челеби.

Наибольшую научную ценность среди этих изданий представляет перевод и комментарии Ф. К. Бруна к труду Иоганна Шильтбергера «Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год». Его автора в привычной для России манере Ф. К. Брун именовал не Иоганн, а «Иван». Этот перевод со старонемецкого языка одесский ученый осуществил по мюнхенскому изданию К. Ф. Неймана «*Reisen des Johannes Schiltberger aus Munchen in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427*» (1859), сделанному по Гейдельбергской рукописи «Путешествия».

До Ф. К. Бруна в России полный перевод этой книги не осуществлялся. Лишь в 1824 г. Д. Д. Языков опубликовал на русском языке один из ее отрывков: «О Золотой орде: Извлечение из описания Шильтбергера».

Ф. К. Брун не без оснований указывал в предисловии к изданию на то, что повествование о путешествии баварского оруженосца, «подобно «Книге Марко Поло» было в XV и XVI вв. «любимым чтением его соотечественников

по обеим сторонам Майна» [5, с. III]. В справедливости этого утверждения убеждает обширная география самого путешествия Иоганна Шильтбергера: как оруженосец рыцаря Линхарта Рехартингера он выехал из Баварии, участвовал в неудачной для крестоносцев битве против турок у Никополя (1396), был взят в плен султаном Баязидом, затем, после битвы у Анкары — Тамерланом (1402), и в качестве европейского пленника этих и других, менее известных, восточных правителей побывал в Малой Азии, Греции, Персии, Палестине, Египте, на Кавказе, в Средней Азии, Сибири, Золотой Орде, Крыму, Константинополе, Валахии, Польше. Насыщенное описанием реальных исторических событий и древними легендами, изобилующее портретами крупных государственных деятелей и бытовыми зарисовками, пространными этюдами о верованиях и нравах, сочинение Иогана Шильтбергера интригует и держит читателя в напряжении с первой до последней страницы.

Заслуженный интерес к труду Шильтбергера, в том числе представителей зарубежной науки, контрастировал, по мнению Ф. К. Бруна, с отношением к нему в отечественной историографии: «ученые наши, с малым только исключением, не хотят ссылаться на него» [5, с. III]. Такое отношение одесский историк объяснял главным образом отзывом Н. М. Карамзина, который в 5-ом томе «Истории Государства Российского» писал, что сообщения Шильтбергера «не ясны и бесположны» [5, с. III]. Хотя сам Ф. К. Брун считал этот критический отзыв несправедливым, в дальнейшем в отечественной науке появляются некоторые высказывания, схожие с мнением Н. М. Карамзина. Так, по словам В. В. Бартольда, как источник для изучения политических событий «рассказ Шильтбергера не имеет почти никакого значения» [13, с. 82].

Комментарии одесского историка насчитывают 197 позиций и выполнены в лучших источниковедческих традициях европейской медиевистики. Эти подстрочные комментарии, помещенные на каждой странице текста перевода, столь подробны, что часто занимают больше места, чем сам перевод. Ф. К. Брун скрупулезно сопоставлял данные Иоганна Шильтбергера с данными других авторов, отмечал его анахронизмы и ошибки в топонимике, уточнял личные имена и титулы, хронологию завоеваний Тамерланом сирийских городов, названия и расположения городов и областей, включался в историографическую дискуссию относительно правильности приводимых этнонимов и названий религиозных групп. Ф. К. Брун признавал: у Шильтбергера встречается много искаженных имен, т.к. «он по возможности старался передать их нам в виде, соответствующих туземному их произношению, между тем как современные ему путешественники, более ученые, считали себя обязанными записать собственные имена в итальянской или латинской их форме» [5, с. IV].

В качестве приложения к изданию Ф. К. Брун поместил хронологический указатель к примечаниям [5, с. 128–139] и перечень личных и географических имен, встречающихся в примечаниях [5, с. 140–153].

Таким образом, образцовый для своего времени перевод, комментарии и публикация Ф. К. Бруном «Путешествия Иоганна Шильтбергера по Европе, Азии и Африки с 1394 по 1427 гг.» имели большое научное значение. Этот перевод свидетельствовал не только о блестящей источниковедческой подготовке и широкой эрудиции одесского историка, но и о высоком уровне отечественной медиевистики второй половины 60-х гг. XIX в. Комментарии Ф. К. Бруна в скором времени были опубликованы на немецком и английском языках, а само его издание сохраняет актуальность до настоящего времени.

Литература

1. *Скитания Иоганна Шильтбергера* // Низовский А. Ю. 500 великих путешествий. — М., 2012.
2. *Кизилов М. Б. Крымская Готия: История и судьба.* — Симферополь, 2015.
3. *Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро.* — Екатеринбург, 2001.
4. *Шильтбергер Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год* / Пер. со старонем. Ф. К. Бруна. Изд., ред. и прим. З. М. Бунятова. — Баку, 1984.
5. *Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г.* / Пер. и примеч. Ф. К. Бруна // ЗНУ. — 1867. — Т. 1.
6. *Лиман С. И. Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 — первая половина 1880-х гг.).* — Х., 2009.
7. *Лиман С. И. История генуэзских владений в Крыму в творчестве Филиппа Карловича Бруна (1804–1880)* // Стародавнє Причорномор'я. — Одеса, 2016.
8. *Непомнящий А. А. Брун Филипп Карлович* // Непомнящий А. А. Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX—XX вв. — Симферополь, 1988.
9. *Хмарський В. М. Археографічна діяльність Одеського товариства історії і старожитностей.* — Одеса, 2002.
10. *Протоколы заседаний Совета имп. Новороссийского университета (с 18 января по 31 мая 1871 г.)* // ЗНУ. — 1871. — Т. 7.
11. *Краткий отчет о состоянии и действиях имп. Новороссийского университета в 1879–80 уч. году* // ЗНУ. — 1880. — Т. 31.
12. *Обозрение преподавания наук в имп. Новороссийском университете в 1875/76 академич. году* // ЗНУ. — 1875. — Т. 17.
13. *Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.* — Л., 1925.



М. А. Олійник (Трускавець)

Сучасна польська історіографія військової історії Стародавнього Риму

Дослідження античності в польській науці сягає ще ХІХ ст., а перші наукові праці, присвячені історії Стародавнього Риму, були пов'язані з іменами Йоахима Лелевеля, Юзефа Шуйського та Пйотра Б'єнковського [1, с. 23; 2, с. 87]. Давньоримське військо в міжвоєнній Польщі стало об'єктом для вивчення тільки одного історика — професора Люблінського католицького університету Мечислава Станіслава Поплавського [3]. Навіть в роки ПНР військова історія не була пріоритетним напрямом для досліджень польських вчених. Військові інститути Стародавнього Риму викликали зацікавленість лише небагатьох дослідників античної історії. До них слід віднести спеціаліста з римського права Герарда Кулечку [4].

Ситуація на краще змінилася у дев'яностих роках двадцятого століття. Це було викликано оновленням дослідницьких підходів і постановкою нових проблем у відповідності із загальним прогресом сучасного антикознавства, а також з появою тісної співпраці з європейськими вузами. Фундаментом для появи нових праць стала активна робота польських вчених в галузі військової археології та епіграфіки. Важливим осередком досліджень у сфері цих двох галузей став Центр з вивчення античності у Південно-Східній Європі Варшавського університету, заснований у 1990 р. Його працівники опублікували чимало праць, присвячених археологічному вивченню легіонного табору в Новах та різноманітним аспектам життя дислокованих у Нижній Мезії військових [5; 6; 7]. Директором Центру є визначний польський археолог, дослідник І Італійського легіону Пйотр Дичек [8; 9].

В Ягеллонському університеті проблематикою військової історії Стародавнього Риму займається Едвард Даброва [10]. Крім монографій, під його керівництвом вийшли наукові збірники, в яких були розміщені статті не тільки польських, а й європейських та американських істориків [11–13].

Познанський університет ім. А. Міцкевича є місцем праці знаного у Європі історика, професора Лешека Мрозевіча. Крім наукової та викладацької роботи, він також займає посаду директора Інституту європейської культури в Гнезно [14]. В університеті Л. Мрозевіч пройшов усю свою наукову кар'єру — від асистента до професора, і є автором чисельних монографій і статей, присвячених військовій історії нижньодунайських провінцій [15, с. 286–289; 16]. В УАМ також працює й Кжиштоф Крульчик, який спеціалізується на

дослідженні суспільної і політичної ролі давньоримських ветеранів в період Ранньої Імперії [17–19]. Сферою зацікавлень Марека Жиромського, завідувача кафедри теорії політики УАМ, є вищий командний склад римських військ [20; 21]. Ще одна дослідниця з познанського університету, — Катажина Бальбуза, — займається такою складовою системи нематеріальних нагород римського війська як тріумф [22].

Плідним є доробок молодого вченого Міхала Норберта Фашчі з Гуманітарної академії ім. Олександра Гейштора в Пултуську [23]. Він вивчає різноманітні аспекти функціонування інститутів давньоримського війська, не обмежуючись лише одною тематикою [24; 25].

Така складова давньоримської військової машини як преторіанська гвардія, також не залишилась без уваги у колах польського наукового середовища. Так, Себастьян Рущіньський з Університету Казимира Великого в Бидгощі є автором фундаментальної праці з історії функціонування посади префекта преторія в Римі [26]. Іренеуш Луць, який викладає в Університеті Марії Кюрі-Скłodовської в Любліні, досліджує модель організації преторіанського корпусу, а також витоки, структуру та завдання цієї військової одиниці [27; 28]. Крім преторіанців, цей історик вивчає й міжособистісні зв'язки між легіонерами періоду Ранньої Імперії [29].

Процес дослідження озброєння легіонерів періоду Пізньої Республіки нагтовхується на різноманітні труднощі через обмеженість письмових та іконографічних джерел. Проте цю лакуну спробував заповнити Броніслав Шубеляк з Академії Яна Длугоша в Ченстохові. Зі знанням предмету, критичним підходом до існуючої історіографії з даної проблематики, він здійснив вагомий внесок у вивчення зброєзнавства періоду античності [30].

Пізньоримська кавалерія є об'єктом дослідження істориків з університетів Лодзі та Ополе — Кжиштофа Нарльоха і Пйотра Леткого [31; 32].

Військова історія Стародавнього Риму викликає велику зацікавленість польських істориків. Це засвідчує значна кількість досліджень різних історіографічних напрямків. Можна констатувати, що в останні десятиліття польська історіографія піднялася на якісно новий рівень завдяки тісним контактам польських науковців з їхніми європейськими колегами, співпраці з науковими центрами Західної Європи та США, появі нових електронних ресурсів, онлайн-бібліотек тощо. Вона збагатилася працями, відомими далеко за межами польського наукового світу. Звичайно, важко здійснити аналіз усіх робіт дослідників-поляків, присвячених римському війську, але це є й позитивним моментом, адже свідчить про постійну появу і наукову підготовку великої кількості нових фахівців з даної проблематики. Часті наукові конференції та семінари, присвячені військовій тематиці, зустрічі молодих вчених, докторантів та аспірантів, видання наукових збірок, і не тільки польськомовних — все це ілюструє високий рівень сучасного антикознавства

в Польщі, зокрема у сфері вивчення військових інститутів та військової історії Стародавнього Риму.

Література

1. Królczyk K. Polscy badacze starożytności na Uniwersytecie Lwowskim (1873–1939) — szkic do portretu // Haec mihi in animis vestris templa. Studia Classica in Memory of Professor Lesław Morawiecki. — P. Berdowski, B. Błahaczek (ed.). — Rzeszów, 2007.
2. Sprawski S. Historia starożytna w Uniwersytecie Jagiellońskim // Historia starożytna na polskich uniwersytetach — wczoraj, dziś, jutro. — Red. R. Kulesza. — Warszawa, 2016.
3. Popławski M. S. Bellum Romanum: sakralność wojny i prawa rzymskiego. — Lublin, 2011.
4. Kuleczka G. *Studia nad rzymskim wojskowym prawem karnym*. — Poznań, 1974.
5. Jilek S. The Danube Limes. A Roman River Frontier. — Warsaw, 2009.
6. Ośrodek Badań nad Antykiem Europy Południowo-Wschodniej Uniwersytetu Warszawskiego. Historia — [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.novae.uw.edu.pl/polskie/historia.htm>
7. Novae: Legionary Fortress and Late Antique Town. Vol. I: A Companion on the Study of Novae. — Eds. T. Derda, P. Dyczek, J. Kolendo. — Warsaw, 2008.
8. Dyczek P., Kolendo J., Sarnowski T. Novae — 40 lat wykopalisk / Novae — 40 Years of Excavations. — Warszawa, 2001.
9. Dyczek P. Frontiers of the Roman Empire — The Lower Danube Limes in Bulgaria. — Warszawa; Wiedeń, 2008.
10. Dabrowa E. Legio X Fretensis. A Prosopographical Study of its Officers (I—III c. AD). — Stuttgart, 1993.
11. Pod znakami Aresa i Marsa: materiały z konferencji naukowej „Wojna i wojskowość w starożytności. — Red. E. Dąbrowa. — Kraków, 1993.
12. Roman Military Studies. — Ed. by E. Dabrowa. — Cracow, 2001.
13. The Roman and Byzantine Army in the East. Proceedings of a colloquium held at the Jagiellonian University. Ed. by E. Dabrowa. — Krakow, 1992.
14. Prof. zw. dr hab. Leszek Mrozewicz, dyrektor Instytutu Kultury Europejskiej UAM — [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://ike.amu.edu.pl/index.php/struktura/119-menu-modulu-dla-pracownika/lista-pracownikow/104-prof-zw-dr-hab-leszek-mrozewicz-dyrektor-naukowy-instytutu-kultury-europejskiej-uam>.
15. Historia starożytna w Polsce. Informator. — Red. R. Kulesza, M. Stępień. — Warszawa, 2009.
16. Mrozewicz L. Legioniści mezyjscy w I wieku po Chrystusie. — Poznań, 1995.
17. Królczyk K. Tituli veteranorum. Veteraneninschriften aus den Donauprovinzen des Römischen Reiches (1.–3. Jh. n. Chr.). Inskrypcje weteranów

- z prowincji nadduna skich Cesarstwa Rzymskiego (I—III w. po Chr.). — Poznań, 2005.
18. *Królczyk K.* Veteranen in den Donauprovinzen des Römischen Reiches (1.–3. Jh. n. Chr.). — Poznań, 2009.
19. *Królczyk K.* Weterani w prowincjach naddunajskich w okresie wczesnego Cesarstwa Rzymskiego (I—III w. n. e.). — Oświęcim, 2017.
20. *Żyromski P.* Praefectus classis. The commanders of the Roman imperial navy during the Principate. — Poznań, 2001.
21. *Żyromski P.* Dowódcy Legionu Siódmego Klaudyjskiego w okresie pryncypatu // *Balcanica Posnaniensia: acta et studia.* — 1995. — № 7.
22. *Balbuza K.* Triumf i ideologia zwycięstwa w starożytnym Rzymie epoki cesarstwa. — Poznań, 2005.
23. *Michał N.* *Faszczka.* Pultusk Academy of Humanities. — Poland. — Faculty of History. — Adjunct — [Електронний ресурс]. Режим доступу: <https://wsh.academia.edu/MichalFaszczka>
24. *Faszczka M. N.* Bunt w późnorepublikańskiej armii rzymskiej (88–30 przed Chr.). Rozprawa doktorska napisana pod kierunkiem prof. zw. dr. hab. Adama Ziółkowskiego. — Warszawa, 2014.
25. *Faszczka M. N.* Wzrost dyscyplinarnych uprawnień centurionów w I w. p.n.e. // *Armia i systemy obronne w Imperium Rzymskim.* — Red. H. Kowalski, P. Madejski. — Lublin, 2015.
26. *Ruciński S.* Praefecti praetorio. Dowódcy gwardii pretoriańskiej od 2 roku przed Chr. do 282 roku po Chr. — Bydgoszcz, 2013.
27. *Łuć I.* Excubiae principis. Geneza i zadania żołnierzy kohort pretoriańskich w starożytnym Rzymie. — Poznań, 2010.
28. *Łuć I.* Oddziały pretorianów w starożytnym Rzymie. Rekrutacja, struktura, organizacja. — Lublin, 2004.
29. *Łuć I.* Boni et Mali Milites Romani. Relacje między żołnierzami wojsk rzymskich w okresie Wczesnego Cesarstwa. — Kraków, 2010.
30. *Szubelak B.* Legionista Cezara, studium uzbrojenia. — Oświęcim, 2012.
31. *Narloch K.* Jazda Rzymska od połowy III wieku po podział Cesarstwa. — Oświęcim, 2014.
32. *Letki P.* Kawaleria Dioklecjana. Organizacja. Uzbrojenie. Taktyka. — Oświęcim, 2012.



А. И. Романчук (Екатеринбург)

Содружество трех научных центров — раскопки в Портовом районе Херсонеса

В июне 2015 г. в докладах на чтениях памяти В. И. Кадеева в той или иной мере затронуты проблемы, которые интересовали исследователя. Нынешняя конференция проходит в годовщину памятного события — в 1962 г. представители трех научных центров: Херсонесского историко-археологического заповедника (И. А. Антонова, С. Ф. Стржелецкий) Уральского (В. Н. Даниленко, Е. Г. Суров) и Харьковского университетов (В. И. Кадеев) разработали совместную программу археологических исследований Херсонесского городища и избрали «территориальный объект». Так была создана Объединенная экспедиция, которая в следующем году приступила к изучению портового квартала 1. На некоторые аспекты и результаты этих раскопок, которые нашли отражение в научных штудиях В. И. Кадеева, хотелось бы обратить внимание, поскольку они не были отражены в полной мере на чтениях 2015 г.

Инициатором объединения являлся С. Ф. Стржелецкий, который до 1968 г. возглавлял экспедицию. Его с уральцами, в частности с Е. Г. Суровым, связывали не только научные интересы, но и дружеские отношения, возникшие во время пребывания в Свердловске в период Великой Отечественной войны сотрудников заповедника и эвакуированных на Урал находок и документов архива из Херсонеса. Однако мало известным является то, что еще в конце XIX в. в одном из уральских сел существовал домашний музей «антиков», созданный дворянами Голубцовыми, где были представлены находки из Северного Причерноморья [1], а К. К. Косцюшко-Валюжинич с 1901 г. являлся почетным членом-корреспондентом Уральского общества любителей естествознания [2, с. 39]. Участие же Харьковского университета, где существовала научная школа антиковедения, созданная В. П. Бузескулом (1858–1931), вполне закономерно. Кроме того, во время Первой мировой войны (ноябрь 1914 г.) Харьков принял на хранение находки из Херсонеса, где они находились около 10 лет.

Возникшее научное содружество не являлось первым: в 40–50-е гг. XX в. изучение кварталов северной части Херсонесского городища производилось комплексной экспедицией, в состав которой входили Г. Б. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон [3; 4]. Согласно планам «учредителей» научного коллектива к раскопкам в портовом районе следовало привлечь силы всех экспедиций, работавших в Херсонесе с тем, чтобы единовременно исследовать все комплексы, расположенные на территории одного из кварталов, но в действи-

тельности отряды других вузов только на время присоединялись к раскопкам Объединенной экспедиции (Уфимский, Пермский, Челябинский университеты).

Итак, объектом исследований стал квартал, примыкающий к 16–18-й куртинам оборонительных стен, вдоль которых в 1889 и 1905 гг. К. К. Косцюшко-Валюжинич открыл 28 помещений и общественное здание. Позднее их называли римскими казармами, но, как показали последующие раскопки, относилось к эллинистическому времени; кроме того в юго-восточной части находился средневековый квартальный храм (храм Е) [5; 6].

Участок исследований ограничивался Первой продольной улицей, начинающейся от городских ворот, и 15-ой поперечной. Площадь участка составила около 2,5 тыс. кв. м. Выбор участка предопределили две причины: возможность связать периодизацию строительства оборонительных стен и внутриквартальной застройки и наличие наиболее мощного, в сравнении с другими районами городища, культурного слоя. Предполагалось, что в ходе раскопок будет прослежена более детальная стратиграфия, выявлены не только периоды значительных строительных работ, но и ремонты, и перестройки, а также получены материалы о времени возникновения наиболее ранних комплексов и, возможно, прекращения жизнедеятельности в портовом районе. Следовало также изучить открытые К. К. Косцюшко-Валюжиничем жилые комплексы, так называемые римские казармы и расположенную около городских ворот башню XIV. Большое значение придавалось разработке методики исследований городища широкой площадью и созданию детальной классификации находок. Безусловно, в числе практических задач стояло проведение археологической практики студентов и приобщение их к богатейшей истории не только античного и византийского Херсонеса-Херсона, но и в целом Таврики.

Практиковалось еженедельное обобщение итогов с соответствующей фиксацией в сводном дневнике (С. Ф. Стржелецкий и Н. Лебедева — УрГУ), наряду с ведением полевых дневников руководителями участков (В. В. Кучма, В. Н. Даниленко, Л. Г. Колесникова, И. А. Антонова; В. И. Кадеев). При этом на еженедельные «совещания» приглашались участники раскопок, а также те, кто занимался обработкой артефактов (Н. Бармина, Л. Ивашута, А. Романчук). Следует отметить также, что, формулируя задачи раскопок, исследователи определили и круг научных интересов: монографическое изучение крепостной ограды стало задачей И. А. Антоновой; обобщение и издание римских находок и комплексов брал на себя Харьковский университет; С. Ф. Стржелецкого интересовала целостная стратиграфия раскапываемого участка и особенности ее проявления на всей территории городища. В наиболее сложном положении оказался В. Н. Даниленко — сферой его научных интересов являлся эллинистический период.

М. Я. Сюзюмов, создатель Уральской школы византистики, полагал, что масштабные исследования в портовом районе значительными научными

силами позволят получить данные для подтверждения его теории континуитета византийского города: «Изучение истории Херсонеса занимает особое место. Этот город является в исторической науке как бы соединительным звеном истории античной, средневековой и ранней истории СССР. Проблемы города стали изучаться в широком плане особенно после того как на основании заключенного соглашения о научном сотрудничестве между кафедрой Всеобщей истории и Херсонесским музеем стали организовываться экспедиции» (о сюжете М. Я. Сюзюмов и Херсонес [см.: 7, с. 320–323]). Именно поэтому анализ средневековых комплексов был возложен на Уральский университет. Однако хронологическое распределение материалов не означало, что коллеги по содружеству не могли публиковать находки другого периода.

Наиболее интенсивные и масштабные раскопки экспедиции приходятся на 1963–1968 гг., когда она действительно возглавлялась С. Ф. Стржеleckим, курировавшим все отряды. При этом он стремился к тому, чтобы одновременно исследовались хронологически близкие культурные напластования и сооружения. Кроме того, под его руководством разрабатывалась классификация керамических находок и в соответствии с нею производилась статистическая обработка. Все извлеченные из земли фрагменты «находили свое место» в соответствующих графах полевых описей, а на профильные части сосудов составлялись чертежи. Безусловно, обработка и реставрация артефактов требовали значительного времени и сил, поэтому непосредственно на раскопе было занято не более 50–60 % состава лаборантов экспедиции. Благодаря такому положению стало возможным издание первых работ о керамических находках, согласно принятой в экспедиции классификации [8–10]. А в последующем, выполняя первоначально оговоренные обязательства, в Уральском университете были опубликованы и другие находки византийского времени из портового района [11–15]. Результаты первых лет раскопок, когда исследовались поздневизантийские комплексы (1963–1966 гг.), наиболее полно освещены в печати [16–22].

Единовременное удаление культурных напластований позволило выявить, что слой XII–XIV вв., фиксируемый при изучении кварталов северного района, на территории портового района представлен двумя строительными периодами (XII–XIII вв. и XIV в.). Этим периодам предшествовали существенные разрушения. В верхнем слое пожара, наряду с византийскими, встречались восточные монеты XIII–XIV вв. [23]. Кроме того обнаружена существенная вариабельность стратиграфии в пределах одного дома, обусловленная назначением отдельных помещений, а находки ранневизантийских монет косвенно свидетельствовали о жизнедеятельности на территории квартала в данное время. Значительное влияние на отложение культурного слоя на северо-западе квартала, где расположены так называемые римские казармы, оказало то, что фундаментальные стены здания в каждый последующий период застройки использовались как основание для новых строений.

Правда, и здесь были открыты такие ранние памятники, как рыбозасолочная цистерна, засыпанная в начале VII в., колодезь римского времени, а далее к юго-востоку — позднеантичные слои и римская вымостка.

При исследовании площади в центре квартала и храма (храм 1963 г.) обнаружена инверсия культурных напластований (слой с поздними находками располагался ниже более ранних), а статистическая обработка материалов из гробниц двух квартальных храмов (храм Е, открытый К. К. Косцюшко-Валюжиничем, и храм 1963 г.) позволила ориентировочно определить количество взрослых обитателей квартала и сопоставить это число с количеством усадеб для каждого из хронологических периодов.

Безусловно, каждый из полевых сезонов приносил существенные результаты, что давало новые аргументы для дискуссий о значимости Херсона в XIV в., или об особенностях развития города в период «темных веков» (середина VII — середина IX в.). И в данном плане большое значение имело выявление слоя разрушения первых десятилетий VII в., и обнаружение следов последовавшей после этого застройки — комплексов, относящихся к VII—VIII вв. — одному из наиболее дискуссионных периодов истории византийского города. Об этом, как и других результатах, позволяют судить информационные заметки в «Археологических открытиях» [24–32]. Позднее, в ходе изучения портового квартала 2 некоторые из наблюдений, сделанных коллективом Объединенной экспедиции, были уточнены [33–37].

Одно из направлений деятельности К. Э. Гриневича в период руководства Херсонесским музеем стали подводные исследования на одном из участков Герacleйского полуострова [38]. Коллеги-современники встретили эти изыскания критически, что отражено, к примеру, в письме М. И. Ростовцева к английскому историку Э. Х. Миннзу: «Жебелев мне говорит, что его подводный город чистая фантазия» [39, с. 316]. «Города под водой» К. Э. Гриневич не нашел, но изучение прибрежной части акватории Черного моря, безусловно, имело большое значение и понять неудачу создателя Херсонесского направления в Харьковском университете попытался В. И. Кадеев, правда, участок для погружений был избран иным [40; 41]. Данные работы выявили своеобразие донного рельефа в районе Херсонеса и позволили понять причины значительных разрушений городища в северном районе. Подтверждало наблюдения и изучение трех рыбозасолочных цистерн, предпринятое по инициативе В. И. Кадеева. Расположенные в северной прибрежной части городища, цистерны разрушались приливной волной. Исследование данных памятников, с одной стороны, позволило получить данные для выявления времени сооружения «емкостей» для приготовления соуса из рыбы, с другой, — привело к формированию значительной коллекции индиктных клейм, которые были известны в единичных экземплярах [42; 43].

Следует отметить, что в рамках Объединенной экспедиции В. И. Кадеев стал инициатором использования методов естественных наук, проложив путь

содружества археологов и специалистов в области геохронологии, спектрографии и петрографии, металловедения в процессе изучения артефактов [44–48].

Безусловно, объектом внимания В. И. Кадеева являлись также и конкретные находки, и не только римского времени [49–51]. Позднее отдельные результаты раскопок Портового района В. И. Кадеев использовал в монографических штудиях [52; 53].

С 1970 г. экспедиция превратилась в формальное объединение; прежнего «единого руководства» не существовало. В 1969 г. В. Н. Даниленко переехал в Симферополь, руководителем Уральского отряда стала А. И. Романчук. После завершения работ на юго-восточном участке квартала — территории, которая традиционно являлась местом раскопок университета, в 1978 г. было начато исследование расположенного рядом портового квартала 2.

В последней четверти XX в. исследования в Херсонесе Харьковского университета возглавили ученики В. И. Кадеева С. Б. Сорочан, С. В. Дьячков [54–57]. После завершения раскопок комплекса «римские казармы» С. В. Дьячков вошел в состав экспедиции, которая обратилась к исследованию памятников Балаклавы. С. Б. Сорочан стал помощником И. А. Антоновой, руководившей раскопками на территории цитадели. Его участие в раскопках данного участка отражено в ряде статей [напр., 58].

В конце двадцатого столетия на работе многих отрядов начало сказываться или резкое сокращение, или полное прекращение финансирования экспедиционных работ, что, безусловно, отразилось на исследованиях и в Портовом районе. До 2002 г. смог продолжить раскопки только Уральский университет, но новое тысячелетие требовало применения и новых методов исследований: широкого введения глубинного сканирования, аэрофотосъемки, изучения артефактов с помощью метода Месбауэра, которые являются дорогостоящими и в силу этого пока не возможными для отдельного научного учреждения. Следовательно, будущее за повторением опыта Объединенной экспедиции, у истоков которой в 1962–1963 гг. стоял один из крупнейших историков римской эпохи В. И. Кадеев.

Не трудно предположить, что к 200-летию раскопок (2027 г.) исследователи Херсонеса-Херсона-Корсуни будут подводить итоги многолетних исследований, в том числе и будут отмечены и труды Объединенной экспедиции.

Конечно, во время раскопок Объединенной экспедиции допускались и методические ошибки, и существовали научные заблуждения, высказывались гипотезы, не выдержавшие проверки временем, велись многочисленные дискуссии по отдельным сюжетам истории античного и средневекового города. И многие из тех, кто соприкасался с памятниками Херсонеса-Херсона-Корсуни, открывая их для подтверждения своей научной концепции или же самозабвенно работая непосредственно на раскопе, внесли вклад в воссоздание его истории. И пусть «каждому воздастся по трудам его».

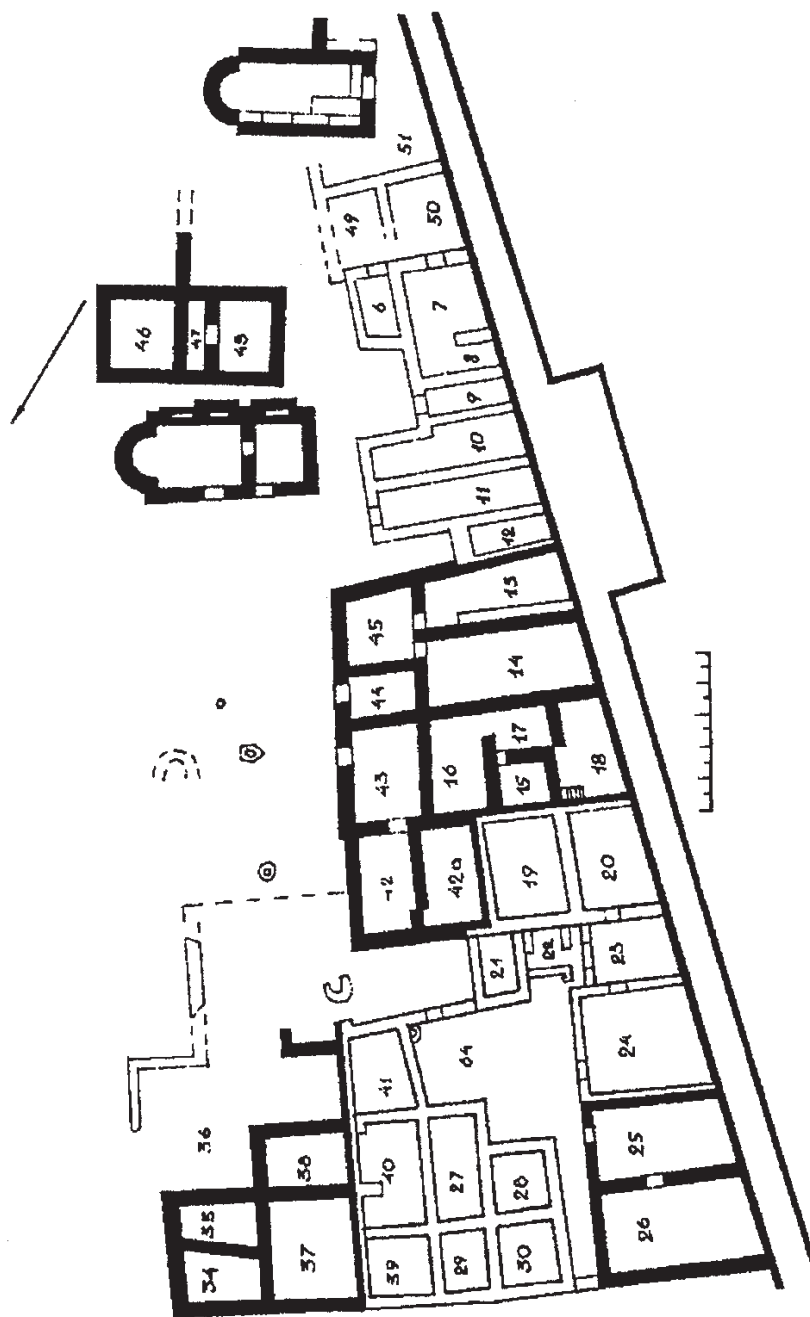


Рис. 1. Портовый квартал 1. Застройка XIV в.

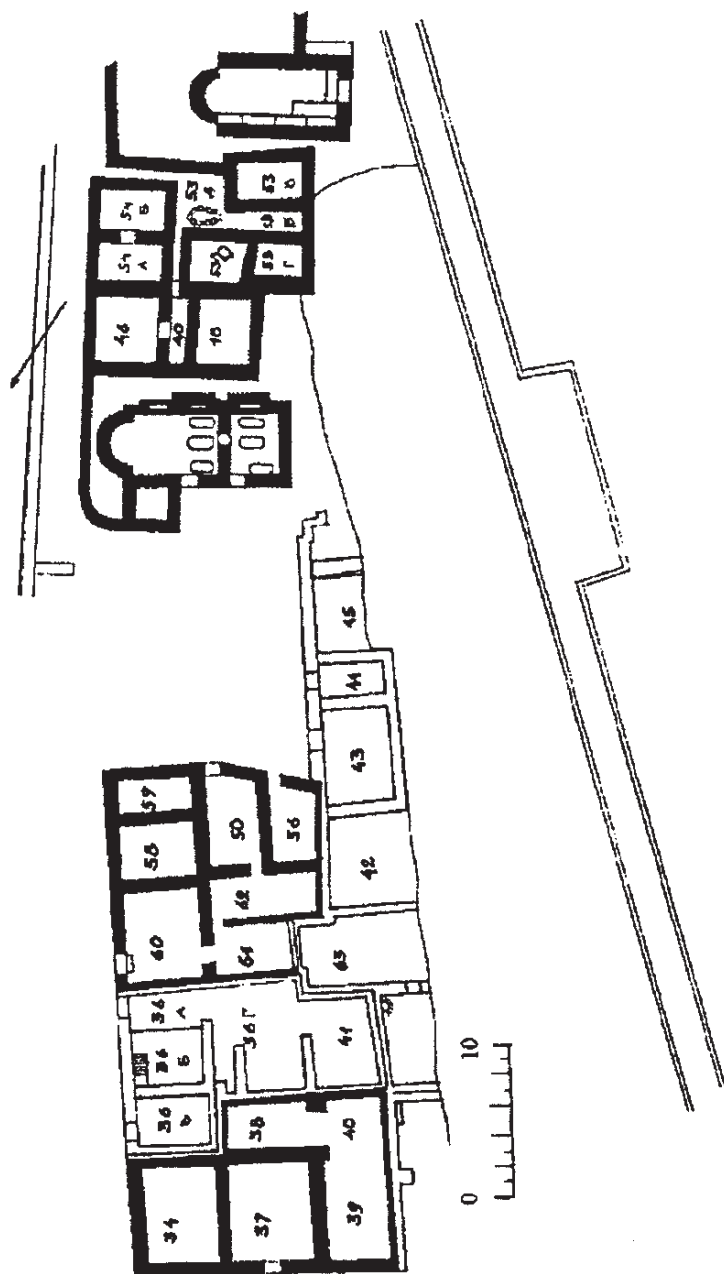


Рис. 2. Портовый квартал 1. Комплексы (XII) XIII в.

Литература

1. Романчук А. И. Коллекционеры Голубцовы, или феномен историка — непрофессионала // Наука. Общество. Человек: Вестник Уральского отделения АН. — Екатеринбург, 2011. — Вып. 3 (37).
2. Романчук А. И. К. К. Косцюшко-Валюжинич. Этюды повседневности. — Saarbrücken, 2014.
3. Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV—XVI: раскопки 1937 г. // МИА. — 1953. — № 34.
4. Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII: раскопки 1941, 1947 и 1948 гг. // МИА. — 1953. — № 34.
5. Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечения из отчета о раскопках в Херсонесе в 1899 г. // ИАК. — 1901. — Вып. 1.
6. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. — 1907. — Вып. 25.
7. Поляковская М. А. Херсонес в письмах М. Я. Сюзюмова // Византия. Византийцы. Византилисты. — Екатеринбург, 2003.
8. Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. — 1971. — Вып. 7.
9. Ивашута Л. П. Неполивная керамика позднесредневекового Херсонеса // АДСВ. — 1975. — Вып. 11.
10. Симонова Т. И. Метки на черепице кровли дома XIII—XIV вв. // АДСВ. — Вып. 17. — 1980.
11. Романчук А. И. Граффити на средневековой керамике из Херсонеса // СА. — 1986. — № 4.
12. Романчук А. И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсонеса. — Екатеринбург, 2003.
13. Романчук А. И. Строительные материалы византийского Херсона. — Екатеринбург, 2004.
14. Романчук А. И., Сазанов А. В. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. — Свердловск, 1991.
15. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. — Екатеринбург, 1995.
16. Даниленко В. Н. Некоторые итоги раскопок Херсонеса Таврического (1958–1964) // Учен. зап. Перм. ун-та. — 1966. — № 143.
17. Даниленко В. Н., Романчук А. И. Сводный отчет Объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. // АДСВ. — 1971. — Вып. 7.
18. Кадеев В. И. Раскопки в «центре участка» (1965–1966) // АДСВ. — 1973. — Вып. 9.

19. Кучма В. В., Романчук А. И. Раскопки на юго-восточном участке портового квартала (1965–1966) // АДСВ. — 1973. — Вып. 9.
20. Соломоник Э. И. Греческие надписи из портового района Херсонеса // АДСВ. — 1973. — Вып. 9.
21. Стржелецкий С. Ф. Раскопки Объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. // Тез. докл. сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. — Баку, 1965.
22. Стржелецкий С. Ф. Раскопки Объединенной Херсонесской экспедиции Херсонесского музея, Уральского и Харьковского университетов в 1963–1965 гг. // Тез. докл. пленума Института археологии АН СССР 1966 г. Секция «Ранний железный век». — М., 1966, — Ч. 2.
23. Гилевич А. М. Монеты из раскопок портового квартала Херсонеса, 1965–1968 гг. // АДСВ. — 1973. — Вып. 9.
24. Даниленко В. Н., Кадеев В. И., Романчук А. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО — 1969. — М., 1970.
25. Даниленко В. Н., Кадеев В. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АИУ — 1968. — Вып. 3. — К., 1971.
26. Кадеев В. И. Исследования в портовой части Херсонеса // АО — 1968. — М., 1969.
27. Кадеев В. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО — 1981. — М., 1983.
28. Кадеев В. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО — 1982. — М., 1984.
29. Кадеев В. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО — 1983. — М., 1985.
30. Кадеев В. И. Раскопки в Херсонесе // АО — 1984. — М., 1986.
31. Кадеев В. И., Романчук А. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО — 1971. М., 1972.
32. Кадеев В. И., Романчук А. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО — 1975. — М., 1976.
33. Романчук А. И. Исследования поздневизантийских слоев на участке портового квартала 2 Херсонеса // АИУ — 1978–1979 гг. Тез. докл. — Днепропетровск, 1980.
34. Романчук А. И. Хроника раскопок в Херсонесе // ВВ. — 1990. — Т. 51.
35. Романчук А. И. Хроника раскопок в Херсонесе. 1989–1990 гг. // ВВ. — 1992. — Т. 53.
36. Романчук А. И. Итоги раскопок в портовом квартале 2 Херсонесского городища // АИК — 1994. — Симферополь, 1997.

37. Романчук А. И. Раскопки Уральского университета в Херсонесе: К со- рокалетию Крымской археологической экспедиции // ВВ. — 1999. — Т. 58 (83).
38. Гриневич К. Э. Исследование подводного города близ Херсонесского маяка в 1930–1931 гг. — М., 1931.
39. Бонгард-Левин Г. М. М. И. Ростовцев и Э. Х. Миннз: От Скифии до Китая и Японии // Скифский роман. — М., 1997.
40. Вишневский В. И., Кадеев В. И. Подводные исследования у берегов Хер- сонеса // АО — 1966. — М., 1967.
41. Кадеев В. И. Подводные археологические исследования в районе Херсо- неса в 1964–1965 гг. // Морские подводные исследования. — М., 1969.
42. Кадеєв В. І., Рижов С. Г. Нова рибозасолювальна цистерна у Херсонесі // Археологія. — 1973. — Вип. 12.
43. Романчук А. И. Новые материалы о времени строительства рыбозасо- лочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. — 1973. — Вып. 9.
44. Кадеев В. И. Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса // СХМ. — 1963. — Вып. 3.
45. Кадеев В. И. О времени появления токарного металлорежущего станка в Херсонесе // Античная история и культура Средиземноморья и При- черноморья. — Л., 1968.
46. Кадеев В. И., Солнцец Л. А., Фомин Л. Д. О технологии изготовления не- которых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе // СА. — 1963. — № 1.
47. Кадеев В. И., Шумейко С. И. Некоторые результаты петрографических исследований античной керамики из Херсонеса // ЗОАО. — 1967. — Т. 2 (35).
48. Кадеев В. И. Раскопки в Херсонесе // АО — 1970. — М., 1971.
49. Кадеев В. И. Средневековые граффити из Херсонеса // СА. — 1968. — № 2.
50. Кадеев В. И. Косторізне виробництво у пізньоантичному Херсонесі І— ІV ст. н. е. // Археологія. — 1969. — Т. 22.
51. Кадеев В. И. Деревообрабатывающее производство Херсонеса в I—IV вв. н. э. // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. — К., 1974.
52. Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I— IV веках н. э. — Х., 1970.
53. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Х., 1981.
54. Дьячков С. В. Раскопки XIV продольной улицы в портовом районе Херсо- неса Таврического // Древности, 1994: Историко-археологический еже- годник. — Х., 1995.
55. Дьячков С. В. Херсонесская археологическая экспедиция в 1996–1998 гг. // Древности, 1997–1998: Историко-археологический ежегодник. — Х., 1999.

56. Дьячков С. В., Золотарев М. И. Раскопки «казармы» в портовом районе Херсонеса в 1993 г. // Древности, 1994: Историко-археологический ежегодник. — Х., 1995.
57. Дьячков С. В., Магда А. В. Работы Херсонесской археологической экспедиции Харьковского университета в 1994 г. // Древности, 1995: Историко-археологический ежегодник. — Х., 1996.
58. Сорочан С. Б. Об архитектурном комплексе фемного претория в Херсоне // АДСВ. — 2004. — Вып. 35.



Наши авторы

Акимов Александр Борисович (*Харьков*) — канд. ист. наук, директор Коммунального учреждения «Школа искусств»

Аксёнов Виктор Степанович (*Харьков*) — канд. ист. наук, заведующий отделом археологии Харьковского исторического музея имени Н. Ф. Сумцова

Бардола Константин Юрьевич (*Харьков*) — канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина

Боднарюк Богдан Михайлович (*Черновцы*) — д-р ист. наук, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и музееведения факультета истории, политологии и международных отношений Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича

Болгов Николай Николаевич (*Белгород*) — д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета

Болгова Анна Михайловна (*Белгород*) — канд. пед. наук, доцент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета

Вашук Людмила Викторовна (*Киев*) — канд. ист. наук, независимый исследователь

Вус Олег Владимирович (*Львов*) — канд. ист. наук, независимый исследователь

Домановский Андрей Николаевич (*Харьков*) — канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина

Дьячков Сергей Владимирович (*Харьков*) — канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина, директор Харьковского университетского лицея

Кариков Сергей Анатольевич (*Харьков*) — канд. ист. наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Национального университета гражданской защиты Украины

Ковбасюк Стефания Андреевна (*Киев*) — канд. ист. наук, ассистент кафедры истории искусств, историк первой категории НИЧ исторического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Колода Владимир Васильевич (*Харьков*) — канд. ист. наук, доцент кафедры истории Украины, заведующий камеральной археологической лабораторией Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды

- Котенко Виктория Владимировна** (*Полтава*) — канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Национального музея-заповедника украинского гончарства в Ополне
- Крульчик Кшиштоф** (*Познань*) — д-р ист. наук, доцент Института истории Университета имени Адама Мицкевича в Познани
- Лиман Сергей Иванович** (*Харьков*) — д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой туристического бизнеса факультета управления и бизнеса Харьковской государственной академии культуры
- Литовченко Анна Николаевна** (*Харьков*) — соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина
- Литовченко Сергей Дмитриевич** (*Харьков*) — канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, декан исторического факультета ХНУ имени В. Н. Каразина
- Майко Вадим Владиславович** (*Симферополь*) — д-р ист. наук, временно исполняющий обязанности директора Института археологии Крыма РАН
- Маркович Мария Николаевна** (*Дрогобыч*) — аспирант кафедры всемирной истории Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франка
- Мартемьянов Алексей Павлович** (*Харьков*) канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина
- Могаричев Юрий Миронович** (*Симферополь*) — д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования
- Науменко Валерий Евгеньевич** (*Симферополь*) — канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
- Нефедов Константин Юрьевич** (*Харьков*) — канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения и украинского языка Национального аэрокосмического университета имени Н. Е. Жуковского «ХАИ»
- Олийных Николай Андреевич** (*Трускавец*) — канд. ист. наук, старший преподаватель Львовского факультета менеджмента и бизнеса Киевского университета культуры
- Плешивенко Алла Григорьевна** (*Запорожье*) — научный сотрудник Запорожского областного центра охраны культурного наследия
- Пономарев Леонид Юрьевич** (*Керчь*) — научный сотрудник, Археологический центр Благотворительного фонда «Дементра»
- Романчук Алла Ильинична** (*Екатеринбург*) — д-р ист. наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета
- Роменский Александр Александрович** (*Харьков*) — канд. ист. наук, методист Коммунального учреждения «Школа искусств»

Сандуляк Иван Георгиевич (*Черновцы*) — канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и музееведения; заведующий этнографического музея факультета истории, политологии и международных отношений Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича

Селевко Юлия Петровна (*Харьков*) — канд. ист. наук, учитель истории Харьковского лицея № 149

Сергеев Иван Павлович (*Харьков*) — д-р ист. наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина

Серов Вадим Валентинович (*Барнаул*) — д-р ист. наук, профессор Алтайского института экономики

Сорочан Сергей Борисович (*Харьков*) — д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразин

Супренков Александр Анатольевич (*Москва*) — младший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН

Янко Андрей Леонидович (*Полтава*) — канд. ист. наук, доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин Полтавского национального технического университета имени Юрия Кондратюка



Список сокращений

АВУ	— Археологічні відкриття в Україні, Київ
АДСВ	— Античная Древность и Средние века, Свердловск; Екатеринбург
АИК	— Археологические исследования Крыма, Симферополь
АИУ	— Археологические исследования в Украине, Киев
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України, Київ
АМА	— Античный мир и археология, Саратов
АО	— Археологические открытия, Москва
ВВ	— Византийский временник, Москва
ВДИ	— Вестник древней истории, Москва
ГИМ	— Государственный исторический музей, Москва
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества, Санкт-Петербург
ЗНУ	— Записки Новороссийского университета, Одесса
ЗОО	— Записки Одесского археологического общества, Одесса
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук, Москва
ИАК	— Известия Археологической комиссии, Санкт-Петербург
ИИМК	— Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург
ИЭ	— Институт этнографии, Москва
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР, Москва
МАИЕТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь, Керчь
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии, Санкт-Петербург
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР, Москва; Ленинград
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины, Киев
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры, Москва; Магнитогорск; Новосибирск
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей, Санкт-Петербург, 1908;
РА	— Российская археология, Москва

CA	— Советская археология, Москва
CAI	— Свод археологических источников, Москва
CXM	— Сообщения Херсонесского музея, Симферополь
XT	— Херсонес Таврический, Национальный заповедник Херсонес Таврический, Севастополь
ANRW	— Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, Berlin; New York
CAH	— Cambridge ancient history, Cambridge
CIE	— Corpus inscriptionum Etruscarum. — Vol. 1–, 1893–, Lipsiae
CIL	— Corpus inscriptionum Latinarum. — Vol. 1–, 1862–, Berolini
FGrH	— Die Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. F. Jacoby. — Teilen 1–6, 1923–1958, Berlin; Leiden
FHG	— Fragmenta historicorum Graecorum / Ed. C. Müller. — Vol. 1–5, 1841–1873, Parisiis
IDR	— Inscriptiile Daciei Romane, București
JRS	— The Journal of Roman Studies, Cambridge
ODB	— Oxford Dictionary of Byzantium, Oxford
ThLE	— Thesaurus Linguae Etruscae. — Vol. 1–, 1978–, Roma
TLE	— Pallottino M. Testimonia Linguae Etruscae, 1968, Firenze
ZPE	— Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, Köln



Содержание

ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ

Аксёнов В. С. (<i>Харьков</i>). О семантике одного вида детских амулетов салтово-маяцкого населения бассейна Северского Донца	6
Колода В. В. (<i>Харьков</i>). Культурно-хронологическая интерпретация селища «Мохнач-Ж»	11
Котенко В. В. (<i>Полтава</i>). Торгівля Херсонеса Таврійського з полісами Північно-Західного Причорномор'я в елліністичний час (за матеріалами столової кераміки)	17
Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. (<i>Москва, Симферополь, Керчь</i>). Комплекс хозяйственных сооружений на северо-восточной окраине поселения Гора Чиркова 1 (по итогам раскопок Керченско-Таманской экспедиции в 2015 г.)	22

ИСТОРИЯ АНТИЧНОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Акимов А. Б. (<i>Харьков</i>). Особенности менталитета ветеранов римской армии (по материалам провинции Дакия)	30
Литовченко С. Д. (<i>Харьков</i>). «Армянская вечерня» — история одного пропагандистского мифа	34
Маркович М. М. (<i>Дрогобич</i>). Перська кампанія імператора Юліана 363 р.	38
Мартемьянов А. П. (<i>Харьков</i>). Владимир Иванович Кадеев и ветераны римской армии	42
Нефедов К. Ю. (<i>Харьков</i>). Культ правителя в постколониальной концепции эллинизма	45
Сандуляк І. Г. (<i>Чернівці</i>). Подорожі у стародавньому світі: витоки та формування туристичної традиції	49
Селевко Ю. П. (<i>Харьков</i>). Формы и виды досуга римлян в эпоху Поздней Республики (III—I вв. до н. э.)	53
Сергеев И. П. (<i>Харьков</i>). О «налоговой нагрузке» в Древнем Риме республиканской эпохи	57
Янко А. Л. (<i>Полтава</i>). Місто у політичній термінології етруських написів	62

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

Бардола К. Ю. (<i>Харьков</i>). Проблема византийской коррупции в историографии	68
Болгов Н. Н. (<i>Белгород</i>). Афродисия в Кари ранневизантийского времени.....	72
Болгова А. М. (<i>Белгород</i>). «Жизнь Исидора» Дамаския как история поздней неоплатонической школы	76
Вус О. В. (<i>Львов</i>). О морских землетрясениях и тотальной перестройке византийского Херсона во второй половине VI в.	81
Домановський А. М. (<i>Харьков</i>). Самоуправління чи самоуправство? Херсон і Фессалоніка у складі Візантійської імперії VII—IX ст. (окремі зауваги до питання про «особливий статус» міст)	86
Литовченко А. Н. (<i>Харьков</i>). Свет в пространстве византийского храма по материалам Херсона	90
Майко В. В. (<i>Симферополь</i>). Паломнические реликвии средневековой Сугдеи и ее окрестностей	95
Могаричев Ю. М. (<i>Симферополь</i>). К проблеме времени образования Фульской епархии в Крыму	101
Серов В. В. (<i>Барнаул</i>). Строительство религиозных объектов в правление Юстиниана I по данным его законодательства.....	105
Сорочан С. Б. (<i>Харьков</i>). От дуката до катепаната, или Еще раз о поисках «призраков» самоуправления в провинциальном византийском Херсоне	108

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Боднарчук Б. М. (<i>Чернівці</i>). Особливості християнізації Шотландії в епоху Раннього Середньовіччя	114
Ващук Л. В. (<i>Київ</i>). Фреска «Королівський слон» у галереї Франциска I Валуа: символіка та алегорія образів	118
Дьячков С. В. (<i>Харьков</i>). Генуэзская крепость Чембало в османской Балаклаве: свидетельства очевидцев XVI—XVII вв.	121
Каригов С. А. (<i>Харьков</i>). «Княжеская война» и Пассауский договор 1552 г.: от вооруженного противостояния к политическому компромиссу	126
Ковбасюк С. А. (<i>Київ</i>). «Крихка посудина»: особливості рецепції середньовічної мізогінії у Північному гуманізмі.....	130

Плешивенко А. Г. (<i>Запорожье</i>). Русь и печенеги в степях Нижнего Поднепровья	134
Роменский А. А. (<i>Харьков</i>). Владимир Мономах и первый «еврейский погром» в Киеве: к интерпретации событий 1113 г.	141

ИСТОРИЯ НАУКИ

Крульчик К. (<i>Познань</i>). Зв'язки між польськими та українськими дослідниками стародавнього світу в міжвоєнний період — вибрані питання.....	146
Лиман С. И. (<i>Харьков</i>). Путешествие Иоганна Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. и его отражение в творчестве Ф. К. Бруна	153
Олійник М. А. (<i>Трускавець</i>). Сучасна польська історіографія військової історії Стародавнього Риму.....	157
Романчук А. И. (<i>Екатеринбург</i>). Содружество трех научных центров — раскопки в Портовом районе Херсонеса.....	161
Наши авторы	172
Список сокращений	175



Наукове видання

LAUREA II:

Античний світ та Середні віки:

Читання пам'яті професора Володимира Івановича Кадєєва

Відповідальний за випуск *С. В. Д'яков*,
художній редактор *С. Е. Кулинич*,
комп'ютерна верстка *Ю. І. Цитковська*,
коректор *І. Л. Д'яченко*

Підписано до друку 1.06.2017.

Формат 60×90/16. Папір офсетний.

Друк офсетний. Гарнітура SchoolBook.

Умов. друк. арк. 11,25. Наклад 300 прим.

Харківський національний університет
імені В. Н. Каразіна,
майдан Свободи, 4, м. Харків, 61022, Україна

Свідоцтво ДК № 1748 від 15.04.2004.

ТОВ «НТМТ»,

пр. Науки, 58, к. 108, м. Харків, 61072, Україна